Шкафъ 1 3
Полка 3
№ 574
Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

574

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

Шкаф
Полка
№

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

АПРѢЛЬ.

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКАГО
С.-Петербургск. Университета.

Просрочено 1948 г.

МОСКВА.

1871.

Шкаф
Полк
№ ....

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

АПРѢЛЬ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1871.

ОТЧЕТЪ

Московскаго Юридическаго Общества за 1870 годъ,

Читанный секретаремъ Общества А. М. Фальковскимъ въ годичномъ засѣданіи 17 февраля 1870 года).

Мм. Гг.

По старому обычаю, мы, прежде всего, займемъ ваше вниманіе краткимъ обозрѣніемъ состава и матеріальныхъ средствъ Общества.

Въ годичномъ засѣданіи, 18 февраля 1870 г., на основаніи 7 и 8 §§ Устава Обществомъ избраны были: предсѣдателемъ В. Н. Лешковъ, кандидатомъ его Э. Н. Сумбулъ, секретаремъ А. М. Фальковскій, кандидатомъ его К. П. Палибинъ, казначеемъ М. Я. Шиллингъ, кандидатомъ его Я. И. Любимцевъ.

Въ 1870 году составъ Общества увеличился избраніемъ имъ въ дѣйствительные свои члены: Н. Э. Долинскаго, П. М. Вышеславцева, В. И. Жилина-Кохнова, М. И. Энгельгардта, А. К. Шуфа, Н. П. Ляпидевскаго и П. Н. Измалкова.

Состояніе денежной кассы Юридическаго Общества:

Оставалось отъ 17 февраля 1870 г.	
Наличными	906 р. 33 к.
5% билетами 2-го внутренняго съ выигрышами займа	1100 „ — „
Къ тому поступило по 17 февраля 1871 г.	
Членскихъ взносовъ и за дипломы	571 „ — „
За журналы изъ Одессы и Харькова	9 „ — „
	580 „ — „
Всего съ остальными наличными	1486 р. 33 к.
5% билетами	1100 „ — „

Изъ нихъ израсходовано по 17 февраля 1871 г:

На напечатаніе разныхъ объявленій	95 р. 25 к.
На изданіе „Юридическаго Вѣстника“	1090 „ 82 „
На канцелярскіе матеріалы и хозяйство	31 „ 22 „

На покупку книгъ, переписку бумагъ и каталоговъ и почтовые расходы	15 „	35 „
На жалованье:		
Письмоводителю	120 „	— „
Сторожу и разсыльному	99 „	— „
	1451 „	68 „

Затѣмъ въ остаткѣ къ 17 февраля 1871 г.:

Наличными	34 „	65 „
5% билетами	1100 „	— „

Состояніе библіотеки:

Полное собраніе законовъ, Свод. Зак. изд. 1857 г., частныя изд. зак. Гражд. Устав. Торг. Улож. о наказ. Судеб. Устав., разныя юридическія сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, книги и чертежи, всего 355 кн., кромѣ журналовъ и газетъ.

Этимъ краткимъ очеркомъ состава и средствъ Общества не можетъ быть законченъ нашъ отчетъ. Намъ еще предстоитъ болѣе трудная обязаность ближе ознакомить Васъ, Мм. Гг. съ дѣятельностью нашего Общества за истекшій годъ. Оставаясь вѣрнымъ своему прошедшему, Юридическое Общество, въ очередныхъ засѣданіяхъ своихъ, занималось обсужденіемъ предложенныхъ Гг. членами вопросовъ, преимущественно изъ гражданскаго и уголовнаго права; кромѣ того въ разныхъ засѣданіяхъ Общества были прочтены сочиненія: 1) В. Н. Лешкова: а) общія замѣчанія на первую книгу X Т. 1 ч. Св. Зак. Гражд. о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ, б) смыслъ пословицы „вдова мірской человѣкъ“ и в) о частномъ поземельномъ правѣ по Св. Зак. 2) Н. П. Липидевскаго а) о современномъ значеніи римскаго права и методахъ его преподаванія и б) объ особенностяхъ римской наслѣдственной системы сравнительно съ наслѣдованіемъ по русскому праву и 3) А. М. Фальковскаго о предѣлахъ власти владѣльцевъ, по русскому праву, распоряжать благопріобрѣтеннымъ имуществомъ на случай его смерти. Все это, а также извлеченія изъ протоколовъ Юридическаго Общества по болѣе замѣчательнымъ вопросамъ предназначено къ помѣщенію въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, изданіе котораго было пріостановлено по случаю перемѣны въ составѣ редакціи. На мѣсто отказавшихся редакторовъ Н. В. Калачева и С. С. Шайкевича, Общество избрало редакторами предсѣдателя своего В. Н. Лешкова и дѣйствительнаго члена А. М. Фальковскаго. Но отвѣта объ утвержденіи вновь избранныхъ отвѣтственными редакторами лицъ еще не получено отъ Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати.

Трудно выбиваться изъ наѣзженной колеи. Но приходитъ тому пора. Чисто практическое направленіе Общества съ каждымъ днемъ утрачиваетъ первоначальное свое значеніе. Дѣятельность новыхъ судебныхъ учрежденій и въ особенности Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, въ практическомъ отношеніи, опереживаетъ насъ и представляетъ громадный матеріалъ, требующій научной разработки и чрезвычайныхъ усилій со стороны юристовъ, чтобы изъ всего этого матеріала извлечь общія начала, могущія облегчить познаніе отечественныхъ законовъ, необходимое для всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Юридическое Общество изданіемъ своего журнала, успѣхъ и польза котораго будутъ зависѣть отъ степени участія въ

немъ Вашего, Мм. Гг., можетъ, съ своей стороны, оказать посильную услугу въ разработкѣ отечественнаго права. Поэтому принявъ на себя возложенную Вами на насъ обязанность по редакціи „Юридическаго Вѣстника", мы позволяемъ надѣяться и на Ваше содѣйствіе.

ПРОТОКОЛЪ

годичнаго засѣданія Московскаго Юридическаго Общества 17 февраля 1871 года.

Юридическое Общество, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Лешкова, открыло свое годичное засѣданіе прочтеніемъ секретаремъ Общества А. М. Фальковскимъ отчета о составѣ, имущественныхъ средствахъ и дѣятельности Общества за истекшій годъ. Затѣмъ на основаніи 7 и 8 §§ своего Устава приступило къ избранію должностныхъ лицъ изъ числа дѣйствительныхъ своихъ членовъ; при чемъ были избраны: предсѣдателемъ Общества В. Н. Лешковъ, кандидатомъ его Я. И. Любимцевъ, секретаремъ А. М. Фальковскій, кандидатомъ его К. П. Палибинъ казначеемъ М. Я. Шиллингъ и кандидатомъ его Г. Г. Костаревъ. По предложенію члена Н. П. Ляпидевскаго Обществомъ, по баллотировкѣ, принятъ въ дѣйствительныя члены Л. Ф. Снегиревъ. Секретарь Общества А. М. Фальковскій представилъ свой докладъ по проекту измѣненія Устава Общества и прочелъ сообщеніе Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 13 ноября 1870 г. за № 4890, и выписку изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 28 сентября 1870 года и наконецъ списокъ членовъ Общества, не внесшихъ въ положенный срокъ денежныхъ взносовъ. По выслушаніи чего Общество постановило: Проектъ измѣненнаго устава дополнивъ и исправивъ по замѣчаніямъ Ученаго Комитета, представить на утвержденіе по принадлежности установленнымъ порядкомъ вопросъ же о лицахъ, не внесшихъ членскихъ взносовъ, отложить впредь до утвержденія измѣненій, сдѣланныхъ въ уставѣ Общества. Въ заключеніе г. предсѣдатель Общества В. Н. Лешковъ прочелъ свою статью: „Юридическая библіографія," предназначенную для помѣщенія въ „Юридическомъ Вѣстникѣ".

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 1870 г.

4 марта. По вопросу, предложенному членомъ г. Березницкимъ: „искъ, предъявленный въ прежнемъ судебномъ мѣстѣ безъ приложенія исковыхъ пошлинъ, по коему данъ былъ судебный ходъ, прерываетъ ли земскую давность?“

Членъ, предложившій вопросъ, изложивъ обстоятельства дѣла, изъ котораго оный возникъ, остановилъ особенное вниманіе Общества во 1-хъ на томъ, что отвѣтчикъ въ 1-й инстанціи не только не указалъ на нарушеніе истцомъ 17 п. 267 ст. т. X ч. 2, но и вступилъ въ отвѣтъ по существу дѣла и во 2-хъ на томъ, что по апелляціонной жалобѣ отвѣтчика 2-я судебная инстанція производство нисшаго суда уничтожила за несоблюденіемъ истцомъ порядка, установленнаго для принесенія исковаго прошенія, неприложеніемъ установленныхъ пошлинъ и въ 3-хъ на томъ, что рѣшеніе 2-й инстанціи, уничтожившее прежнее производство, вступило въ законную силу на основаніи 2 п. 633 ст. т. X ч. 2. Въ заключеніе полагалъ: что разъ уничтоженное производство судебнымъ рѣшеніемъ 2-й инстанціи, вошедшимъ въ законную силу, не можетъ служить основаніемъ къ прерванію давности (т. X ч. 2 ст. 213).

Противъ этого высказано было слѣдующее мнѣніе: 1) постановленіе 2-й инстанціи, которымъ разрѣшено не самое существо дѣла, а вопросъ, касавшійся порядка судопроизводства, составляетъ частное опредѣленіе, которое за силою 496 ст. т. X ч. 2, за пропущеніемъ сроковъ, постановленныхъ на принесеніе частныхъ жалобъ, при окончательномъ рѣшеніи дѣла можетъ быть отмѣнено. 2) Что неприложеніе исковыхъ пошлинъ по 17 п. 267 и 268 ст. т. X ч. 2, могло имѣть единственнымъ послѣдствіемъ возвращеніе исковаго

прошенія съ надписью и что изъ соображенія 543, 544 и 545 ст. того же т. и ч. положительно можно заключить, что неприложеніе исковыхъ пошлинъ не могло влечь за собою уничтоженія производства нисшаго суда 3) Что въ виду положительной обязанности для суда возвращенія съ надписью прошенія, не подлежавшаго принятію, нельзя отнести къ винѣ истца пропущеніе срока, установленнаго 694 ст. т. X ч. I и 213 ст. того же т. ч. 2, и 4) Что возникшее вновь дѣло, за уничтоженіемъ прежняго производства въ 1-й инстанціи, во всякомъ случаѣ нельзя считать новымъ искомъ, а послѣдствіемъ постановленія 2-й инстанціи.

Вопросъ остался открытымъ до слѣдующаго очереднаго засѣданія, имѣющаго быть 9 марта.

9 марта. Вопросъ, оставшійся открытымъ отъ прошедшаго засѣданія, большинствомъ разрѣшенъ согласно съ мнѣніемъ члена, предложившаго вопросъ. Въ основаніе такого разрѣшенія главнымъ образомъ принято, что рѣшеніе 2-й инстанціи, постановленное въ апелляціонномъ порядкѣ и вошедшее въ законную силу, уничтожило производство нисшаго суда, которое за симъ и не можетъ имѣть вліянія на пріостановленіе или прерваніе сроковъ, установленныхъ въ 694 ст. т. X ч. I и 213 ст. того же т. ч. II.

16 марта. По вопросу, предложенному членомъ А. М. Фальковскимъ: „русскій подданный, совершившій за границею преступленіе противъ Россіи и понесшій наказаніе по законамъ страны, гдѣ совершено преступленіе, по возвращеніи своемъ въ отечество, подвергается ли какимъ либо послѣдствіямъ за то преступленіе?“

Членъ, предложившій вопросъ, прежде всего обратилъ вниманіе на то, что указанный имъ случай не предусмотрѣнъ Улож. о наказ. Уголов. и Исправ. (ст. 173—175); что въ нашемъ уголовномъ правѣ признана неизмѣнность разъ рѣшеннаго дѣла (ст. 22 Уст. Уголов. Судопр.) и что по этому, въ настоящемъ случаѣ, слѣдуетъ лишь разрѣшить: сохраняетъ ли свою неизмѣнность приговоръ иностраннаго суда, приведенный въ дѣйствительное исполненіе противъ русскаго подданнаго, совершившаго преступленіе противъ Россіи—внѣ государства?—По мнѣнію многихъ криминалистовъ прежнее наказаніе другимъ государствомъ нисколько не освобождаетъ отъ отвѣтственности подданнаго за то же дѣ-

яніе предъ его собственнымъ, на томъ основаніи, что обязанности по отношенію къ послѣднему лежатъ на немъ независимо отъ мѣста пребыванія. Но едвали можно съ этимъ согласиться въ виду современнаго развитія международныхъ отношеній. Не должно ли, если виновный и меньшее понесъ наказаніе по законамъ другаго государства, считать вину его искупленною. Если привлечь его къ уголовной отвѣтственности, то какимъ образомъ это исполнить—когда и мѣсто совершенія преступленія и доказательства, по отдаленности своей, не могутъ быть провѣрены. Наконецъ, если приговоръ иностраннаго суда въ отношеніи фактовъ признать въ неизмѣнной силѣ, то возможно ли правильное опредѣленіе степени виновности и самаго наказанія безъ новаго судебнаго слѣдствія? По всѣмъ этимъ соображеніямъ г. Фальковскій полагаетъ: что приговоръ иностраннаго суда, приведенный въ исполненіе, въ подобномъ случаѣ долженъ остаться неизмѣннымъ.

Членъ г. Шайкевичъ, ссылаясь на научные авторитеты, полагающіе, что законъ уголовный не только распространяется внутри государства на всѣхъ, даже временно въ немъ пребывающихъ, но онъ имѣетъ связь съ личностью подданнаго, обязаннаго ему подчиняться и внѣ предѣловъ своего государства—объяснилъ, что по принятому въ международномъ уголовномъ правѣ, правилу, въ случаяхъ подобныхъ настоящему, туземное государство вправѣ привлечь своего подданнаго къ уголовной отвѣтственности съ зачетомъ ему прежде понесеннаго, по приговору иностраннаго государства, наказанія.

Членъ профессоръ Капустинъ письменно сообщилъ слѣдующее: относительно преступленій противъ частныхъ лицъ всѣ писатели согласны, что наказаніемъ погашается преступленіе вполнѣ. Но когда совершено преступленіе противъ государства, то наказаніе, ipso jure, не исключаетъ новаго; потерпѣнное наказаніе только зачитывается при новомъ. Въ противномъ случаѣ, наприм.: измѣна, наказанная очень легко, не влекла бы за собою уменьшенія политическихъ правъ. Даже Англійское законодательство, которое придерживается *территоріальнаго* начала, дѣлаетъ исключеніе для двоеженства, держанія рабовъ и государственныхъ преступленій. Тѣмъ болѣе это имѣетъ силу для государствъ,

законы которыхъ преслѣдуютъ подданыхъ за преступленія, совершенныя ими за границею. Яснѣе всего такое правило выражено въ Австр. Угол. Код. § 36: Ist er (der Untherthan) für die Handlung bereits im Auslande gestraft worden, so ist die erlittene Strafe die auch diesem Strafgesetze zu verhängende einzurechnen, тоже выражено въ Code d'Instruc. criminelle. По духу Русскаго законодательства, наказывающаго Русскихъ подданныхъ за совершенныя за границею дѣйствія, зачисленіе понесеннаго наказанія должно имѣть силу и въ немъ.

Въ смыслѣ зачисленія наказанія состоялось весьма много судебныхъ рѣшеній (Ср. Bar. 566).

Только новое судебное преслѣдованіе не вчинается; приговоръ иностраннаго суда считается безспорнымъ.

23 марта. По вопросу: „если послѣ умершаго бездѣтнымъ вотчинника остался родной братъ, имѣющій сына, то за отреченіемъ его отъ права наслѣдованія, должно ли наслѣдство перейти къ племяннику наслѣдователя, или же къ родной сестрѣ послѣдняго?“

При обсужденіи этого вопроса высказаны были разныя мнѣнія. Въ пользу того, что въ данномъ случаѣ наслѣдство должно перейти къ племяннику наслѣдователя приводились слѣдующія соображенія:

По закону послѣ умершаго вотчинника, не оставившаго нисходящихъ родственниковъ, право наслѣдованія переходитъ *въ боковыя линіи* (ст. 1134 т. X ч. I); въ боковыхъ *линіяхъ* сестры при братьяхъ родныхъ *и ихъ потомкахъ обоего пола* не имѣютъ права на наслѣдство (ст. 1135); отреченіе представителя призываемой къ наслѣдованію боковой линіи не можетъ быть распространяемо на его нисходящихъ, которые по этому могутъ занять его мѣсто и въ степень его вступить *по праву представленія* (ст. 1123); отреченіе такъ точно, какъ естественная смерть, или то что, по закону признается смертью, должно имѣть одинакія съ послѣднею юридическія послѣдствія, *т. е. что физическая или политическая смерть не составляютъ единственнаго и при томъ существеннаго момента въ правѣ представленія.*

Другое мнѣніе состояло въ томъ: что, въ данномъ случаѣ, право наслѣдованія переходитъ къ сестрѣ наслѣдователя потому, что законами положительно указаны случаи, когда

лицо почитается умершимъ (ст. 1104, 2 п. 1222 т. X ч. I и 28 ст. Улож. о наказ. Уголов. и Исправ. изд. 1866 г.); что хотя право наслѣдованія, въ порядкѣ, законами опредѣленномъ, простирается на всѣхъ членовъ рода, одно кровное родство составляющихъ, до совершеннаго прекращенія онаго не токмо въ мужскомъ, но и въ женскомъ поколѣніи (ст. 1111), но изъ этого законоположенія, а равно и изъ 1121 и 1134 ст. т. X ч. I, нельзя сдѣлать вывода, чтобы къ наслѣдованію призывались *линіи;* эти послѣднія, не исключаютъ собою правила о степеняхъ родства. Ст. 1135 т. X ч. I предусматривая случай когда послѣ умершаго владѣльца остались сестры при родныхъ братьяхъ *и ихъ потомкахъ*, подъ сими послѣдними разумѣетъ такихъ лицъ, коихъ восходящіе родственники, имѣющіе равное по степени родство, ближайшее право наслѣдованія при открытіи наслѣдства, *не находятся уже въ живыхъ*; это подтверждается общимъ правиломъ, выраженнымъ въ 1122 ст., по которому ближайшая степень исключаетъ дальнѣйшую, и 1123 ст., опредѣляющею весьма точно *право представленія*, могущее имѣть мѣсто тогда только, когда при открытіи наслѣдства, лицо ближайшее или равное другимъ по степени родства *не находится уже въ живыхъ* (слѣдуетъ дополнить) *или по закону почитается за умершее.*

Дѣйствіе отреченія, состоящее въ добровольномъ прекращеніи права для лица, которому оно принадлежало, не можетъ быть уподобляемо *физической или политической смерти*; поэтому занять его мѣсто и вступить въ степень его, нисходящему родственнику невозможно на основаніи 1123 ст. т. X ч. I, указывающей положительно на случай, когда при открытіи наслѣдства, ближайшее или равное другимъ по степени родства лицо не находится уже *въ живыхъ*, слѣдовательно и не можетъ изъявить воли своей принять наслѣдство или отречься отъ онаго (ст. 1255). Совсѣмъ другое представляется когда ближайшій наслѣдникъ, при открытіи наслѣдства, находится въ живыхъ; въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ полную возможность, въ лицѣ своемъ, осуществить свое право или отказаться отъ онаго; наконецъ при существованіи законнаго опредѣленія *права представленія*, отмѣна, или, указываемое сторонниками перваго мнѣнія, разъясненіе, могутъ только послѣдовать въ законодательномъ порядкѣ.

30 марта. По вопросу, предложенному членомъ г. Березницкимъ: „съ какого момента могутъ быть оспорены завѣщательныя распоряженія о родовомъ имуществѣ, коими установлено право пожизненнаго владѣнія въ пользу вдовы завѣщателя, а право собственности, помимо дѣтей, родственнику наслѣдователя въ боковой линіи?“

Обстоятельства дѣла: въ 1822 году умеръ А. и оставилъ крѣпостное завѣщаніе, по которому *родовое имѣніе* завѣщалъ женѣ въ пожизненное владѣніе, а въ собственность—племяннику помимо своихъ нисходящихъ. По смерти вдовы завѣщателя наслѣдникъ по завѣщанію просилъ о вводѣ во владѣніе, при чемъ былъ предъявленъ споръ противъ завѣщанія отъ наслѣдниковъ по закону, по истеченіи 10 лѣтъ со дня утвержденія духовнаго завѣщанія. Отсюда возникъ вопросъ: пропущена ли давность и съ какого момента слѣдуетъ исчислить таковую—со смерти ли завѣщателя, или пожизненнаго владѣльца? Членъ, предложившій вопросъ, г. Березницкій, объяснилъ: что по дѣйствовавшимъ въ 1822 году законамъ, крѣпостныя завѣщанія послѣ смерти не являлись, а потому наслѣдники по закону, не могли знать о существованіи завѣщанія, вслѣдствіе чего и полагалъ, что только съ момента смерти пожизненнаго владѣльца, когда оглашено было завѣщаніе, наслѣдники по закону могли противъ онаго начать споръ. Э. Н. Сумбулъ, находилъ: что давность должно исчислять съ момента, въ который долженъ быть представленъ вещный искъ, который можетъ возникнуть когда представляется нарушеніе вещнаго права собственника; пока нарушенія права нѣтъ, нѣтъ обязанности и искать. Прежде смерти пожизненнаго владѣльца, наслѣдникъ по завѣщанію не могъ нарушать ничѣмъ правъ наслѣдниковъ по закону; ибо ничѣмъ не могъ осуществить своего права; поэтому ни явка завѣщанія, ни публикація не имѣютъ никакого значенія для исчисленія давности. Я. И. Любимцевъ:—право наслѣдниковъ по закону нарушено въ моментъ осуществленія завѣщанія со стороны пожизненнаго владѣльца и обязанность защищать свое право наступаетъ очевидно съ момента осуществленія пожизненнаго права. М. И. Энгельгардтъ—споръ, заявленный въ срокъ, по 1098 ст. т. X ч. I есть правильный. По 1042 ст. явкою утверждается только подлинность завѣщанія и въ разсмотрѣніе законности распоряженій судъ не входитъ.

Очевидно, что только въ требованіи ввода проявляется нарушеніе правъ законныхъ наслѣдниковъ со стороны наслѣдниковъ по завѣщанію. А. М. Фальковскій:—наслѣдство, по завѣщанію, принадлежитъ по нашимъ законамъ къ способамъ пріобрѣтенія правъ на имущество (т. X зак. гражд. ч. I ст. примѣч. къ ст. 699). За тѣмъ и то и другое наслѣдственное право возникаютъ въ моментъ смерти завѣщателя (том. X ч. I ст. 1254 и рѣш. гражд. Касс. Департ. Правит. Сен. 1868 года № 486). Представленіемъ завѣщателемъ родоваго имѣнія въ пожизненное владѣніе въ замѣнъ указной части, на основаніи примѣч. къ 116 ст. т. X ч. I по продолж. закон. 1863 г. и 513 ст. того же тома и чати, не составляетъ вотчиннаго владѣнія, владѣнія вѣчнаго и потомственнаго, а представляетъ особое самостоятельное по 514 ст. право, ограничивающее права избраннаго завѣщателемъ наслѣдника. Право наслѣдниковъ, по закону, въ данномъ случаѣ, нарушено *незаконнымъ* распоряженіемъ завѣщателя о родовомъ своемъ имѣніи избраніемъ себѣ наслѣдника помимо нисходящихъ родственниковъ, имѣющихъ ближайшее право на оставшееся наслѣдство. Самое завѣщаніе, о которомъ рѣчь идетъ, на основанія 1029 и 1068 ст. *въ той части, которою назначено имѣніе племяннику,* помимо нисходящихъ родственниковъ завѣщателя, могло быть признано недѣйствительнымъ только по спору послѣднихъ (ст. 1098, 1099 и 1102 т. X ч. I). При необязательности въ 1822 г. явки завѣщаній по смерти завѣщателя, началомъ срока для предъявленія спора противъ завѣщательнаго акта, должно считать моментъ смерти завѣщателя, который совпадаетъ съ моментомъ открытія наслѣдства. Если съ этого времени въ продолженіе 10 лѣтъ завѣщаніе не было оспорено, то право на это слѣдуетъ считать утраченнымъ на основаніи 691, 692 и 694 ст. того же тома и час. Законовъ.

Большинство признало, что началомъ давности долженъ служить моментъ осуществленія права своего наслѣдникомъ по завѣщанію, совпадающій съ моментомъ смерти пожизненной владѣлицы.

30 марта. По вопросу, предложенному членомъ А. М. Фальковскимъ: „виновный въ преступленіи кражи со взломомъ, совершенной имъ съ другими, сговорившимися съ нимъ лицами, хотя и безъ составленія настоящей для того шайки,

но не знавшій о имѣніи кѣмъ-либо изъ его сообщниковъ при себѣ оружія во время совершенія кражи, подлежитъ-ли дѣйствію 1654 ст. Улож. о наказ.?"

Членъ, предложившій вопросъ, А. М. Фальковскій объяснивъ, что участіе въ преступленія, учиненномъ нѣсколькими лицами, *по предварительному ихъ на то согласію*, по закону, (ст. 13 Улож. о наказ.) имѣетъ разныя степени, отъ которыхъ зависитъ и самая мѣра наказанія (ст. 118—128 Улож. о наказ.). Что зачинщики, сообщники, подговорщики и пособники, коихъ содѣйствіе необходимо было для совершенія преступленія, приговариваются къ наказанію *за то преступленіе въ законѣ опредѣленному*, въ разныхъ только степеняхъ. Поэтому въ данномъ случаѣ, принимая въ соображеніе рѣш. Кас. Угол. Департ. Прав. Сенат. 1867 года № 500, полагалъ, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно. Но этимъ разрѣшеніемъ не устраняется сомнѣніе съ точки зрѣнія теоретической. Сообщничество предполагаетъ, само по себѣ, сознательное и совмѣстное дѣйствіе нѣсколькихъ лицъ для осуществленія преступнаго умысла. Поэтому, кажется, справедливѣе было бы, дѣяніе преступника, не знавшаго о имѣніи кѣмъ-либо изъ его сообщниковъ при себѣ оружія, въ данномъ случаѣ, отнести къ предусмотрѣнному 1647 ст. Улож. о наказ.

Большинство признало, что вопросъ подлежитъ, безусловно, утвердительному разрѣшенію.

25 мая. По вопросу, предложенному членомъ Я. И. Любимцевымъ: „уплата должникомъ части долга по обязательству, обезпеченному поручительствомъ въ платежѣ суммы, прерываетъ ли теченіе давности по отношенію къ поручителю? (т. X ч. I изд. 1857 г. ст. 1557 и 1558).

Принимая въ соображеніе точный смыслъ 1550 ст. тома X ч. I, Общество нашло, что уплата, сдѣланная должникомъ, для этого послѣдняго имѣетъ вліяніе на исчисленіе начала давности; но что въ отношеніи поручителя, не принимавшаго участія въ этой уплатѣ, начало давности должно быть въ срочномъ обязательствѣ исчисляемо со дня просрочки онаго, или же согласно 1549 ст. т. X ч. I, а въ безсрочномъ на основаніи примѣч. къ этой ст. по продолж. зак. 1863 года.

8 іюня. По вопросу, предложенному членомъ А. К. Шуфомъ: „домъ, построенный на чужой землѣ (арендуемой) по отно-

шенію къ налогамъ вообще и къ земскимъ сборамъ въ особенности, долженъ ли быть разсматриваемъ какъ имущество движимое, или же какъ имущество недвижимое?" (384 и 386 ст. т. X. ч. I и 9 ст. врем. прав. для Земс. Учрежд.).

По этому вопросу послѣдовали разныя мнѣнія: 1-е состояло въ томъ, что, въ данномъ случаѣ, принимая въ соображеніе словесный смыслъ 384 ст. т. X ч. I и сопоставляя это узаконеніе съ 401, 402, 403 и 405 ст. того же тома и ч. домъ, выстроенный на чужой (арендуемой) землѣ слѣдуетъ, по закону, считать недвижимымъ имуществомъ, а потому согласно 9 ст. врем. прав. для Земс. Учрежд. (1 генв. 1864 г.) подлежащимъ обложенію дополнительными губернскими уѣздными сборами. При этомъ сторонниками сего мнѣнія указано на примѣрное рѣшеніе Псковскаго Окружнаго Суда по дѣлу Андреева съ Никитиной (1867 г. № 141 Суд. Вѣст.). Второе мнѣніе заключалось въ признаніи, въ данномъ случаѣ, дома движимымъ имуществомъ на томъ основаніи, что понятіе о движимомъ и недвижимомъ—есть понятіе *юридическое*, что имущества, какъ объекты права, закономъ разсматриваются по отношенію оныхъ къ субъектамъ правъ, доказательствомъ чего служитъ помѣщеніе 384 ст. т. X ч. I и послѣд. во II книг.—о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества вообще; что опредѣленіе въ ст. 584 заключающееся относится собственно до случаевъ, когда указанныя въ оной имущества принадлежатъ собственнику земли, которая въ строгомъ смыслѣ, по природѣ своей, можетъ быть разсматриваема какъ недвижимое и что наконецъ изъ примѣч. къ 386 ст. Устав. о пошлинахъ можно заключить, что закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, допускается отчужденіе домовъ и строеній, отдѣльно отъ земли, и не требуя для сего актовъ, установленныхъ на переходъ недвижимыхъ имуществъ.

24 сентября. По вопросамъ, предложеннымъ членомъ А. М. Фальковскимъ.

1) Подвергаются ли наслѣдники за долги наслѣдодателя личному задержанію?

2) Обязательна ли для прежнихъ судебныхъ мѣстъ ст. 1225 Устав. Гражданс. Судопроиз., какъ содержащая въ себѣ опредѣленіе личнаго (матеріальнаго) права, а не процессуальнаго.

Предложенному членомъ Г. Березницкимъ:

3) Подвергаются ли несовершеннолѣтніе, въ порядкѣ прежняго судопроизводства, личному задержанію за долги, ими законно учиненные.

По первому вопросу, членъ, предложившій его, находилъ: что хотя въ узаконеніяхъ о личномъ задержаніи (том. X ч. II ст. 2217—2224, и Устава Гражд. Судопр. ст. 1223—1266) никакихъ изъятій относительно наслѣдниковъ, обязанныхъ отвѣтствовать за долги наслѣдодателя не установлено; но обращаясь къ 1259 ст. т. X ч. I, опредѣляющей послѣдствія принятія наслѣдства, очевидно, что этимъ узаконеніемъ наслѣдники обязываются платить долги умершаго соразмѣрно наслѣдственнымъ ихъ долямъ, и отвѣтствовать въ случаѣ недостатка имѣнія, *даже собственнымъ капиталомъ и имуществомъ*. Объ личной отвѣтственности въ этой ст. не упоминается; это не простая недомолвка въ законѣ. Наслѣдство по закону есть совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго безъ завѣщанія (ст. 1104, X т. ч. I), поэтому и отвѣтственность наслѣдниковъ можетъ быть только имущественная, а не личная. При томъ же личный арестъ должниковъ, это наслѣдство менѣе цивилизованныхъ временъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ современной юридической жизни и многими Европейскими законодательствами порѣшенъ отмѣною устарѣвшаго порядка.

Это мнѣніе отвергнуто было большинствомъ членовъ, участвовавшихъ въ обсужденіи вопроса на томъ основаніи, что личное задержаніе должниковъ, безъ всякаго различія между ними, за немногими исключеніями внесенными въ устав. 20 ноября 1864 года, составляетъ или мѣру гражданскихъ взысканій или одинъ изъ способовъ исполненія рѣшеній гражданскаго суда и что нѣтъ причинъ къ освобожденію наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя отъ мѣры взысканія, имѣющей чисто характеръ гражданскій а не уголовный.

По второму вопросу послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ на томъ основаніи, что вообще судебные уст. 20 ноября 1864 года не распространяются на прежнія судебныя мѣста, для которыхъ изданы особыя правила 11 октября 1865 года и что 1225 ст. устав. гражд. судопр. не установляется личнаго (матеріальнаго) права.

По третьему вопросу принято было мнѣніе члена, предложившаго оный и полагавшаго, что несовершеннолѣтніе подлежатъ за долги личному задержанію въ порядкѣ прежняго судопроизводства: ибо освобожденіе ихъ отъ сего только послѣдовало со введеніемъ въ дѣйствіе судеб. устав. 20 ноября 1864 года (ст. 1225 п. 1, устав. гражд. судопр.)

8 октября. По вопросу предложенному членомъ А. М. Богдановскимъ: „въ какой формѣ должна быть дѣлаема подпись свидѣтелей подъ завѣщаніемъ?“ (ст. 1048 и 1050 том. X Зак. Гражд. ч. I).

Г. Богдановскій, объяснивъ, что предложенный имъ вопросъ возникаетъ изъ судебной практики по случаю неутвержденія окружными судами духовныхъ завѣщаній къ исполненію (Высочайше утверж. 5 апрѣля 1869 г. мнѣнія Госуд. Совѣта по проек. врем. прав. о духов. завѣщ.), въ которыхъ подписи свидѣтелей не соблюдено условій, требуемыхъ 1048 и 1050 ст. т. X Зак. Гражд. ч. I, полагалъ, что подпись свидѣтелей должна содержать въ себѣ означеніе обстоятельствъ, исчисленныхъ въ приведенныхъ узаконеніяхъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось большинство членовъ, бывшихъ въ засѣданіи.

Нѣкоторые же изъ членовъ находили, что обстоятельства упоминаемыя въ 1 и 2 п. 1050 ст. т. X ч. I, могутъ быть и не означены въ подписи свидѣтелей подъ завѣщаніемъ, такъ какъ по смыслу этой же ст. зак. эти обстоятельства свидѣтели должны утвердить при допросѣ, который имъ производится безъ присяги, въ присутствіи суда, долженствующаго засвидѣльствовать завѣщаніе. При этомъ было указано на нѣкоторыя рѣшенія Правительствующаго Сената.

12 октября. По вопросу предложенному членомъ Г. Березницкимъ: „по совершеніи принятія купчей крѣпости на запроданное недвижимое имущество, имѣетъ ли право купившій оное требовать отъ продавшаго имѣніе условленную въ запродажной записи неустойку (том. X Зак. Гражд. ч. 1 ст. 1681) на случай, еслибы совершеніе акта почему-либо не состоялось къ назначенному въ записи сроку?

Г. Березницкій, обращаясь къ словесному смыслу приведенной ст. закона, полагалъ, что неустойка, въ данномъ случаѣ, за состоявшимся совершеніемъ купчей и принятіемъ ея покупщикомъ имѣнія, не можетъ имѣть мѣста—съ

этимъ мнѣніемъ согласились двое членовъ. Большинство же участвовавшихъ въ обсужденіи означеннаго вопроса, полагало: что несовершеніе купчей въ условленный запродажною записью срокъ, составляетъ нарушеніе договора запродажи, что поэтому право на неустойку, обезпечивавшую исполненіе онаго, несомнѣнно принадлежитъ покупщику, и что этотъ послѣдній, принятіемъ купчей по срокѣ, не можетъ почитаться отступившимся добровольно отъ своего права (т. X ч. I ст. 569, 570, 1530 и 1547 и рѣш. Гражд. Касс. Департ. Правит. Сенат. 1867 г. № 208.)

2 ноября. По вопросу предложенному членомъ А. М. Фальковскимъ: „право устранить себя отъ свидѣтельства противъ подсудимаго, лица, состоящаго въ родствѣ по 705 ст. Уст. Уголов. Судопр., распространяется ли на малолѣтныхъ, не достигшихъ 17-ти лѣтняго возраста, не устраняемыхъ однако же отъ свидѣтельства по 704 ст. того же Устав. и,— если распространяется, то въ какомъ порядкѣ должно совершиться самое устраненіе?“

Предложившій вопросъ, А. М. Фальковскій, объяснилъ, что дарованное 705 ст. Уст. Угол. Судопр. право мужу или женѣ подсудимаго и поименованнымъ въ этомъ узаконеніи родственникамъ, имѣетъ основаніемъ своимъ огражденіе нерушимости семейнаго союза; что этимъ правомъ сознательно могутъ воспользоваться лишь лица, обладающія полнымъ разумѣніемъ, что законъ этого качества въ малолѣтныхъ и несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ 17-ти лѣтъ, не предполагаетъ (ст. 137 улож. о наказ.); что поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда малолѣтные или несовершеннолѣтніе упомянутаго возраста, мужъ или жена, или родственники подсудимаго, призываются къ свидѣтельству, то, предварительно, на обязанности суда лежитъ удостовѣриться, въ состояніи ли эти свидѣтели съ разумѣніемъ устранить себя отъ свидѣтельства, или заявить свое согласіе на это; что наконецъ въ случаѣ невозможности получить сознательный отвѣтъ, такіе свидѣтели должны быть устранены властью суда—полагалъ: что сила 705 ст. Устав. Уголов. Судопр. можетъ быть распространяема на малолѣтныхъ и несовершеннолѣтнихъ тогда только, когда они окажутся способными съ разумѣніемъ дать отвѣтъ, желаютъ или нѣтъ устранить

себя отъ свидѣтельства, въ противномъ случаѣ должны быть устранены судомъ. Съ этимъ мнѣніемъ участвовавшіе въ разрѣшеніи вопроса вполнѣ согласились.

5 Ноября. По вопросу: „допускается ли добровольная неустойка въ договорахъ, для которыхъ неустойка установлена закономъ?“ (ст. 1575 и 1583 т. X. ч. I.)

Членъ, предложившій вопросъ С. С. Шайкевичъ, ссылаясь на рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. Правит. Сенат. по дѣлу Садикова (5 ноября 1868 г. № 628), въ которомъ выражено „что при опредѣленіи самимъ закономъ неустойки въ видѣ штрафа съ неисправныхъ должниковъ, *не можетъ быть включаема въ долговыя обязательства* добровольная неустойка, которая въ дѣйствительности представляла бы произвольное расширеніе обязательства въ случаѣ неисполненія его въ условленный срокъ“, полагалъ разрѣшить вопросъ отрицательно и, съ этимъ мнѣніемъ согласилось большинство членовъ, бывшихъ въ засѣданіи.

Членъ А. М. Фальковскій, обращая вниманіе, что приведеннымъ рѣшеніемъ указано только, что условіе о добровольной неустойкѣ *не можетъ быть включаемо въ домовыя обязательства*; что условіе о неустойкѣ есть одинъ изъ видовъ обезпеченія договоровъ и обязательствъ вообще (т. X. ч. I. ст. 1554); что договаривающимся сторонамъ оставляется на волю включать въ договоръ по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію всякія условія, законамъ не противныя, въ томъ числѣ и объ неустойкѣ (того же тома и части ст. 1530),—находилъ, что всякое долговое обязательство, по которому неустойка опредѣлена закономъ, можетъ быть по отдѣльному договору обезпечено, сверхъ того, условіемъ о добровольной неустойкѣ, при чемъ съ своей стороны сослался на рѣшеніе Гражд. Кас. Деп. Правит. Сената 1869 г. № 68.

12 ноября. По вопросу: „которая изъ двухъ купчихъ крѣпостей, совершенныхъ въ одинъ и тотъ же день собственникомъ и его повѣреннымъ на одно и тоже имѣніе, должна быть признана дѣйствительною?“

Членъ, предложившій вопросъ, Г. Любавскій полагалъ: что собственникъ имѣнія по 542 ст. т. X. ч. I., выдачею довѣ-

ренности ограничилъ свое право распоряжать имѣніемъ, впредь до уничтоженія оной, на основаніи 2330 и 2331 ст. того же тома и ч., и что за симъ, купчая, совершенная повѣреннымъ, въ данномъ случаѣ, должна быть признана дѣйствительною по 2326 ст. Съ этимъ мнѣніемъ согласились и остальные члены, бывшіе въ засѣданіи.

ДВА СЛОВА О СУДЬБѢ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Послѣ долгаго молчанія „Юридическій Вѣстникъ“ снова является на свѣтъ. Будутъ ли услышаны эти первые робкіе звуки его голоса, отзовутся ли на нихъ другіе, болѣе звучные голоса, вообще—выработается ли изъ него мало-по-малу органъ „изслѣдованій“ идей и фактовъ юридической жизни русскаго народа,—вотъ вопросы, надъ которыми серьезно призадумывается журналъ нашъ на первыхъ шагахъ своего возобновленнаго существованія. Многое можно сказать *за* и *противъ* этихъ опасеній нашихъ. „Юридическій Вѣстникъ“ есть прежде всего журналъ Московскаго Юридическаго Общества. Упадокъ или процвѣтаніе его слѣдовательно въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ положенія, въ какомъ находится въ настоящее время Московское Юридическое Общество. Всѣмъ извѣстно однако, что это послѣднее далеко не въ блестящемъ положеніи. Возникшее едва не наканунѣ введенія у насъ новыхъ судовъ, оно встрѣчено было съ обычною горячностью русскаго человѣка, легко увлекающагося всякимъ новымъ дѣломъ. И уже на первыхъ порахъ своего существованія Общество насчитывало въ рядахъ своихъ чуть не сотни членовъ. Юристы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ,—судьи и профессора, прокуроры и адвокаты, присяжные стряпчіе и чиновники различныхъ судебныхъ учрежденій наполняли три-четыре года тому назадъ университетскую залу засѣданій Юридическаго Общества. То была минута всеобщаго увлеченія новыми судами....

Прошло не много времени и рвеніе юристовъ „къ обсуж-

денію теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права" быстро стало утихать. Русскій человѣкъ усталъ, когда ему еще только предстояло дѣйствовать. Въ этомъ коренится общая причина того опустѣнія Общества, которое съ каждымъ мѣсяцемъ становилось все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Въ этомъ же общая участь почти всѣхъ русскихъ „Обществъ," также быстро умирающихъ, какъ не менѣе быстро они нараждаются. Другія болѣе непосредственныя причины упадка Юридическаго Общества заключаются въ томъ складѣ образа мыслей, который вырабатывается въ насъ свойствомъ самыхъ профессій нашихъ. Недостатокъ общаго теоретическаго образованія, полное пренебреженіе общественными сторонами нашего школьнаго воспитанія, ставятъ насъ въ жизни въ какія-то односторонніе, чтобы не сказать, непріязненныя другъ къ другу отношенія. Профессоръ и вообще человѣкъ кабинета выдвигаетъ на первый планъ теорію, практикъ стремится во чтобы то ни стало дать господство казуистикѣ; судья претендуетъ на непогрѣшимость своего авторитета, адвокатъ научается цѣнить не въ мѣру свое время. Изъ всего сказаннаго есть конечно исключенія, но къ сожалѣнію это не болѣе какъ исключенія. Эта разношерстность убѣжденій и чувствъ порождаетъ въ нашихъ „Обществахъ" ту рознь, печальнымъ примѣромъ которой служитъ далеко не одно наше Юридическое Общество. Къ чести однако послѣдняго нужно сказать, что въ средѣ его нашлись люди, хотя такихъ весьма немного, но тѣмъ болѣе они заслуживаютъ уваженія,—нашлись, говоримъ, люди которые, среди общаго охлажденія къ дѣлу Общества, продолжали и продолжаютъ вѣрить въ возможность возрожденія его. А что эта вѣра пока не обманывала ихъ, это можно видѣть изъ того, что какъ ни скудно число обычныхъ членовъ-посѣтителей его, время отъ времени однако баллотируются новыя лица въ члены, наслояется, хотя медленнымъ процессомъ, новая формація юристовъ; въ запутанныхъ юридическихъ казусахъ публика не обходитъ спросить разрѣшенія своихъ недоумѣній въ средѣ того же Общества. Какъ ни слабы эти симптомы, но они не могутъ не указывать на пригодность для русскаго человѣка такого учрежденія какъ Юридическое Общество, на заинтересованность для юриста-теоретика и юриста-практика въ самомъ фактѣ

существованія его. Едвали вполнѣ справедливы будутъ тѣ, которые возразятъ намъ, что эти вновь выбаллотированные члены, эти не-юристы — обращавшіеся за совѣтами къ юристамъ, не нашли въ Юридическомъ Обществѣ того, чего ожидали отъ него. Едвали,—говоримъ, такое возраженіе будетъ справедливо. Если дѣйствительно среди насъ найдутся такіе, которые не обинуясь упрекнутъ Общество въ томъ, что оно не дало имъ того, чего они искали въ немъ, то эти жалобы ихъ во многомъ будутъ походить на іереміады тѣхъ „неудачниковъ," которые ищутъ въ жизни „готоваго счастія для жизни"... и не находятъ. Въ этомъ отношеніи Юридическое Общество имѣетъ много аналогичнаго съ результатами жизни вообще. Вызванное потребностями вновь зараждающихся условій юридическаго быта русскаго народа, въ своемъ возникновеніи, увяданіи и,—если суждено ему,—въ новомъ развитіи, оно носитъ характеръ развитія самой жизни. Какъ эта послѣдняя не есть готовый арсеналъ всевозможныхъ благъ, гдѣ каждый могъ бы снабжаться, сколько потребно для него, всевозможнымъ счастіемъ; какъ въ жизни—степень истиннаго, цѣннаго блага для человѣка соразмѣряется со степенью неослабныхъ усилій каждаго изъ насъ, такъ и Юридическое Общество, и въ особенности русское, и тѣмъ болѣе въ странѣ, гдѣ не далѣе какъ вчера еще, призваны къ жизни новые суды на новыхъ началахъ, не можетъ, говоримъ мы, дать намъ того, надъ чѣмъ не потрудимся мы сами, члены его. Юридическое Общество не есть какая нибудь школа съ огромнымъ запасомъ матеріала длиннаго ряда лѣтъ, съ возможностію обобщенія обдуманнаго нашими предшественниками, съ руководящими принципами, добытыми опытомъ, на будущее время; это напротивъ учрежденіе юное по самому ходу исторической жизни нашего народа, это безспорно школа, но школа, гдѣ учащіе суть въ то же время и учащіеся. А если такъ, то требовать доходовъ съ капитала, котораго мы не затратили, по меньшей мѣрѣ несправедливо. Не будучи въ состояніи указать въ прошедшемъ на сколько-нибудь замѣтный фактъ въ сферѣ своей дѣятельности, Общество тѣмъ не менѣе заслуживало бы, со стороны каждаго, дорожащаго интересами умственной жизни русскаго народа, добраго вниманія къ себѣ уже тѣмъ однимъ, что будучи единственнымъ въ Россіи

О ЧАСТНОМЪ ПОЗЕМЕЛЬНМЪ ПРАВѢ, ПО СВОДУ ЗАКОНОВЪ, ИЛИ НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

На II-ю книгу т. X, ч. I Свода Гражд. Зак. объ имуществахъ, правахъ на имущества и способахъ ихъ пріобрѣтенія.

Свои замѣчанія о семейномъ правѣ, или на I-ю книгу Свода Законовъ, *) мы заключили положеніемъ, что наше право трояко, tripartitum, состоя изъ частнаго, или гражданскаго, изъ общественнаго, или земскаго и церковнаго, и изъ государственнаго, политическаго, публичнаго, куда должно отнести и военное и уголовное и дипломатическое и финансовое и т. п.

Юристу понятно, что основаніе для такого различенія и обозначенія этихъ системъ права находится въ различіи субъектовъ, о правахъ которыхъ здѣсь говоримъ, и которыми въ частномъ, или гражданскомъ правѣ бываютъ частныя, или, вѣрнѣе, отдѣльныя лица;—въ общественномъ—общества земскія, или религіозныя, церкви,—и въ государственномъ—государства, съ ихъ верховною властію, или съ ихъ представителями. Юристу понятно также, что эти три системы права различаются между собой объектомъ или предметомъ правъ; такъ что въ частномъ, или гражданскомъ человѣкъ или субъектъ ищетъ имущества,—въ общественномъ—общежитія, съ его общественными интересами и съ ихъ развитіемъ, а въ государственномъ — санкціи и осуществленія всѣхъ правъ и всѣхъ законовъ, или принциповъ справедливости, дѣйствующихъ въ странѣ. Но юристу

*) „Юридич. Вѣстникъ“ 1869, № 12. Москва.

должно быть понятно далѣе, что не одними субъектами или объектами различаются данныя три системы права—гражданскаго, общественнаго и государственнаго, и что для пріобрѣтенія и пользованія этими правами требуется особое настроеніе духа, особый animus, который въ гражданскомъ правѣ выражается эгоистическимъ желаніемъ обладать тѣми или другими благами, имуществами,—въ общественномъ любовію и благорасположеніемъ къ другимъ, а въ государственномъ — стремленіемъ верховной власти и верховнаго могущества поддерживать силу законовъ, при содѣйствіи всѣхъ и каждаго этому стремленію власти. Наконецъ, каждому юристу должно быть теперь извѣстно, что смѣшеніе этихъ системъ неразумно, нелогично и ведетъ къ несправедливости или къ насилію, какъ то было въ мірѣ античномъ гдѣ государство поглощало собою все общественное и человѣческое, или въ средніе вѣка, гдѣ частное и личное хозяйничало въ государственной области и подало поводъ новымъ государямъ произнести формулу: l'état c'est moi!

Послѣ этого, надѣюсь, что юристы простятъ мнѣ попытку повсюду упорно настаивать на разграниченіяхъ и межеваніяхъ, съ которыхъ начинаю и заявленныя мною „Замѣчанія“ на II-ю книгу Свода Законовъ.

Несомнѣнно, что частное, гражданское право не одно и тоже съ имущественнымъ, хотя въ гражданскомъ правѣ преимущественно говорится объ имуществахъ. Частное, гражданское право излагаетъ права частныхъ лицъ, или отдѣльныхъ лицъ, разсматриваемыхъ въ ихъ частной, не публичной и не общественной жизни. Это частное, или гражданское право должно обнимать всю жизнь каждаго частнаго лица, начиная съ его внутренней, духовной, чисто личной жизни, и кончая его внѣшними отношеніями къ другимъ частнымъ лицамъ. Поэтому частное, гражданское право должно признавать открыто, или молчаливо, expresse aut tacite, и освящать право лица и власть на его внутренній міръ, на его мысли, вѣрованія, убѣжденія, познанія и открытія до возведенія этой власти въ значеніе идеальной собственности — литературной, художественной, музыкальной или промышленной, согласно 2-му примѣч. къ 420-й ст. X т. I ч., изд. 1857 г., или согласно извѣстнымъ положеніямъ XI тома о привилегіяхъ на изобрѣтенія. Это—личное граж-

данское право, или jus privatum personarum Рима, давшее поводъ гражданскимъ законамъ вносить въ свою сферу семейное право, только теперь разумно относимое къ общественному. Послѣ права лица на его внутренній міръ, слѣдуетъ его право и власть на извѣстныя внѣшнія дѣйствія, или, какъ Римляне говорили, jus actionum, разумѣется въ особомъ, новомъ смыслѣ права на всѣ дѣйствія, не запрещенныя закономъ ни государственнымъ, ни уголовнымъ, ни полицейскимъ, ни церковнымъ, ни общественнымъ. Къ этой системѣ частнаго права законъ долженъ относить всѣ способы пріобрѣтенія имуществъ, напр., частные промыслы, отъ звѣриной и рыбной ловли до собиранія грибовъ и ягодъ, равно какъ сюда законъ долженъ помѣщать изложеніе разныхъ способовъ пріобрѣтенія правъ на имущества, отъ завладѣнія до находки и добычи, а, наконецъ, тутъ законъ долженъ излагать право обязательствъ, сдѣлокъ и договоровъ, въ которыхъ выражается право лица распоряжаться своими дѣйствіями и своими имуществами. Наконецъ, въ систему частнаго права входитъ ученіе объ имуществахъ и о правахъ частныхъ лицъ на имущества, или имущественное право, въ новыя времена исключительно собою наполняющее системы частнаго права, выражая тѣмъ, какъ бы реальное направленіе новой юриспруденціи въ отличіе отъ болѣе идеальнаго, господствующаго въ ея исторіи, напр., въ исторіи римскаго права, обнимающей собою jus sacrum, jus publicum, судоустройство, судопроизводство и уголовное право Римлянъ. Такимъ образомъ и jus privatum est tripartitum и имущественное право есть только часть права гражданскаго. Здѣсь мы должны заняться русскимъ частнымъ имущественнымъ правомъ, слѣдуя Своду Законовъ, съ указаніемъ вопервыхъ на то, что нашъ Сводъ въ противность логической системѣ, отдѣляетъ межевые законы отъ другихъ гражданскихъ, что онъ не совмѣщаетъ въ себѣ мѣстныхъ законовъ и не даетъ понять существенной связи законовъ гражданскихъ съ особенными, напр. торговыми, и вовторыхъ съ указаніемъ въ частности на тѣ основанія, которыя служатъ ему существенными опорами для подробнаго изложенія статей и отдѣловъ, говорящихъ о лицахъ, предметахъ, правахъ и способахъ пріобрѣтенія правъ въ области гражданскаго, имущественнаго быта. Начинаемъ съ вопроса: съ

чего начать? Съ имуществъ ли, какъ дѣлаетъ Сводъ, или съ лицъ, субъектовъ, или съ понятія о правахъ на имущества? Извѣстно, что различіе въ правахъ происходитъ или отъ свойства лицъ, или отъ природы имуществъ, объектовъ. Стало быть, очевидно, что съ правъ начинать нельзя. Но не должно ли начинать съ лицъ, субъектовъ, вмѣсто принятаго Сводомъ порядка? Несомнѣнно, что было бы логичнѣе начать съ лицъ, могущихъ пріобрѣтать имущества, и если Сводъ дѣлаетъ иначе, должна быть особая причина. Думаю, что собственно всѣ лица имѣютъ право пріобрѣтать, и, если различіе въ нихъ можетъ быть, то единственно вслѣдствіе особой природы имуществъ, слѣд., можно держаться порядка Свода. И мы начинаемъ съ ученія Русскихъ законовъ

А. Объ имуществахъ.

Русское выраженіе: имущество—гораздо ближе подходитъ къ дѣлу, нежели Римское res и современные переводы этого слова Choses, Sachen, Dinge, вещи. Понятіе—имущество захватываетъ и такіе объекты, или предметы, которые не могутъ втѣсниться въ понятіе: вещь. Но и понятіе: имущество оказывается узкимъ, при ближайшемъ знакомствѣ или вниманіи къ явленіямъ жизни, въ которой мы не можемъ не сдѣлать различія, напр., между собственно вещами, въ выраженіи: кабинетныя вещи, или товары, т.-е., вещи въ моментъ ихъ обращенія, въ оборотѣ, in commercio, и собственно имуществами, движимыми и недвижимыми, или между имѣньями, землями, помѣстьями, которыхъ никто не назоветъ вещами, и документами, акціями, векселями, деньгами, которыя можно справедливо назвать имуществомъ подвижнымъ, чѣмъ-то въ родѣ res sese moventes. Эти соображенія должны навести на сомнѣніе относительно основательности того раздѣленія имуществъ, которое излагается Сводомъ въ I-мъ раздѣлѣ его II-й книги, начиная со статьи 383-й и слѣд. Различныя основанія для дѣленія даютъ различныя дѣленія имуществъ; для сужденія объ основательности этихъ дѣленій необходимо найти принципъ, по требованію котораго законъ установляетъ дѣленіе имуществъ. Этотъ принципъ, конечно, въ томъ заключается, что права лицъ на имуще-

ства частію зависятъ отъ свойства имуществъ,—что не всѣ имущества допускаютъ одинаковое право или власть и распоряженіе собою, и что одни имущества удобно подвергаются всѣмъ возможнымъ распоряженіямъ, а другія могутъ подлежать только нѣкоторымъ проявленіямъ личной воли. И такъ, разсматривая распоряженія Свода объ имуществахъ съ точки зрѣнія указаннаго принципа, мы не можемъ не допустить того дѣленія имуществъ, которое узаконяетъ законъ, говоря объ имуществахъ движимыхъ и недвижимыхъ, родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ, нераздѣльныхъ и раздѣльныхъ, долговыхъ и наличныхъ, нетлѣнныхъ и тлѣнныхъ. Но всѣ ли необходимыя дѣленія имуществъ упомянуты въ законѣ,—и всѣ ли упомянутыя правильно обозначены — это можетъ быть вопросомъ. Что до насъ—мы въ этомъ сомнѣваемся и, въ объясненіе дѣла, прежде всего поднимаемъ вопросъ о раздѣленіи имуществъ на движимыя и недвижимыя, раздѣленіи, которому законъ придаетъ громадное вліяніе на всю систему нашихъ имущественныхъ правъ, и которое поражаетъ всякаго несообразностію сопоставленія такихъ понятій, какъ право и движеніе.

Еще Римляне знали это раздѣленіе, хотя не придавали ему особаго значенія по особой причинѣ. Какъ наиболѣе городское, ремесленное, торговое населеніе, хотя имѣвшее сочиненія de re rustica, или о земледѣліи, Римляне богатѣли отъ войнъ и городскихъ промысловъ, обращали все свое вниманіе на движимыя имущества и формулировали всѣ свои права на имущества по началу права на вещи, на res, по началу безграничнаго господства; и не только права свои на имущества, но даже на людей и лица, на рабовъ и домочадцевъ, или членовъ семьи. Землевладѣніе играло въ древнѣйшемъ Римѣ второстепенную роль и объ немъ упоминаютъ только рѣдкіе законы, говоря напр. de solo italico, или de agro publico, de possessione, и предоставляя жизни разрѣшать поземельные вопросы кровавыми средствами; аристократія Рима не имѣла подъ собою твердой, поземельной почвы и цензъ Сервія Туллія опредѣлялся количествомъ ассовъ. Но жизнь народовъ Германскихъ и Славянскихъ, не укладывавшаяся въ тѣсный городской бытъ, и особенно жизнь народовъ христіанскихъ съ ихъ полнотой человѣческаго развитія, не могла быть втиснута въ узкія рамки

жизни древнихъ общинъ, имѣвшихъ особый свой принципъ цивилизаціи, исключительный, тѣсный, не похожій на бытъ новыхъ народовъ. Здѣсь, у этихъ новыхъ народовъ, земля играетъ такую важную роль, какую въ городскихъ общинахъ древности играло движимое, служа основою для бытія народа, почвою для дѣйствія общей государственной власти, условіемъ благородства, аристократіи, баронства и боярства, и источникомъ для общаго народнаго богатства и довольства. Поэтому, естественно, земля обратила на себя все вниманіе законодателей. Но скоро на западѣ начинается знакомство съ законами Рима, составляется Corpus juris, распространяется терминологія римскихъ юристовъ и начитанные люди запада стремятся всѣ народныя явленія своихъ обществъ подчинить латинскимъ принципамъ и свои понятія и учрежденія называть латинскими словами. Такимъ образомъ латинскія выраженія—недвижимое и движимое вносятся въ кодексы запада, замѣняя народныя: земля и все остальное, отъ земли отторгнутое, или движимое, Habe, fahrende Habe etc. и съ землею органически, или только механически связанное. Почти тоже было у насъ въ Россіи, которая первоначально не слыхала ничего о недвижимомъ и знала только Судъ *о земляхъ, да о межахъ, да о помѣстьяхъ и вотчинахъ*, и только въ послѣдствіи, даже весьма поздо, съ Петра Великаго, по образцу польскаго употребленія языка, стала слышать вмѣсто выраженія: *земля*—слова: *имущества и добра недвижимыя*, смѣшивая такимъ образомъ и землю и вотчины и помѣстья съ ихъ принадлежностями и съ вещами. И такъ мало-по-малу неразвитое, смутное понятіе Римлянъ о недвижимомъ и движимомъ вытѣснило въ Европѣ ясное, отчетливое значеніе *земли*, которая стала смѣшиваться съ недвижимымъ. Но уже въ самомъ Римѣ, дѣйствіемъ Византіи, земельное право, основанное на особомъ значеніи земли, какъ объекта, потерпѣло перемѣны, допустивъ сверхъ dominium, особыя права, какъ Superficies, hipotheca, emphyteusis, colonatus etc. И, стало быть, уже въ Римѣ чувствавалась потребность отдѣлить землю отъ всего остальнаго и сообщить поземельному праву особое построеніе. Эта потребность не могла не быть всегда ощущаема въ новой Европѣ, до нашего времени, и потому думаю, что говоря о разныхъ родахъ недвижимыхъ имуществъ, законъ

прежде всего долженъ выдѣлить *землю*, назвавъ ее *неподвижнымъ*, точно также какъ изъ понятія движимаго онъ долженъ выдѣлить *деньги* и *денежные капиталы*, которые въ отличіе отъ остальнаго движимаго имущества можно бы назвать *подвижнымъ*. Для того, чтобы въ одномъ примѣрѣ высказать все различіе между этими крайними видами имуществъ,—между землею и деньгами,—довольно припомнить, что нѣтъ такого крѣпкаго крѣпостнаго акта, которымъ можно было бы передать или пріобрѣсти полную, исключительную, несомнѣнную собственность въ землѣ, а съ другой стороны, нѣтъ такого легкаго, такъ сказать, поверхностнаго, случайнаго, не серьезнаго способа передачи денегъ въ чужія руки, напр., даже въ пользованіе, или для исполненія порученія, который не превращалъ бы денегъ тотчасъ по передачѣ въ собственность временно-случайно получившаго ихъ въ свои руки. Отъ того поземельные владѣльцы иногда имѣютъ цѣлые архивы для документовъ на свои владѣнія, напр., актъ пожалованія извѣстной земли лицу А, съ планами и межевымъ описаніемъ, актъ наслѣдованія, или раздѣла, или рядной записи, по которымъ отъ А имѣніе перешло къ Б, далѣе акты купли, продажи, залога отъ Б къ В, а потомъ отъ В къ Г, Д, Е, и т. п. повсюду сопровождаемые также планами и межевыми книгами и т. п. актами, совершенно излишними при собственности движимой, которая не имѣетъ исторіи и не входитъ въ исторію, подобно поземельному праву разныхъ родовъ, часто служащему подспорьемъ для исторіи народовъ. Остальная масса имуществъ распредѣляется въ срединѣ между неподвижнымъ—землею и подвижнымъ—деньгами, приближаясь одни къ землѣ, образуя недвижимое, а другія къ деньгамъ, составляя движимое.

Такимъ образомъ, допуская современный принципъ дѣленія имуществъ, должно было бы допустить дѣленіе въ слѣдующей формулѣ: 1) Подвижное — деньги, 2) движимое, 3) недвижимое и 4) неподвижное—земля. И можно пожалуй доказывать, что для частнаго, отдѣльнаго лица, даже теперь, но особенно впослѣдствіи, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, нужны только имущества подвижныя, т.-е., деньги, съ которыми лицо не привязано ни къ какому мѣсту,—не связано никакими узами,—не подчинено никакимъ стѣсненіямъ, или ограниченіямъ, и вполнѣ можетъ быть обезпечено въ своихъ

нуждахъ и потребностяхъ. Твердо помѣщенные денежные капиталы лица, замѣненные векселями и акціями, или облигаціями даютъ ему возможность жить, гдѣ онъ хочетъ, пользоваться всѣмъ, что ему пріятно и располагать своею жизнію и участью по произволу. Нѣтъ ему необходимости въ другихъ предметахъ собственности,—ни въ домахъ и зданіяхъ, которые оно можетъ нанимать повсюду, по самому капризному выбору, и гораздо дешевле, чѣмъ обходится ему пріобрѣтеніе и поддержаніе собственнаго дома и собственныхъ зданій,—ни въ земляхъ или въ имѣніяхъ, заводахъ или фабрикахъ, которые также могутъ быть арендуемы то въ Россіи, то въ Англіи, то въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, или другихъ частяхъ свѣта. На этомъ же основаніи можно бы далѣе доказывать, что вообще недвижимое для отдѣльнаго лица необходимо, а собственность въ землѣ, исключительная и неограниченная совершенно лишняя и даже собственно невозможная. Мы остановимся на послѣднемъ положеніи, какъ на главномъ предметѣ нашего теперешняго вопроса.

Мы начали свои „Замѣчанія“ указаніемъ на тѣ стороны, которыми наши права—государственное, общественное и гражданское отличаются другъ отъ друга; теперь упомянемъ о тѣхъ установленіяхъ права, которыми эти системы необходимо вяжутся между собой. Сюда относятся, по преимуществу два момента права — свобода и тотъ объектъ права, который извѣстенъ подъ именемъ земли. Свобода необходима въ частномъ правѣ, но столько же необходима въ общественномъ и государственномъ. Подобно свободѣ земля составляетъ необходимый элементъ во всѣхъ трехъ сферахъ нашего права, какъ въ частномъ, такъ и въ общественномъ и государственномъ. И не въ томъ лишь смыслѣ, что земля тамъ и здѣсь необходима, и потому находится и у государства и у общества и у частныхъ лицъ, а въ томъ, что таже земля, какъ одинъ и тотъ же предметъ, въ одно и тоже время, подлежитъ и частному праву лицъ и общественному праву земства, народа, и государственному обладанію верховной власти въ странѣ. Землею вяжутся воедино три разныя системы права, или въ землѣ и на землѣ сталкиваются три главныя формы права. И вотъ примѣры для объясненія того явленія, по которому въ землѣ частное

право уступаетъ и государственному и общественному, оставаясь въ остальномъ совершенно независимымъ.

Земля есть мѣсто для поселенія народа и основа для сожительства населенія, а потому исключительность частной собственности тутъ почти немыслима, составляя естественно юридическое препятствіе къ сближенію сосѣдей и къ единенію народа. Тѣмъ менѣе можно говорить тутъ объ неограниченности, или абсолютномъ правѣ частнаго лица на ту землю, которая должна связывать народъ и служить ему средствомъ для сообщенія и сближенія. Когда гдѣ-нибудь горы, лѣса, рѣки, болота мѣшаютъ сообщеніямъ и сближенію народа—они подвергаются разнообразнымъ механическимъ учрежденіямъ со стороны этого народа и перестаютъ мѣшать его сближенію; понятно, что тѣмъ болѣе и справедливѣе дѣйствіе народа на уничтоженіе всѣхъ препятствій къ сближенію, если онъ встрѣтитъ ихъ со стороны власти и права своихъ частныхъ, отдѣльныхъ лицъ. Поэтому, съ возрастаніемъ цивилизаціи въ народѣ, возрастаютъ servitutes, въ размѣрахъ и числѣ по всей его землѣ, и можно доказать, что съ возрастаніемъ цивилизаціи въ человѣчествѣ скорѣе все будетъ на земномъ шарѣ въ формѣ servitus, или общаго участія по Своду, нежели въ видѣ частной чистой собственности. Недалеко то время, когда въ Россіи потребуются прямыя сообщенія, или дороги между разными городами той же губерніи; равно какъ должно ожидать прямыхъ и улучшенныхъ сообщеній, или дорогъ между селами; и все это поведетъ за собою расширеніе дорожной повинности, или servitus, или общаго участія въ servitus, по нашему Своду. Итакъ не къ освобожденію земли, какъ объекта частнаго права, стремится жизнь и право человѣка, а къ ея закабаленію, для сообщенія наибольшихъ правъ лицамъ, или субъектамъ. И, если уже Іудея, Спарта и Критъ стѣсняли и ограничивали личную поземельную собственность для большаго развитія и обезпеченія личной, гражданской свободы, то тѣмъ законнѣе и разумнѣе предоставлять въ наше время наибольшія права въ землѣ обществу и народу, которые столько дѣлаютъ для эманципаціи личности.

Но кромѣ указаннаго значенія земли, какъ основы для сосѣдства и сожительства у народовъ, должно имѣть въ ви-

ду и то обстоятельство, что земля должна служить почвою или основою для дѣйствія государства и его верховной власти—законодательной, судебной, административной, дѣйствія, котораго невозможно ни примирить, ни согласить, ни совмѣстить съ господствомъ частной, личной собственности въ разныхъ частяхъ той же самой единой земли. Когда дѣйствіемъ трактата извѣстная область отходитъ отъ одного государства къ другому, послѣднее пріобрѣтаетъ власть поступить съ личными поземельными правами области по своему усмотрѣнію, подобно Франціи конца XVIII столѣтія въ дѣлѣ Эльзасскихъ землевладѣльцевъ. И даже въ обыкновенное время, въ нормальномъ ходѣ дѣлъ, государству несомнѣнно принадлежитъ право исключительно заводить въ странѣ извѣстныя учрежденія, каковы крѣпости, укрѣпленныя мѣста, стѣны и рвы, такъ что частные землевладѣльцы непремѣнно остаются съ открытыми помѣстьями и владѣніями и съ доступными для дѣйствія всякой государственной функціи имѣніями. Прибавимъ, что земля данной страны не пріобрѣтается частными усиліями, а силою народа, народомъ и его энергіей, преимущественно оружіемъ — armis, и уже отъ него получается дѣйствіемъ мирнаго труда—arvis. Только отъ народа и его представительства, отъ государства и отъ государей земля выдѣляется изъ области государства въ область частнаго быта, путемъ пожалованья помѣстій, вотчинъ выслуженныхъ, а далѣе купленныхъ, вымѣненныхъ, заложенныхъ, родовыхъ и пр. Отсюда же объясняется власть государства такъ или иначе устроять частное поземельное право, которое въ исторіи являлось въ такихъ разнообразныхъ формахъ, какъ Іудейское и Спартанское въ древности, Французское, Англійское и Ирландское въ новое время. Тѣмъ болѣе, что земля не есть простой объектъ, или опредѣленный предметъ права, а часть той природы, которая въ формѣ почвы и климата, каждою своею частію, или своимъ участкомъ, служитъ условіемъ для историческаго развитія народа. Земля есть что-то собирательное, мыслимое,—идеальное, а потому подлежащее болѣе идеальному воздѣйствію и праву. Даже для отдѣльнаго владѣльца земля въ этомъ смыслѣ есть источникъ бытія и благосостоянія, такъ что самое право лица на землю не легко формулируется, развиваясь вмѣстѣ съ развитіемъ его труда и ка

питала, употребленныхъ на воздѣланіе земли. Изъ юридическаго положенія объекта земля постоянно переходитъ въ экономическій моментъ—фактора производительности. При этомъ нельзя не замѣтить, что частные собственники въ землѣ имѣютъ дѣло съ одною поверхностью земли, superficies, для извлеченія изъ нея плодовъ, частей, отдѣльныхъ предметовъ, вещей,—движимаго, надъ которымъ частныя лица получаютъ исключительное и безграничное господство, право и власть uti et abuti. Очевидно, что, въ отличіе отъ движимаго, вполнѣ принадлежащаго частнымъ лицамъ и частному быту, земля составляетъ предметъ общественный, публичный, а потому принадлежащій преимущественно государству и обществу, и уже послѣ частнымъ лицамъ, да и тутъ подъ разными условіями пріобрѣтенія, усвоенія, распоряженія въ публичныхъ формахъ. Отсюда же объясняется особенность поземельной мѣры, которая у всѣхъ народовъ есть учрежденіе общественное, и служитъ опредѣленіемъ, или количества труда и плода земли, каковы jugera, Morgen, плуги и сохи, а далѣе наши четверти, коробьи, или величины поверхностнаго пространства, каковы десятины и другія подобныя мѣры современныя, болѣе правительственныя, и, очевидно, менѣе справедливо ведущія къ уравненію частей, потому что, при одинаковости пространства, онѣ могутъ существенно различаться качествомъ, что такъ заботитъ наши общины при крестьянскихъ передѣлахъ. Итакъ земля, по ея существу, не должна и не можетъ быть и собственно не бываетъ предметомъ полнаго, частнаго господства.

На основаніи сказаннаго нельзя не выдѣлить земли изъ общаго понятія о недвижимомъ имуществѣ, и русскій законъ не можетъ не говорить о землѣ какъ особомъ объектѣ нашего права, тѣмъ болѣе, что понятія движимаго и недвижимаго, какъ понятія физическія и механическія, нелегко вяжутся съ юридическими—о правѣ, владѣніи, собственности и т. п. Самъ Сводъ, причисляя земли, по ст. 384, къ недвижимому, въ то же время говоритъ въ ст. 385 о земляхъ населенныхъ и не населенныхъ, подраздѣляя послѣднія на пустоши, порожнія земли, степи, хотя въ значеніи мѣстныхъ наименованій, и тѣмъ явно свидѣтельствуетъ, что въ Россіи, кромѣ заимствованнаго техническаго выраженія: недвижимое, должно еще обратить вниманіе на понятіе—*земля*. Какъ

ни опредѣляйте движимое и недвижимое, все это останется неяснымъ если не начнете съ *земли* и не будете выводить недвижимое изъ понятія о принадлежности земли, а движимое изъ понятія объ отдѣльномъ предметѣ, оторванномъ отъ земли, или отъ нея отторгнутомъ. Понятіе о *землѣ* должно быть и первымъ и основнымъ. Допустимъ, что слово—земля двусмысленное выраженіе; но его легко замѣнить русскимъ же словомъ—имѣніе, которое звучитъ совершенно технически, подобно слову—имущество. И потому мы можемъ обозначить объектъ нашего имущественнаго права словами: *имѣніе*, или *земля*, и *все остальное* — имущество, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на недвижимое, движимое и подвижное. Сводъ Законовъ самъ подаетъ поводъ къ такому обозначенію и раздѣленію, потому что всѣ свои раздѣленія имуществъ на недвижимыя и движимыя, на принадлежности, на нераздѣльныя и раздѣльныя, родовыя и благопріобрѣтенныя, государственныя, казенныя, общественныя и т. п.,—всѣ эти раздѣленія онъ явно основываетъ на землѣ, на понятіи *имѣнія*. Всматриваясь ближе въ распоряженія Свода, нельзя не видѣть, что только землю считаетъ Сводъ чѣмъ то неподвижнымъ, все же другое недвижимымъ только по связи съ землею. Правда, что Сводъ къ недвижимому относитъ кромѣ земли, домы, заводы, лавки, строенія, по ст. 384, но тутъ же, въ ст. 386, объясняетъ, что домы господскіе, или крестьянскіе признаются недвижимымъ по ихъ принадлежности къ землѣ, или къ неподвижному, къ имѣнію, на такомъ точно основаніи, какъ по 387, всѣ произведенія, на поверхности земли обрѣтающіяся, напр. лѣса и хлѣба на корню и всѣ сокровенные въ нѣдрахъ земли металлы, минералы, напр. руды, не отдѣленные отъ своихъ вмѣстилищъ. Все это, и домы и лавки и лѣса, становится движимымъ тотчасъ, по отдѣленіи отъ земли и притомъ не только по отдѣленіи физическомъ или механическомъ, каковы: вырубка лѣса, снятіе хлѣба, вырытіе минерала, но и по отдѣленіи *юридическомъ*, когда право на землю принадлежитъ одному, а право на домъ, на заводъ, на строеніе или на лавку принадлежитъ другому, что можно вывести изъ сопоставленія статей 384 и 386, изъ которыхъ въ первой—домы названы недвижимымъ имуществомъ, а во второй—принадлежностію земли. Очевидно по мысли закона, домъ бываетъ недвижи-

мымъ имуществомъ въ томъ лишь случаѣ, когда онъ принадлежитъ хозяину земли, а потому составляетъ принадлежность его имѣнія. Собственно по природѣ нѣтъ имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ, и все движимое, кромѣ подвижнаго, напримѣръ денегъ, связуясь съ землею или инѣніемъ, становится имуществомъ недвижимымъ, равно какъ все недвижимое, кромѣ земли, отторгаясь отъ нея, дѣлается движимымъ. Недвижимое состоитъ изъ движимаго, составляетъ только массу частей движимыхъ и раздѣляетъ судьбу частей, т. е., движимаго, если физически или юридически не связано съ неподвижнымъ, съ землею или имѣніемъ. И такъ *земля* или *имѣніе* есть то, что сообщаетъ всѣмъ другимъ имуществамъ ихъ юридическое значеніе движимыхъ и недвижимыхъ, по ихъ связи и по ихъ отношенію къ землѣ. Отсюда, кажется, ясно вытекаетъ положеніе, что раздѣленіе имуществъ на движимыя и недвижимыя не можетъ быть по закону ни первымъ, ни основнымъ, ни даже основательнымъ. Уже, какъ замѣчено, съ перваго звука этого термина поражаетъ васъ сближеніе физическаго свойства вещей съ ихъ юридическимъ значеніемъ. Что можетъ быть общаго между механическимъ началомъ движенія и юридическимъ принципомъ принадлежности и права? Нѣтъ, понятіе о движимомъ и недвижимомъ само требуетъ объясненія, и получаетъ его изъ понятія земли или имѣнія, въ противоположность со всѣмъ тѣмъ, что не есть земля, что добыто изъ земли, но отъ нея отторгнуто и существуетъ какъ бы самостоятельно.

Отсюда же выходитъ особый смыслъ юридическаго понятія о принадлежности вещи къ вещи или къ имуществу. По стат. 386 и слѣдующей имѣетъ свои принадлежности земля, но также точно имѣютъ ихъ всѣ имущества недвижимыя, т.-е. связанныя съ землею физически и юридически, напр. домы, фабрики, заводы. Другими словами, земля дѣлаетъ недвижимымъ все, съ нею извѣстнымъ образомъ связанное, но также точно и это съ нею связанное и потому недвижимое — въ свою очередь дѣлаетъ все свое движимое недвижимымъ. Понятіе принадлежности есть только расширеніе понятія недвижимости на массу движимаго, до посуды и инструментовъ, до половъ и зеркалъ, до обоевъ и вообще до украшеній. И потому первымъ основнымъ дѣленіемъ

имуществъ мы признаемъ дѣленіе на земли и на ихъ принадлежности, откуда уже выйдетъ само собою дѣленіе на недвижимое, какъ принадлежность земли, и на движимое, какъ вещи, или предметы, существующіе отдѣльно отъ земли и ея принадлежностей. Смѣшивать принадлежность съ частію, и раздѣленіе имуществъ по принадлежности съ раздѣленіемъ по составу, напр. на цѣлое и части, невозможно, уже потому, что принадлежность можетъ быть только у неподвижнаго, да у недвижимаго, а дѣлимость и части могутъ имѣть мѣсто и въ движимомъ. Но также должно отличать понятіе главнаго и случайнаго, или придаточнаго, principale et accessorium, отъ понятія о принадлежности и притомъ по той же причинѣ, т.-е. потому, что понятіе принадлежности примѣнимо только къ недвижимому, а представленіе о principale et accessorium одинаково относится къ недвижимому и движимому. Собственно принадлежность есть движимое, въ его отношеніи къ землѣ и къ недвижимому, и составляетъ особый способъ и особое орудіе, которымъ законъ творитъ недвижимое изъ движимаго; принадлежность есть понятіе чисто легальное, искусственное, ибо только земля, по природѣ, неподвижна, и это понятіе не должно расширять за предѣлы буквы закона. Статья 392 принимаетъ, очевидно, въ другомъ смыслѣ слово: принадлежность, въ фактическомъ значеніи всего того, что принадлежитъ къ имѣнію, къ хозяйству, почти что къ имуществу лица и, очевидно, стоитъ не на мѣстѣ, о чемъ и свидѣтельствуетъ сама своею ссылкою на кредитныя учрежденія и ихъ уставы. Но также въ не собственномъ, т.-е. не въ юридическомъ смыслѣ причисляетъ статья 387,—рѣки, озера, пруды, болота, дороги, источники къ принадлежностямъ земли потому, что это составныя части имѣнія, какъ горы, холмы, поля, луга и т. д., а статья 388,—земли, лѣса, покосы къ принадлежностямъ фабрикъ и заводовъ, потому что напротивъ фабрики и заводы сами составляютъ только принадлежность земель, на которыхъ находятся. Смущаться такими статьями не должно, и мы обязаны понимать установленіе принадлежности единственно въ смыслѣ указаннаго расширенія понятія о недвижимомъ на тѣ движимые предметы, которые или органически, механически и юридически связаны съ землею, или

механически и юридически съ недвижимымъ, какъ напр. зеркала, обои, полы и т. п.

За симъ слѣдуетъ дѣленіе имуществъ на *нераздѣльныя* и *раздѣльныя*, также существенно связанное съ землею. Физически все дѣлимо, за исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ изъ рода движимыхъ, каковы: вилка, ножъ, ложка, блюдо, лошадь, и проч. и особенно дѣлима земля до безконечности—по десятинамъ, полоскамъ, саженямъ; легально же, по закону, напротивъ движимое постоянно дѣлимо, а не подлежитъ раздѣлу только земля, въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ къ нераздѣльному имуществу законъ по 394 статьѣ относитъ: 1) *крестьянскіе участки* государственной земли, въ размѣрѣ не болѣе 8-ми десятинъ; 2) *участки*, отводимые для поселенія малоимущимъ, т.-е., бѣднымъ дворянамъ; 3) *золотосодержащіе участки* казенной земли, отданные частнымъ лицамъ для разработки; 4) *аренды*, т.-е., казенныя земли, правительствомъ отданныя въ аренду, или пожалованныя отъ него; 5) *имѣнія майоратныя*; 6) по статьѣ 395—*имѣнія заповѣдныя*; и 7) *каждую* фабрику, *каждый* заводъ и *каждую* лавку.

Соображая особое свойство каждаго изъ названныхъ закономъ нераздѣльныхъ имуществъ, можно видѣть, что прототипомъ всѣхъ ихъ служитъ участокъ земли, какъ обезпеченіе бытія и состоятельнаго въ государствѣ существованія крестьянскаго семейства, или, какъ въ старину выражались—двора, или, какъ теперь можно то обозначить, промысла и вообще источника для самостоятельнаго существованія—семейства, фамиліи, рода, изъ которыхъ одинъ можетъ имѣть свою основу въ заводѣ, другой въ арендѣ, третій въ лавкѣ, иной въ заповѣдномъ имѣніи. Но, во всякомъ случаѣ очевидно, что основой для такого дѣленія служитъ земля, которая, по закону, одна объявляется нераздѣльной, и, если законъ относитъ къ нераздѣльнымъ имуществамъ другіе виды владѣнія—заводъ, или фабрику и лавку, то несомнѣнно подъ условіемъ, что заводъ, фабрика, лавка составляютъ принадлежность земли, составляютъ недвижимое, связаны съ землею физически и юридически. Движимое не можетъ быть нераздѣльнымъ, а зданія на чужой землѣ суть движимыя имущества.

Земля—основа бытія для всего народа; извѣстныя части

земли, по закону, признаны основами для бытія семействъ и родовъ, и въ этомъ смыслѣ какъ у народа земля неотъемлема и неотдѣлима, такъ у частныхъ лицъ извѣстные земельные участки нераздѣльны.

Вслѣдъ за понятіемъ о нераздѣльности имуществъ, а, слѣдовательно, общности владѣнія, по статьѣ 306 и слѣд., идетъ въ сводѣ дѣленіе имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя,—дѣленіе, по смыслу нашихъ законовъ, существенно условленное понятіемъ о землѣ, во времена—оны принадлежавшей лицамъ въ видѣ вотчины, или въ видѣ помѣстья и купли. Движимое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть родовымъ, но за то все связанное съ землею и съ ея принадлежностями, какъ ихъ принадлежность, можетъ быть и родовымъ и благопріобрѣтеннымъ. И тутъ-то особенно виденъ духъ русскаго законодательства, по которому земля является юридическимъ учрежденіемъ народа, общества, или семьи. По отношенію земли къ семьѣ, эта земля и все, съ нею связанное союзомъ принадлежности, разсматривается, какъ нераздѣльное достояніе рода, переходящее отъ восходящихъ къ нисходящимъ по законному наслѣдству, все, впрочемъ, равно—будетъ ли это совершаться въ формѣ завѣщаній, или даже актами купчихъ крѣпостей, только бы наслѣдующій имѣлъ право на наслѣдство и помимо завѣщанія, а пріобрѣтающій землю покупкою, пріобрѣталъ ее отъ такого своего родственника, къ которому это имущество перешло по наслѣдству изъ того же рода. Все остальное, или всякое другое имущество и движимое и недвижимое есть непремѣнно благопріобрѣтенное, какъ то видно изъ статьи 397 свода.

За раздѣленіемъ имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя должно бы помѣстить въ законѣ соотвѣтствующее ему раздѣленіе на имѣнія майоратныя и заповѣдныя, излагаемое сводомъ въ статьѣ 467 и слѣдд. и 494 слѣдд. По основной идеѣ, тѣ и другія составляютъ разные виды нераздѣльности, подобно родовымъ, которыя на востокѣ Россіи тоже, что заповѣдныя и майоратныя на ея западѣ, ибо всѣ они служатъ достояніемъ извѣстныхъ родовъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что майоратныя непремѣнно жалуются отъ казны и правительства и остаются вѣчно подъ его контролемъ,—заповѣдныя установляются частію пожалованіемъ, частію по волѣ владѣльцевъ, но съ участіемъ и съ утвержденіемъ верхов-

ной власти, а родовыя существуютъ по слову закона. Какъ скоро имѣніе перешло отъ отца къ дѣтямъ, по наслѣдству, или куплено однимъ родственникомъ у другаго, у котораго оно было родовымъ, это имѣніе уже eo ipso, по закону, непремѣнно родовое.

Раздѣленіемъ имуществъ на майоратныя, заповѣдныя, родовыя, законъ долженъ составить переходъ къ послѣднему своему дѣленію имуществъ, по свойству лицъ, ими владѣющихъ,—на государственныя, казенныя, удѣльныя, частныя и т. д., согласно статьѣ 406 и слѣдующимъ. Тѣмъ болѣе, что и здѣсь дѣло идетъ существенно объ имѣніяхъ, о землѣ, или о недвижимомъ, какъ ихъ принадлежности, а не о движимомъ. Движимое, напр., деньги нераспознаваемы по владѣльцамъ, ибо деньги у казны и у частныхъ лицъ однѣ и тѣ же, и какія деньги сегодня составляютъ капиталъ казначейства, тѣ же самыя деньги составятъ завтра собственность частныхъ лицъ, или частнаго лица. Напротивъ, мы ясно и отчетливо и постоянно отличаемъ земли казенныя, городскія, монастырскія, земли сельскихъ общинъ и частныхъ владѣльцевъ. И, сверхъ всего этого, легко понимаемъ различіе въ правахъ, принадлежащихъ государству и народу на всю землю русскую, въ отличіе отъ права казны, или удѣловъ на ихъ земли, отъ правъ монастырей, церквей и городовъ, отъ права частныхъ лицъ на ихъ имѣнія. Такъ какъ положенія законовъ о разныхъ родахъ имуществъ должны имѣть вліяніе на ихъ положенія о правахъ на имущества, и такъ какъ право на движимое, напр., на деньги совершенно независимо отъ того, кому онѣ принадлежатъ, то ясно выходитъ, что раздѣленіе имуществъ по ихъ принадлежности разнымъ вѣдомствамъ и лицамъ, можетъ имѣть отношеніе опять также лишь къ имѣніямъ, къ землѣ и къ землямъ. Причемъ не можемъ не замѣтить, что съ этимъ послѣднимъ дѣленіемъ существенно вяжется вопросъ о лицахъ, могущихъ пріобрѣтать имущества,—вопросъ, разрѣшаемый Сводомъ въ статьяхъ 696—698, и, понятно, весьма праздный, какъ скоро вы отнесете его къ движимому. Относя вопросъ къ движимому, его должно измѣнить въ противоположный:—кто не можетъ пріобрѣтать? Вопросъ, рѣшаемый тѣмъ, что развѣ присужденный къ смертной казни и притомъ въ минуту казни не можетъ пріобрѣтать движи-

маго, напр., даже принимать пищу, тогда какъ все живое несомнѣнно должно имѣть право пріобрѣтать движимое, и до такой степени, что въ извѣстныхъ случаяхъ крайности извиняется пріобрѣтеніе движимаго, напр., съѣстнаго воровствомъ и даже насиліемъ. И такъ, очевидно, что раздѣленіе имуществъ на государственныя, удѣльныя, общественныя и т. д. имѣетъ въ виду землю и недвижимое, какъ ея принадлежность. Движимое есть, по преимуществу, физическій предметъ, вещь, и подлежитъ физическому дѣйствію лица, а земля и ея принадлежности могутъ подлежать только идеальному воздѣйствію владѣльцевъ и потому могутъ быть во владѣніи различныхъ идеальныхъ хозяевъ, общинъ, обществъ, учрежденій, народа, государства. И не должно смущаться статьями 407 и 410, единственными въ этомъ родѣ, случайно и по недоразумѣнію сюда попавшими изъ уставовъ о пошлинахъ и сборахъ и изъ военныхъ постановленій о добычахъ и призахъ. Собственно всякая добыча и всякій призъ, или всякое имущество непріятеля, доставшееся намъ, отдѣльнымъ, частнымъ лицамъ съ бою, признается нашею собственностью, и, если мы захватимъ въ числѣ добычи и приза такіе предметы, которыми владѣть не можемъ, напр., вооруженныя суда, пушки, аммуницію, то казна беретъ предметы, а намъ уплачиваетъ ихъ цѣну, совершенно на такомъ же основаніи, какъ то бываетъ съ находкою древностей, или даже съ добываніемъ золота и серебра, которыя за плату, или за извѣстныя суммы переходятъ въ руки правительства. Это наше русское дѣленіе предметовъ, находящихся въ частномъ оборотѣ, res in commercio privatorum, и изъятое отъ того, res extra commercium. За исключеніемъ этихъ двухъ статей, остальныя всѣ—числомъ восемь, относятся несомнѣнно къ землѣ и къ недвижимому.

При этомъ весьма неясно только первое различіе между землями государственными и казенными, но потому что законъ не установляетъ яснаго различія между государствомъ и казною, по статьямъ 696 и 698. Видно, что государство и казна отличаются, но чѣмъ и какъ,—это дѣло не гражданскихъ законовъ, а государственнаго права, по которому только верховное обладаніе всею русскою землею принадлежитъ государству, или народу, въ лицѣ ихъ представителя—Государя, тогда какъ владѣніе, распоряженіе и хозяй-

ство въ такъ-называемыхъ государственныхъ имуществахъ непремѣнно принадлежитъ казнѣ. Такъ должно понимать, напр., статью 409, на основаніи которой новооткрытыя земли присоединяются къ владѣніямъ государства, но становятся казенными только въ томъ случаѣ, если переданы въ распоряженіе казны. Тоже должно сказать объ имѣніяхъ выморочныхъ, по статьѣ 408 естественно переходящихъ по прекращеніи всего рода владѣльцевъ въ число и въ массу предметовъ государственнаго обладанія, но становящихся казенными только съ того момента, когда она ихъ приметъ. Бываютъ случаи, что и казна откажется принять выморочное имущество, слишкомъ обремененное долгами. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что государству принадлежитъ вся русская земля, въ ея цѣломъ составѣ, а казнѣ, какъ и другимъ владѣльцамъ,—отдѣльныя части и участки этой земли, и потому собственно объ *имуществахъ государственныхъ* рѣчи быть не можетъ, а можно говорить только о владѣніяхъ русскаго государства, говоря же въ гражданскомъ правѣ объ имуществахъ, должно говорить объ имуществахъ казенныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ, монастырскихъ, частныхъ и т. п.

Раздѣленіе вообще весьма ясное, какъ по основанію, такъ и по системѣ, или порядку, но, очевидно, въ Сводѣ неполное, потому что въ немъ пропущены земли общинныя и земскія. Добавимъ, наконецъ, что обративъ столько вниманія на землю, какъ на главный предметъ гражданскаго права, и изложивъ столько сторонъ, съ которыхъ должно разсматривать землю, Сводъ долженъ былъ коснуться еще дѣленія земель или имѣній на отчуждаемыя и неотчуждаемые,—дѣленія, которое всякому, читающему Сводъ приходитъ на мысль, напр., по поводу имѣній заповѣдныхъ, майоратныхъ, или ленныхъ, и частію родовыхъ, равно какъ при соображеніи положеній закона о земляхъ городскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, земскихъ и общинныхъ. Но послѣдуемъ за Сводомъ въ томъ, что онъ содержитъ.

Изложивъ свои пять-шесть родовъ имуществъ, отличающихся особенностями земли и только потому относящихся къ недвижимому, законъ переходитъ къ имуществамъ движимымъ, находя здѣсь не болѣе двухъ-трехъ видовъ, а именно—наличныя и долговыя, тлѣнныя и нетлѣнныя, по стат.

402, 405, 416—419. Правда, Сводъ находитъ возможнымъ говорить о *наличныхъ земляхъ, деревняхъ, домахъ* и т. п., но, конечно, по недоразумѣнію, ибо невозможно найти *земель, деревень, домовъ домовыхъ*. Итакъ понятіе о наличности недвижимаго—немыслимое понятіе. И вотъ все ученіе о разныхъ родахъ имуществъ, по Своду,—и вотъ выводъ изъ этого ученія, состоящій въ томъ, что это ученіе основано существенно на понятіи имѣнія, или земли, какъ преимущественномъ предметѣ гражданскихъ законовъ. Отсюда раздѣленіе этого предмета—1) на земли и ихъ принадлежности (т. н. недвижимое)—2) нанедвижимое и движимое,—3) на имѣнія нераздѣльныя и раздѣльныя,—4) народовыя, заповѣдныя и майоратныя съ ихъ противоположностями,—5) на государственныя, казенныя, удѣльныя, земскія, общественныя и частныя,—и 6) на отчуждаемыя и неотчуждаемыя и т. п. Присматриваясь къ свойству этихъ дѣленій, мы не можемъ не видѣть, что только два первыхъ дѣленія выражаютъ собою общее свойство предмета, могущее принадлежать разнымъ землямъ и разныхъ имуществамъ, тогда какъ дѣленія послѣдующія изображаютъ фактическое положеніе разныхъ данныхъ земель и имѣній, изъ которыхъ одни—нераздѣльныя другія—родовыя, тѣ и другія находятся рядомъ съ удѣльными, городскими, казенными и т. д. Это дѣленіе земель представляетъ ихъ въ географическомъ сосѣдствѣ, или въ горизонтальной плоскости.

А потому ученіе о предметѣ владѣнія гражданскаго не кончается указаніемъ раздѣленія этого предмета, а напротивъ вызываетъ особое ученіе о разграниченіи между участками земли, или ученіе о межахъ и границахъ, или о межеваніи. У насъ есть межевые законы, но они отнесены въ 3-ю часть гражданскихъ законовъ, тогда какъ по логической системѣ мѣсто для нихъ должно быть именно здѣсь, именно въ ученіи о землѣ, какъ предметѣ гражданскаго права. Мы видѣли, что государству и народу принадлежитъ вся русская земля во всемъ ея составѣ, а отдѣльнымъ владѣльцамъ, казнѣ, удѣламъ, установленіямъ и частныхъ лицамъ принадлежатъ отдѣльныя части и участки. Очевидно, что эти части и участки одна отъ другой и одинъ отъ другаго отдѣлены, и это отдѣленіе есть дѣло межевыхъ законовъ, говорящихъ о межахъ, или границахъ, и о мѣрѣ, или

величинѣ участковъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ. Тѣмъ болѣе необходимъ порядокъ, нами требуемый, что составляя изъ межевыхъ законовъ особую, 3-ю часть гражданскихъ законовъ, Сводъ подаетъ поводъ къ недоразумѣнію, по которому иной будетъ думать, и, пожалуй, доказывать, будто бы всѣ имущества подлежатъ дѣйствію межевыхъ законовъ, и будто бы наши права на имущества частію суть *права вещныя*, частію *межевыя*. Нѣтъ отдѣльныхъ межевыхъ законовъ, которые относились бы ко всѣмъ имуществамъ, и нѣтъ отдѣльныхъ имущественныхъ правъ, которые бы основывались на межеваніи. Межеваніе относится къ одной землѣ, къ имѣніямъ, опредѣляя ихъ предѣлъ и размѣры, такъ же точно какъ вѣсъ исключительно относится къ движимому, откуда происходитъ между прочимъ то современное явленіе въ оборотахъ, по которому вѣсъ вытѣсняетъ отовсюду употребленіе мѣры, естественно призванной служить опредѣленіемъ одной земли и связаннаго съ нею недвижимаго, или ея принадлежностей. Говоря же о межеваніи земли и объ ея измѣреніи, нельзя не замѣтить важнаго въ практикѣ пропуска Свода, умалчивающаго объ измѣреніи воды и ея высоты и паденія, въ рѣкахъ, составляющихъ принадлежность земель и предметъ частыхъ споровъ между сосѣдями, равно какъ нельзя не остановиться на фактѣ, засвидѣтельствованномъ исторіею и состоящемъ въ существенномъ отличіи древняго народнаго измѣренія отъ новаго, правительственнаго. Встарину, какъ извѣстно, земля измѣрялась плугами и сохами, т.-е., тѣмъ, сколько плугомъ, или сохою можно было обработать поля въ извѣстный срокъ времени, или, однимъ словомъ, количество земли измѣрялось количествомъ труда, равномѣрно опредѣлялись разныя величины земли четвертями и коробьями, т.-е. количествомъ посѣвовъ и сборовъ, и количествомъ произведеній. Но въ новое время, особенно со времени генеральнаго межеванія, земельные участки измѣряются только десятинами, не имѣющими никакого отношенія ни къ труду хозяина, ни къ его доходамъ, получаемымъ отъ земли, откуда естественно выходитъ неравенство въ правахъ и въ обязанностяхъ гражданъ—землевладѣльцевъ, при совершенно математическомъ равенствѣ ихъ участковъ. 200 десятинъ владѣнія даютъ, напр., право каждому быть земскимъ гласнымъ

въ извѣстной губерніи, хотя 200 десятинъ земли луговой, полевой, лѣсной, болотной, песчаной, и т. п. дѣлаютъ одного состоятельнымъ, другаго богатымъ, а иного оставляютъ почти безъ средствъ существованія. Тоже самое бываетъ при обложеніи одинакимъ сборомъ этихъ различныхъ 200 десятинъ. Думаемъ, что способъ измѣренія, въ формѣ древней, или народной, русской,—единственно юридическій способъ, который, опредѣляя величину имѣнія, опредѣляетъ въ то-же время количество правъ и обязанностей владѣльца; способъ же подесятинный, новый, пригоденъ только для географіи, или топографіи, но не для законовъ о правѣ.

Такъ, по нашему, должно бы изложить 1-й раздѣлъ II книги гражданскихъ законовъ, помѣщая тутъ—1) ученіе о землѣ и ея принадлежностяхъ,—2) ученіе о разныхъ родахъ имѣній,—нераздѣльныхъ, родовыхъ и т. п.,—3) о межеваніи земель и имѣній и 4) о движимомъ.

II-й Раздѣлъ той же книги должно посвятить ученію о лицахъ.

III-й о правахъ и

IV-й о способахъ пріобрѣтенія правъ.

Б. О лицахъ, могущихъ пріобрѣтать права на имущества.

или III й раздѣлъ, стат. 696 и слѣдд:

Распоряженія Свода о лицахъ, конечно, относятся къ ученію о субъектѣ правъ гражданскихъ, въ теоріи, но существенно отличаются отъ теоретическаго изложенія тѣмъ, что всего менѣе останавливаются на отдѣльномъ лицѣ, и по преимуществу говорятъ о лицахъ коллективныхъ и о лицахъ юридическихъ. Любопытно какъ много насчитываетъ нашъ Сводъ юридическихъ и коллективныхъ лицъ, хотя тутъ есть все еще пропуски. Къ лицамъ, могущимъ пріобрѣтать права на имущества, Сводъ относитъ слѣдующія лица и установленія:

1) Самодержавную власть Императорскаго Величества,
2) Членовъ Императорскаго Дома,
3) Дворцовыя управленія,
4) Казну,

5) Дворянскія, городскія и сельскія общества,
6) Епархіальныя начальства, монастыри и церкви,
7) Кредитныя установленія,
8) Богоугодныя заведенія,
9) Учебныя и ученыя заведенія и
10) Частныя лица съ ихъ частными союзами, каковы: товарищества, компаніи, конкурсы.

Очевидно, что сюда не попали, по особымъ причинамъ, хотя должны логически принадлежать этому мѣсту,

11) Земства съ ихъ учрежденіями, равно какъ
12) Роды и фамиліи по имуществамъ—майоратнымъ, заповѣднымъ, родовымъ и даже семейнымъ.

Не менѣе любопытенъ порядокъ, въ которомъ эти лица и учрежденія перечисляются. Не начинаетъ законъ, подобно теоріи, съ отдѣльнаго лица, какъ прототипа субъекта, напротивъ ставитъ отдѣльное лицо позади всѣхъ, начавъ свое вычисленіе государствомъ и верховною властію, откуда не можемъ не вывести заключенія, что и здѣсь Сводъ имѣетъ въ виду землю и ея принадлежности, а не имущества движимыя,—землю съ ея принадлежностями, которыя, конечно, прежде всего подчиняются государству и народу, а потомъ казнѣ и Двору, далѣе земству и его учрежденіямъ,—затѣмъ обществамъ, сословіямъ и учрежденіямъ, и наконецъ-то частнымъ лицамъ. Былъ бы совершенно обратный порядокъ еслибы дѣло шло о движимомъ, напр. о деньгахъ, которыя прежде всего представляются уму теоретика, говорящаго о частномъ лицѣ, какъ субъектѣ имущественнаго права. Движимое добывается преимущественно усиліями частныхъ лицъ, потому что самое лицо безъ этого движимаго немыслимо, и не токмо немыслимо лицо безъ движимаго, какъ субъектъ, но оно немыслимо, какъ лицо. Невозможно представить себѣ живое существо безъ пищи, ему принадлежащей, или безъ одежды, ему необходимой, такъ что у дѣтей предполагаемъ ихъ отдѣльныя игрушки, платьица, даже пеленки, равно какъ у людей, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія,—ихъ отдѣльныя арестантскія одежды, орудія, даже, думаю, цѣпи. Итакъ, по самому порядку, въ которомъ Сводъ вычисляетъ лица, могущія пріобрѣтать права на имущества, должно предполагать, что подъ имуществами онъ разумѣетъ и здѣсь имѣнія, земли, съ ихъ принадлежностями. Конечно, мнѣ мо-

гутъ возразить, что Сводъ говоритъ о лицахъ, могущихъ не токмо имѣть, а пріобрѣтать, и не имущества, а права на нихъ, слѣдовательно, тутъ не могъ Сводъ имѣть въ виду ни дѣтей, ни людей, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. Но это возраженіе теряетъ свою силу, если принять началомъ для нашихъ правъ ту теорію, по которой право не есть абсолютная мѣра свободы даннаго лица относительно его имущества, а только относительная мѣра, опредѣляющая вопросъ: кому изъ двухъ-трехъ, предъявляющихъ притязаніе, принадлежитъ спорное имущество. Предъявляющими же свои притязанія могутъ быть, какъ знаемъ изъ опытовъ, и дѣти и малолѣтніе, и полоумные и каторжные. Слѣд., еще разъ можемъ повторить свое положеніе, что нѣтъ человѣческаго существа, которое не имѣло бы движимаго имущества, или даже, въ томъ или другомъ отношеніи, права на имущество, хотя бы въ смыслѣ разрѣшенія вопроса de meo et tuo. Стало быть Сводъ, излагающій свои установленія о лицахъ, могущихъ пріобрѣтать, и дающій поводъ думать, что есть лица, не могущія пріобрѣтать, необходимо долженъ говорить объ особомъ имуществѣ, и именно о землѣ и имѣніяхъ. Въ такомъ случаѣ мы не можемъ не признаться, что избранный Сводомъ порядокъ для вычисленія лицъ, могущихъ пріобрѣтать права на землю, есть порядокъ вѣрный, исторически и юридически. Изъ нашей исторіи мы знаемъ, что первоначально право на землю принадлежало народу и государству, и только впослѣдствіи, дѣйствіемъ разнообразныхъ государственныхъ и законодательныхъ мѣръ, усвояется и усвоено частнымъ лицамъ, равно какъ изъ теоріи права законно выводимъ начало, по которому всѣ поземельныя частныя права имѣютъ характеръ производный. Мы, конечно, не говоримъ здѣсь о фактической случайной исторіи, которой событія совершались не движеніемъ идей, а произволомъ личной логики, благодаря которой, напр., оказывается, что верховное обладаніе русскою землею признается за самодержавною властію только съ указа 1799 г., августа 19-го и т. п.,—что имущества церковныя, монастырскія, архіерейскія стали извѣстными только съ указа 1764 г., февраля 23-го,—что имущества богоугодныя начинаются у насъ съ 1794 г., а принадлежащія учебнымъ и ученымъ учрежденіямъ только съ 1803,—см. стат. 413, 414. Такая исторія не

содержитъ исторіи права, а только исторію указовъ, которая сама подлежитъ истолкованію съ точки зрѣнія истинной, народной, живой исторіи.

И такъ II-й раздѣлъ Свода, съ его ученіемъ о лицахъ, могущихъ пріобрѣтать права на имущества, несомнѣнно основанъ на мысли о землѣ и о поземельномъ правѣ. Только въ этомъ случаѣ могъ Сводъ говорить о томъ, что верховное обладаніе принадлежитъ единственно самодержавной власти, или, что обладаніе удѣльными имуществами принадлежитъ единственно членамъ Императорскаго Двора, т.-е., дома, семейства; и на такомъ же точн ооснованіи могъ Сводъ узаконять далѣе, что майоратными, заповѣдными, или родовыми имѣніями обладать могутъ только извѣстные роды, а монастырскими, городскими общинами—только монастыри, города, общины. Откуда ясно слѣдуетъ, что эти земли и эти имѣнія не могутъ быть отчуждаемы, по волѣ и разсчету единственно живущихъ, или наличныхъ представителей законнаго, коллективнаго, или идеальнаго хозяина,—государства, дома, рода, учрежденія, какъ то формально выражено въ статьѣ 485, относительно заповѣднаго имѣнія. Причина этой неотчуждаемости въ приведенныхъ примѣрахъ заключается въ томъ свойствѣ хозяина земли, по которому онъ есть лицо юридическое, коллективное, идея. Что же выходитъ отсюда?—Что въ Россіи, по Своду, имѣнія и земли преимущественно усвояются юридическимъ лицамъ, а потому права на землю и на имѣнія должны существенно разниться отъ правъ на движимое, усвояемое въ Россіи, тѣмъ же Сводомъ, преимущественно частнымъ лицамъ. Усвояемыя же преимущественно юридическимъ лицамъ земли и имѣнія необходимо предполагаютъ еще ближайшихъ къ себѣ дѣйствительныхъ владѣльцевъ, каковы, напр. наличные члены рода, которому принадлежитъ заповѣдное имущество,—или владѣлецъ родоваго и майоратнаго имѣнія,—существующіе крестьяне данной сельской общины, владѣющей своею землею, на общинномъ правѣ. Такимъ образомъ ученіе о лицахъ, могущихъ пріобрѣтать права на имущества, близко соприкасается съ ученіемъ о правахъ, и, главное, представляетъ это ученіе въ вертикальномъ, по инстанціямъ, построеніи, въ противоположность ученію о предметѣ, гдѣ господствуетъ географическое, горизонталь-

ное построеніе вопроса. Одно и тоже имѣніе можетъ быть у разныхъ владѣльцевъ, въ одно и тоже время, но на разныхъ основаніяхъ и съ разными правами. Конечно, дѣло тутъ идетъ не о капиталахъ, или движимомъ, а именно о землѣ и ея принадлежностяхъ. Такъ вопросъ о правѣ на имущество существенно связанъ съ ученіемъ объ имуществахъ и лицахъ, и такъ составляется переходъ къ разсмотрѣнію тѣхъ статей Свода, которыми опредѣляются права на имущества, или раздѣлъ II-й Свода о существѣ и пространствѣ разныхъ правъ на имущества.

В. Лешковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ И СТАТИСТИКѢ ЕГО РѢШЕНІЙ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОСЛОВІЯМЪ, КЪ КОТОРЫМЪ ПРИСЯЖНЫЕ ПРИНАДЛЕЖАТЪ.

Теперь, когда учрежденіе Суда присяжныхъ, pium desiderium нашихъ мечтаній лѣтъ 10 тому назадъ,—сдѣлалось не мечтою, а дѣйствительностію; когда всѣ лучшія желанія наши, о которыхъ мы и помыслить не смѣли,—совершились и Судъ предсталъ передъ нами во-очію, — теперь, говорю, пришло время и намъ судить институтъ присяжныхъ въ его совершенствахъ и недостаткахъ. Послѣ того суда, который былъ до судебной реформы,—институтъ присяжныхъ есть конечно слово совершенства, потому что, говоря по совѣсти, до этой реформы суда не было. Правда въ рѣшеніяхъ судовъ, зависѣла отъ личности судьи, отъ его индивидуальнаго пониманія правды. Контролирующаго элемента, того элемента, который держитъ судью постоянно на quivive и не даетъ ему уснуть на лаврахъ произвола, — не было; контроль высшей инстанціи былъ новымъ, лишнимъ произволомъ и больше ничего... канцелярская тайна была тѣмъ орудіемъ произвола, которымъ вооружались судьи для того, чтобъ подъ охраною его спокойно проходить свое судейское поприще, общество смотрѣло на судъ какъ на учрежденіе, въ которомъ выигрышъ зависѣлъ отъ причинъ случайныхъ; рѣшенія, которыя можно было, смотря по надобности, толковать и такъ и иначе—такъ они были темны, — считались мастерскими произведеніями судебнаго дѣла. Составилась цѣлая литература выраженій, за которыя можно было прятаться какъ въ засаду, а эти выраженія, хотя въ сущности никто не зналъ ихъ истиннаго значенія, принимались за чистую монету, когда это было нужно, и наоборотъ—ничего не значили, когда это было не нужно.

Какъ же не благодарить теперь руку, подписавшую указъ 20 ноября 1864 года; какъ и не благаговѣть передъ мыслію, послужившею ему основаніемъ.... Только теперь узнали русскіе люди, что есть Судъ на Русской землѣ и судъ этотъ, потолику, поколику надъ нимъ царитъ контроль не канцелярій, но контроль общественнаго мнѣнія, (самый дѣйствительный изъ всѣхъ контролей) сдѣлался дѣйствительнымъ судомъ, который ежели иногда и ошибается, то несетъ за это, и почти тотчасъ же, кару за свою ошибку ...

При томъ рѣзкомъ различіи воспитанія и образованія, какое существуетъ у насъ въ различныхъ сословіяхъ, никакъ нельзя ожидать, чтобы рѣшенія присяжныхъ, въ двухъ, совершенно тождественныхъ дѣлахъ, были всегда одинаковы. Рѣшенія эти непремѣнно будутъ зависѣть отъ того, изъ какого сословія вышло большинство присяжныхъ при рѣшеніи извѣстнаго дѣла. Есть преступленія, которыя будутъ больше преслѣдоваться дворянствомъ; есть другія, которыя чиновники найдутъ незначительными, а купцы и крестьяне вопіющими; есть, наконецъ третьи, которыя ужасаютъ крестьянъ, но которыя ни дворяне, ни чиновники не найдутъ вовсе ужасными. Все зависитъ отъ образованія, отъ взгляда на вещи, отъ быта жизни, отъ условій этого быта, отъ мѣстности даже, въ которой одно преступленіе считается почти ничѣмъ, (напр. порубка лѣса въ лѣсныхъ губерніяхъ) тогда какъ въ другой это же самое преступленіе считается тяжкимъ и заслуживающимъ строжайшаго преслѣдованія. Статистика дѣлъ, рѣшенныхъ при томъ или другомъ составѣ присяжныхъ, была бы не только любопытною и чрезвычайно полезною вещью: по этой статистикѣ можно было бы судить безошибочно о степени правды, присущей обществу вообще и въ каждой мѣстности и въ каждомъ сословіи въ особенности, о степени юридическаго воспитанія, и могли бы служить законодателю мѣриломъ тѣхъ элементовъ неспособности, которые надобно устранить для того, чтобъ институтъ присяжныхъ, необходимый въ уголовномъ процессѣ, могъ приносить прямую и дѣйствительную, а не условную только пользу.

Для того чтобы присяжные были вполнѣ таковы, какими они должны быть, надо, чтобъ умъ ихъ не былъ омраченъ незрѣлымъ и незаконченнымъ вполнѣ юридическимъ об-

разованіемъ. Полуобразованіе развращаетъ, ежели можно такъ выразиться, людей въ извѣстную сторону. Получившій такое неполное образованіе не свободенъ; онъ не въ состояніи отрѣшиться отъ преданій, которыя онъ слышалъ на школьной скамьѣ и давно отжившихъ свое время; тѣмъ менѣе можетъ онъ отрѣшиться отъ своей судебно-служебной практики и отъ тѣхъ формъ и пріемовъ эмпирически усвоенныхъ — не провѣренныхъ данными современной науки. Онъ, какъ бы сказать, предубѣжденъ противъ извѣстнаго проявленія злой воли, на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ, съ которою онъ свыкся съ из-дѣтства, а для предубѣжденнаго и не свободнаго нравственно человѣка—понятіе о правдѣ представляется въ искаженномъ видѣ. Таковыми представляются, большею частью, люди судебнаго вѣдомства, до реформы 1864 года. Люди позднѣйшихъ поколѣній страдаютъ другою, не менѣе заразительною болѣзнію: это поклоненіе формѣ, во всей ея мертвенности, позади которой они, вслѣдствіе несовершенства воспитанія, не въ состояніи прозрѣть ни истинной цѣли суда, ни средствъ сдѣлать его живымъ содержаніемъ среди вѣчно живаго, вѣчно движущагося общества. Для того, чтобы присяжный былъ истинно полезенъ, надо, чтобъ онъ или получилъ прежде всего обще-человѣческое образованіе, или чтобъ одаренъ былъ свѣтлымъ, природнымъ здравымъ смысломъ и былъ по преимуществу честенъ внутри самого себя. Честность, какъ извѣстно, не условливается воспитаніемъ; образованіе, ежели оно истинно, развиваетъ понятіе о честности и правдѣ, но честность и правда присуща такъ же людямъ, не получившимъ вовсе никакого образованія, то есть тамъ, гдѣ человѣкъ еще примитивенъ; меньше всего правда и честность уживаются съ полуобразованіемъ, такъ что люди совершенно необразованные, какъ напр. крестьянинъ нашъ въ отдаленныхъ степныхъ губерніяхъ гораздо ближе къ правдѣ, нежели подгородный, а еще менѣе подстоличный. Нельзя не сознаться, къ горести человѣчества, что образованіе проникаетъ въ массы не прямо путемъ нравственнаго развитія, которое приходитъ послѣ, но путемъ матеріальнаго удучшенія быта. Оно и понятно. Нравственное развитіе начинается только тогда, когда матеріальныя потребности удовлетворены. Для удовлетворенія ихъ человѣкъ

неразвитой и не сознающій высшихъ цѣлей жизни жертвуетъ самыми священными, самыми благородными стремленіями человѣческаго духа; на такой ступени стоитъ нисшее народонаселеніе городовъ и подгородныхъ селеній и изъ нихъ набираемые присяжные, по необходимости, должны быть менѣе всего соотвѣтствующими цѣли—именно потому, что многіе изъ нихъ свыклись съ развратомъ и снисходительно смотрятъ на всѣ неправды. Такіе присяжные дѣлаются неумолимы только къ такимъ проявленіямъ злой воли, отъ которыхъ пострадали бы они сами: поджигательство, грабежъ съ насиліемъ, разбой, убійство съ цѣлію грабежа и проч. На все остальное они смотрятъ совершенно снисходительно, потому что вся окружающая ихъ среда, въ которой они выросли и въ которой обращаются цѣлую жизнь, не прочь дать гнилой товаръ вмѣсто хорошаго и отказаться отъ долга, ежели нѣтъ документальныхъ доказательствъ этого долга.

За удовлетвореніемъ матеріальныхъ, слѣдуетъ потребность удовлетворенія аппетитовъ нравственныхъ — отсюда нѣкоторое знакомство съ произведеніями искусства, съ литературой, является любовь къ музыкѣ: въ такомъ положеніи находится у насъ начинающее богатѣть купечество и нѣкоторые оттѣнки чиновничества. Эти слои общества не могли еще придти къ полному сознанію правды, вслѣдствіе постоянной борьбы съ жизнію; для нихъ не окончились еще тревоги битвъ изъ за насущнаго хлѣба, которыя занимаютъ почти всю жизнь человѣка нисшаго сословія, или лучше сказать составляютъ постоянную цѣль его жизни. Требовать отъ нихъ совершеннаго отрѣшенія отъ дѣйствительности, во имя правды,—нельзя: тутъ еще слышатся по временамъ стоны прошедшаго порабощенія; не улеглась еще зависть къ людямъ, не обязаннымъ работать матеріально для удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни; хотя сами они уже перестали работать матеріально и тоже въ свою очередь служатъ предметомъ зависти нисшихъ сословій, но они еще смутно, а можетъ быть и безсознательно, по преданію, помнятъ, что отцы ихъ или дѣды принуждены были работать и страдать отъ высшихъ сословій для пріобрѣтенія куска хлѣба.

Послѣ того, какъ эти два вида представителей извѣстной

цивилизаціи богатѣютъ и слѣдственно болѣе и болѣе удаляются отъ тѣхъ внушеній прошедшаго, которыя тяготѣли надъ ихъ понятіями, горизонтъ ихъ по необходимости дѣлается шире; страдательное, ежели можно такъ выразиться, наслажденіе искусствами начинаетъ переходить въ дѣйствительное, пріобрѣтать нѣкоторую сознательность: для такихъ людей искусство является первымъ шагомъ, первою азбукою къ воспитанію въ наукѣ права. Хотя у нихъ нѣтъ еще полнаго сознанія гражданскихъ обязанностей, но уже есть на столько развитія, что они не только не тяготятся исполненіемъ этихъ гражданскихъ обязанностей, но напротивъ они самоуслаждаются въ мысли, что и они сдѣлались судьями и смотрятъ на себя съ нѣкоторой гордостью.

По несчастію и по общей исторіи развитія человѣческаго духа,—это самые неумолимые въ присяжныхъ. Они забыли о матеріальномъ трудѣ и о тѣхъ преступленіяхъ, которыя соединены съ необходимостію добыванія денегъ тяжелымъ трудомъ, а между тѣмъ не успѣли еще возвыситься до пониманія прощенія въ смыслѣ христіанской любви или пониманія государственной необходимости къ его дѣйствительномъ значеніи.

Исчислить всѣ оттѣнки этого отдѣла невозможно. Онъ самый многолюдный и въ нѣкоторыхъ странахъ даетъ направленіе самому законодательству, называясь или tiers-etat и буржуазіи во Франціи или commons въ Англіи. Между оттѣнками всего этого представительства провести рѣзкой черты нельзя: они такъ странно цѣпляются одинъ за другой и въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ сливаются съ тѣмъ, что выше и тѣмъ, что ниже, что уловить эти оттѣнки или подчинить ихъ какому нибудь анализу—почти нѣтъ никакой возможности.

Наконецъ, являются высшіе представители правды: это, люди рожденные въ довольствѣ и вслѣдствіе этого, вполнѣ примиренные; люди, для которыхъ возникла уже потребность служить другимъ, не по необходимости, но единственно изъ сознанія своихъ человѣческихъ обязанностей и предъ обществомъ и предъ себѣ подобнымъ человѣкомъ. Тутъ сознаніе правды не затемнено никакими соображеніями: оно свободно вытекаетъ изъ сознанія долга; изъ свободнаго развитія духа; изъ того широко-раскинувшагося общечеловѣ-

скаго образованія, которое составляетъ начало и корень всякаго спеціальнаго образованія и безъ котораго всякое спеціальное образованіе или не принесетъ никакой пользы обществу, или будетъ ему во вредъ.

Такимъ образомъ общая масса присяжныхъ представляетъ намъ нѣсколько отдѣловъ, имѣющихъ свой отличительный характеръ и вслѣдствіе этого,—рѣзко различающихся между собою въ проявленіи своей присяжнической обязанности. Постараемся опредѣлить ихъ по сословіямъ.

Первый отдѣлъ занимаетъ крестьянство деревень, отдаленныхъ отъ городовъ и отъ большихъ дорогъ. Такой крестьянинъ—человѣкъ примитивный; такой, какимъ почти онъ вышелъ изъ рукъ Творца. Умъ этого человѣка не искаженъ никакими внѣшними вліяніями. Понятіе о правдѣ ему присуще не вслѣдствіе сознанія, но вслѣдствіе собственнаго, прирожденнаго міросозерцанія, не искаженнаго контактомъ съ зараженными частями общества. По общему закону, что les extrêmes se touchent, этотъ отдѣлъ, вмѣстѣ съ самымъ развитымъ, можетъ дать лучшихъ присяжныхъ. По несчастію количество представителей этого отдѣла уменьшается со дня на день; увеличеніе числа желѣзныхъ дорогъ и вообще всякихъ путей сообщенія, знакомитъ ихъ съ нѣкоторыми удобствами жизни, которыя возбуждаютъ въ нихъ матеріальные аппетиты, а вмѣстѣ съ этими аппетитами, приходятъ и всѣ пороки слѣдующаго отдѣла, дающаго, какъ выше сказано, самыхъ дурныхъ присяжныхъ.

Второй отдѣлъ: это крестьянство подгородныхъ селеній; населеніе большихъ дорогъ; мѣщанство или лучше все нисшее населеніе городовъ; мелкое купечество и то, что у насъ называется разночинцами. Въ нѣкоторой степени сюда же можно причислить и самое мелкое и нищенствующее чиновничество. Тутъ, какъ выше сказано, существуетъ почти единственная потребность: удовлетворить матеріальнымъ аппетитамъ, которые, какъ извѣстно, бываютъ чрезвычайно кровожадны т.-е. неразборчивы на средства къ своему удовлетворенію. Изъ этого отдѣла больше всего преступниковъ. Это левъ, почуявшій запахъ крови.

Третій отдѣлъ есть купечество побогаче; чиновники повыше; среднее дворянство; аптекаря, медики и даже зажиточное и случайно болѣе другихъ богатое, а слѣдственно

болѣе другихъ и образованное мѣщанство. Тутъ, какъ выше сказано, первоначальные и болѣе грубые пороки и стремленія предшествовавшаго отдѣла, сглажены и облагорожены; тутъ человѣкъ хоть смутно, но уже отчасти сознательно; понялъ правду и гордится ею; изъ этого отдѣла, какъ выше сказано, самаго многолюднаго, выходятъ большею частію тѣ личности, которыя даютъ направленіе господствующей цивилизаціи: поэты, писатели вообще; журналисты; художники; актеры; всѣ замѣчательныя личности магистратуры, администраціи, торговли, науки и проч. . . . .

Къ четвертому и высшему отдѣлу по моему мнѣнію надо причислить высшихъ представителей юридической науки, хоть и безъ сознанія о ней, у которыхъ понятіе о правдѣ вообще и юридической правдѣ въ особенности, перешло уже въ область полнаго сознанія и наконецъ тѣхъ, которые хотя и не воспитали себя въ изученіи науки права, но которые, вслѣдствіе взгляда, просвѣтленнаго общечеловѣческимъ образованіемъ и вслѣдствіе контакта съ тѣмъ, что есть образованнаго и разумнаго и, наконецъ, вслѣдствіе того, что они не исказили своего взгляда борьбою съ жизнію, съ ея мелочными интересами,—могутъ спокойно усвоить себѣ вѣрный взглядъ на ту правду, которая составляетъ достояніе людей непредубѣжденныхъ той или другой случайностію жизни. Такъ какъ они вслѣдствіе своего высокаго общественнаго положенія, ни отъ чего и ни отъ кого не зависятъ, то и могутъ быть вполнѣ безпристрастными.

Раздѣливъ такимъ образомъ присяжныхъ на четыре отдѣла, я признавалъ бы справедливымъ требовать отъ себя исчисленія тѣхъ преступленій, на которыя одни будутъ смотрѣть снисходительно, а другіе ужасаться, одни оправдывать вовсе, другіе казнить до послѣдней крайности. Исчисленіе преступленій съ такими подраздѣленіями было бы въ высшей степени поучительно, но взять на себя эту задачу было бы въ высшей степени самонадѣянно.

Настоящая статья имѣла цѣлью указать только на необходимость такого статистическаго вывода, который бы далъ понять всю неотложную необходимость согласить съ этимъ выводомъ положительное законодательство и пригласить людей спеціальныхъ, заняться составленіемъ статистическихъ

таблицъ, которя бы могли наглядно показать соотношеніе обвиненій съ классификаціею присяжныхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что классификація эта должна быть произведена въ самой упрощенной формѣ, для того, чтобы могла служить всякому, желающему заняться этимъ матеріяломъ и не пугать своею сложностію. По моему мнѣнію, вотъ какихъ свѣдѣній было бы даже достаточно на первое время:

Засѣданіе такого-то суда, такого-то времени (т.-е. года и числа).	Присяжные засѣдатели: Купецъ 2-й гильдіи. Чиновникъ. Аптекарь. Крестьянинъ.
Убійство въ порывѣ страсти.	Профессоръ Университета. Торговецъ въ мелочной лавкѣ. Бывшій дворовый человѣкъ. Мѣщанинъ, мастеровой и т. д.
Убійство съ корыстною цѣлью.	Тѣже самыя лица.

Предположимъ, что въ первомъ случаѣ преступникъ былъ оправданъ; въ другомъ обвиненъ. Число оправдательныхъ и число обвиняющихъ голосовъ, почти безъ ошибки указало бы изъ какого сословія были обвинители и оправдатели.

Такъ какъ по нашимъ законамъ никто не имѣетъ права знать, кто изъ присяжныхъ обвинялъ и кто оправдывалъ, то одного вердикта, въ сравненіи съ сословіемъ или состояніемъ присяжныхъ, достаточно, по моему мнѣнію, для того, чтобъ узнать, кто стоялъ на одной и кто на другой сторонѣ. Ежели оправданъ убійца въ порывѣ страсти, какъ напр любви, ревности и проч., можно навѣрное сказать, что оправдывающіе принадлежали къ третьему и четвертому разряду, тогда какъ въ убійствѣ изъ корысти оправдывающіе будутъ почти навѣрное изъ числа втораго отдѣла.

Есть преступленія, которыя всѣ сословія безъ исключенія неумолимо преслѣдуютъ, таковы, напр.: поджогъ, убійство родителей, дѣтей и проч., но жестокое обращеніе съ женою, напр., вызоветъ обвиненіе со стороны двухъ послѣднихъ отдѣловъ, а въ двухъ первыхъ найдетъ нѣкоторое снисхожденіе.

Дѣла о преступленіяхъ противъ вѣры и ея обрядовъ будутъ неумолимо преслѣдоваться первыми двумя отдѣлами;—послѣдніе два отдѣла взглянутъ на нихъ гораздо снисходительнѣе, вслѣдствіе сознанія, что свобода совѣсти (какъ напр. преслѣдованіе раскола, ереси и проч.) есть первое условіе развитаго гражданскаго общества.

Несмотря на нашу молодость въ публичной судебной жизни, мнѣ случалось уже слышать, что справедливость суда искажена отводомъ, предоставленнымъ прокурорскому надзору съ одной стороны, и защитѣ—съ другой. Хотя орудія обвиненія и защиты въ нашемъ законодательствѣ соразмѣрены съ строгою точностію, нельзя не сознаться однако, что диктаторская почти власть предсѣдателя, даетъ неминуемо перевѣсъ той сторонѣ, къ которой онъ пристанетъ. Мнѣ случалось видать во Франціи, что предсѣдатель запрещалъ говорить тѣмъ свидѣтелямъ, которыхъ показанія почему-либо онъ не желалъ, чтобъ присяжные слышали; и наоборотъ: своими распросами онъ заставлялъ говорить тѣхъ, показанія которыхъ почему-либо были ему желательны. Сохрани меня Богъ думать, что у насъ есть, или будетъ тоже самое: я только указываю на больное мѣсто; на то, что *можетъ быть* и отъ чего желалъ бы обезопасить общество.

Мнѣ кажется, составленіе списка присяжныхъ есть одна изъ тѣхъ важныхъ задачъ, которую законодательства цѣлаго міра ещé очень мало разработали. У насъ, гдѣ существуетъ различіе сословій и гдѣ это различіе рѣзко оттѣняется во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, эта задача еще труднѣе. Имущественный цензъ, составляющій почти во всемъ мірѣ право попасть въ списки присяжныхъ, у насъ меньше, нежели гдѣ-нибудь, способенъ удовлетворить потребностямъ правды, именно потому, что образованіе у насъ чрезвычайно различно въ различныхъ сословіяхъ. Какъ выше сказано, есть сословія необразованныя вовсе и это необразованіе составляетъ ихъ высокое достоинство для присяжныхъ—есть, ежели мнѣ позволятъ такъ выразиться, четверть образованія, полуобразованіе и такъ далѣе, имѣющія свои отличительныя характеры, свои взгляды, свои повѣрья, свои преданія, страшно вліяющіе на участь подсудимаго. Уравновѣсить эти случайности, есть дѣло положительнаго законодательства, обязаннаго въ равной степени и обезо-

пасить общество отъ вреда, выражающагося въ преступленіи, быть вполнѣ справедливымъ къ преступнику и не отягощать его участи свыше мѣры, но именно своими учрежденіями достигнуть той золотой середины, того *pia desideria* всякаго законодательства, при которомъ и общество обезопашено, и законъ возмездія сохраненъ, и гуманная, человѣческая сторона вопроса осталась незабытою.

Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что предоставленіе правъ суда одному какому нибудь сословію, корпораціи и проч. ведетъ къ злоупотребленію даннаго права и непремѣнно повліяетъ на нарушеніе того, что составляетъ первое условіе и цѣль всякаго суда—справедливости. Дайте перевѣсъ привиллегированнымъ сословіямъ—они будутъ выгораживать своихъ и обрушатся всею тягостью своего права на нисшія сословія; дайте перевѣсъ нисшимъ сословіямъ—они свое недружелюбіе и зависть переведутъ въ дѣло при всякомъ удобномъ случаѣ и привиллегированнымъ сословіямъ придется жутко. Примиреніе въ средѣ средняго сословія (tiers etat) есть утопія такая же, какъ и всѣ другія. Можетъ быть, она и ближе другихъ къ истинѣ, но во всякомъ случаѣ далеко не исчерпываетъ понятія о правдѣ и точно также не выдержитъ критики. Статистическія таблицы, мною предлагаемыя, покажутъ, насколько возможно измѣнить порядокъ имущественнаго ценза, явно несостоятельнаго и укажутъ на другой порядокъ составленія списковъ и призванія къ исправленію обязанности присяжныхъ по другимъ, можетъ быть, болѣе сложнымъ, но болѣе удовлетворяющимъ правдѣ,—образомъ.

Всякій вѣроятно согласится, что степень образованія въ званіи присяжнаго должна играть самую важную роль. Получившій хотя первоначальное, но общечеловѣческое образованіе, для присяжнаго дѣла разумѣется, гораздо полезнѣе полуобразованнаго, тѣмъ болѣе четверть образованнаго. Узнать, въ комъ есть полное общечеловѣческое образованіе, въ комъ полное юридическое (кромѣ профессоровъ науки права), въ комъ полуобразованіе, есть дѣло невозможное для законодателя. Законодатель, какъ извѣстно, имѣетъ дѣло не съ личностями или единицами, а съ цѣлыми группами, называются ли онѣ сословіями, состояніями, корпораціями, цѣхами или другими какими нибудь наименованіями.

Принадлежитъ ли напр. Иванъ по степени своего образованія къ группѣ № 5 или № 4, тогда какъ онъ долженъ считаться въ группѣ № 3,—законодатель рѣшить не можетъ. Дипломъ, свидѣтельство, аттестатъ — вотъ гдѣ заключается для законодателя возможность опредѣлить къ какой группѣ долженъ Иванъ принадлежать. Другой возможности у него нѣтъ. Будетъ ли всегда справедлива эта классификація—это вопросъ другой: по крайней мѣрѣ для положительнаго законодательства другой нормы нѣтъ и быть не можетъ.

Принявъ образованіе за точку отправленія безъ всякаго вліянія на нее ценза,—надо по моему мнѣнію первую группу составить изъ людей окончившихъ курсъ наукъ въ какомъ бы то ни было высшемъ учебномъ заведеніи. Вторая группа должна бы по моему мнѣнію состоять изъ лицъ, не окончившихъ курса, но учившихся въ среднихъ учебныхъ, заведеніяхъ, изъ служившихъ въ военной службѣ а также художниковъ, артистовъ, писателей и вообще такихъ людей, которые по роду своихъ занятій могли развить свой умъ и сердце. Въ третей группѣ можно бы было помѣстить гражданскихъ чиновниковъ, занимавшихъ или занимающихъ *извѣстныя* должности; въ четвертой, не кончившихъ курсъ ученья почетныхъ гражданъ, купцовъ и вообще людей свободныхъ состояній, не попавшихъ въ первые группы. Пятой долженъ бы заключать мелкое чиновничество, бывшее въ народныхъ и приходскихъ училищахъ, семинаріяхъ, не дальше реторики и даже гимназіяхъ, не далѣе 3-го класса. Шестой и послѣдній нигдѣ не учившихся чиновниковъ, мѣщанъ и креетьянъ. При выборѣ присяжныхъ я не предложилъ бы брать поровну изъ каждой группы—мнѣ кажется что такое назначеніе въ нравственномъ отношеніи было бы неправомѣрно. Я думаю, что нѣкоторыя группы, представляющія больше или меньше, ежели можно такъ выразиться духовно-аристократическій элементъ, стали бы давить на нисшіе группы силою своего умственнаго развитія и потому такое соединеніе не представляло бы той равномѣрности нравственной свободы, которая составляетъ разумность, значеніе и силу присяжныхъ, какъ суда самаго общества. Я бы предложилъ всѣ группы раздѣлить на двѣ части, по три въ каждой и брать по жеребью поровну изъ каждой

части. При такомъ порядкѣ назначенія, демократической элементъ суда присяжныхъ, сохранился бы во всей чистотѣ и не было бы тѣхъ печальныхъ случайностей, что, напр. цѣлый комплектъ сессіи не знаетъ грамотѣ или до того не приготовленъ, что даже не понимаетъ значенія суда и вопросовъ ему предлагаемыхъ.

Мнѣ скажутъ, можетъ-быть, что при дѣлежѣ присяжныхъ на двѣ части, не для чего дѣлить ихъ на группы,—отвѣчаю на это что дѣленіе на группы необходимо для тѣхъ статистическихъ таблицъ, которыя я предлагаю, и о которыхъ я говорилъ выше. Таблицы эти, по моему мнѣнію, должны привести въ будущемъ къ правильному и уже вполнѣ точному, достигающему своей цѣли, выбору присяжныхъ, чего до сихъ поръ не достигло еще ни одно законодательство.

Я полагаю всѣмъ извѣстно, что всякое законодательство не составилось тотчасъ, въ одну минуту со всѣми его совершенствами; что оно не есть что-то постоянное, абсолютноразумное и вслѣдствіе того неподвижное, что-то, что не требуетъ измѣненія или дополненія—напротивъ—всякое законодательство есть вѣчно подвижная лѣстница, безпрестанно мѣняющаяся вмѣстѣ съ текущими потребностями общества. Останавливаться оно никогда не можетъ и даже не должно. Ежели это истина доказанная, что цивилизація вѣчно идетъ впередъ, то и законодательство точно также обречено никогда не останавливаться и вѣчно идти впередъ. Ежели есть преступленія, которыя не были извѣстны, даже по имени, нашимъ предкамъ, то должны быть и законы, которые нашимъ предкамъ не могли быть извѣстны. Указать на нихъ есть дѣло каждаго; предупредить ихъ—дѣло законодателя. И ни тотъ, ни другой не должны уклоняться отъ великой задачи—предупреждать зло, грозящее обществу и противоборствовать этому злу всѣми возможными средствами. Горе тому, кто думаетъ, что онъ избавленъ отъ этой обязанности—онъ не сынъ своей родины; онъ не подданный своего Государя. Ежели онъ членъ общества,—онъ долженъ нести тяготы его, страдать его болью, радоваться его радостями; жить, однимъ словомъ, его жизнью, а ежели онъ живетъ жизнью сбщества, то, слѣдственно и не можетъ не сочувствовать всѣмъ страданіямъ общественнымъ, потому что онъ, какъ и всѣ другіе, терпитъ отъ этого.

Давно уже, не помню по какому поводу, я говорилъ, что на человѣкѣ, всякомъ безъ исключенія, лежитъ обязанность дѣлиться съ другими своими познаніями, какъ бы ничтожны они ни были—и дѣлиться безъ всякаго разумѣется вознагражденія. Этотъ дѣлежъ и есть та христіанская любовь, о которой говоритъ наша религія. Умѣю я только вязать чулки,—я долженъ, всегда и всюду, указывать всякому, если онъ того пожелаетъ, какъ вяжутся чулки; знаю я только азбуку—я обязанъ каждому указывать литеры и объяснять для чего онѣ пригодны и какъ ихъ можно читать. Не признаю знанія, когда это знаніе существуетъ только для себя одного; такое знаніе есть лишняя и совершенно ненужная тягость. Тогда только всякое знаніе имѣетъ смыслъ, когда это знаніе полезно обществу, т.-е. людямъ, среди которыхъ я живу и это на томъ основаніи, что всякій человѣкъ есть членъ общества, взявшаго на себя его охрану и попеченіе о немъ, почему и всякая минута его жизни должна принадлежать этому обществу.

Въ моихъ глазахъ нѣтъ ничего смѣшнѣе, и пожалуй даже ничтожнѣе, когда человѣкъ не рѣшается выступить на публичную арену, потому только, что не увѣренъ какъ приметъ это общество? Что до меня касается, я думаю, что честнаго человѣка это останавливать не должно. Всякій человѣкъ называетъ обществомъ только ту среду, въ которой живетъ: она составляетъ его горизонтъ. Этотъ горизонтъ, конечно можетъ быть тѣсенъ, потому то я и не признаю въ комъ-нибудь права стѣсняться этимъ горизонтомъ именно потому, что человѣческому уму стѣсняться какимъ-либо горизонтомъ не слѣдуетъ. Есть обще-человѣческія обязанности, которыя выше всякаго горизонта и горе тому, который преступитъ ихъ во имя этого горизонта, который долженъ для человѣка неблизорукаго ограничиваться не сферою своего только круга дѣйствія, но кругзоромъ своего государства и быть только рабомъ его интересовъ, выражающихся въ дѣйствіи Высочайшей власти.

Вотъ причина, почему я со всякой мыслью, которую признаю полезною, я являюсь печатно передъ публикой. Хороша, полезна моя мысль—ее примутъ, значитъ польза ея несомнѣнна. Не примутъ ее—я не признаю это стыднымъ для се-

бя,—у меня остается утѣшеніе, что я исполнилъ долгъ свой и сдѣлалъ все, что былъ въ силахъ, для того чтобъ быть полезнымъ моей родинѣ, моему Государю, обществу, наконецъ, въ которомъ я живу.

Ученый мыслитель, который своимъ знаніемъ, своимъ мышленіемъ не принесъ пользы обществу, въ какой-бы то нибыло сферѣ дѣйствія, есть нуль въ итогѣ дѣятелей, и я, какъ бы ни стоялъ онъ высоко въ сферѣ ученыхъ и мыслителей, предпочту ему старую бабу, которая учитъ вязать чулки дѣвочекъ, ее окружающихъ. Это же самое можно приложить и къ суду. Судъ, который, погружаясь въ тонкости одного юридическаго міросозерцанія, не обезопашиваетъ общества отъ зла, выраженнаго въ преступленіи—не есть судъ—это есть аномалія, нонсенсъ, который не долженъ существовать. Только тотъ судъ хорошъ, истиненъ, достигаетъ своей цѣли, который, наказывая преступленіе, обезопашиваетъ отъ него общество. Ежели прямая обязанность его охранять общество, то онъ долженъ быть строго справедливъ,—строго—потому, что пока образованіе не умягчило еще нравы, не возвысило способности ума и сердца каждаго до того, чтобъ всякой членъ общества гнушался преступленіемъ,—не остается другаго средства какъ страхомъ наказанія обезопасить общество отъ зла. Но такъ какъ уже доказано, что безъ нравственнаго убѣжденія, т.-е. безъ введенія въ судъ элемента свободнаго, но разумнаго, т.-е. безъ присяжныхъ, уголовнаго суда быть не можетъ, то и надо, чтобъ эти присяжные были вполнѣ достойны той высокой роли, которую они призваны играть въ обществѣ; чтобъ они были тѣмъ живымъ, воплощеннымъ нравственнымъ убѣжденіемъ общества, которому это общество, въ извѣстный моментъ, ввѣряетъ въ охрану всѣ свои, самые насущные, самые ближайшіе интересы.

Выборъ этихъ присяжныхъ, этихъ судей общества, гораздо важнѣйшихъ тѣхъ судей, которые прилагаютъ только законъ, долженъ быть слѣдственно очень строгъ и разборчивъ. Думать, что всякій можетъ и долженъ быть присяжнымъ потому только, что онъ дышитъ тѣмъ воздухомъ, какимъ дышатъ всѣ—странная ошибка. Умъ, образованіе, честность вотъ что должно быть мѣриломъ этого права. Но такъ какъ

дипломы на умъ и честность выдаваться не могутъ, то и слѣдуетъ, что при составленіи списка присяжныхъ, надо употребить всевозможныя и прибавлю — самыя строгія и честныя средства, для того, чтобъ удостовѣриться что такой-то достоинъ великаго и почетнаго, какъ только можетъ быть почетно и велико, права судить себѣ подобныхъ.

И. С.....ъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Для бытія, предусмотрѣннаго 1531 ст. Улож., преступленія необходимо, чтобы данное мущиной обѣщаніе жениться на дѣвицѣ было употреблено имъ какъ средство, чтобы вступить съ нею въ любовную связь и обольстить.

1870 года ноября 3 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по уголовному департаменту, въ распорядительномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента П. Г. Извольскаго, слушала: докладъ Члена Палаты Д. П. Тихомірова о существѣ предварительнаго слѣдствія по дѣлу объ обольщеніи крестьянки Е—вой дворяниномъ Э—мъ. Изъ дѣла видно: крестьянка Е—ва жалуется на неслужащаго дворянина Э—а, который, нанявъ ее въ горничныя, уговорилъ имѣть съ нимъ любовную связь и затѣмъ, упрашивая не говорить о семъ никому, обѣщалъ вступить съ ней въ законный бракъ, а когда она родила, то отказался не только отъ своего обѣщанія жениться, но и отъ содержанія ея съ прижитымъ младенцемъ. Выставленныя Е—вой въ свидѣтельницы крестьянки Панкова и Андреева показали, что слышали отъ Е—вой, что она, находясь въ связи съ Э—ъ, родила младенца. Другія свидѣтельницы—Акулина, Пелагея и Александра Полѣсскія отозвались, что хотя по слухамъ и знаютъ о связи Е—вой съ Э—ъ, но отъ кого родила она, сказать не могутъ. Дворянинъ Э—ъ не сознался ни въ обольщеніи Е—вой торжественнымъ обѣщаніемъ на ней жениться, ни въ прижитіи отъ нея младенца. Приступая, на основаніи 205 ст. Уст. Уг. Суд., къ разсмотрѣнію изложенныхъ обстоятельствъ относительно того и другаго преступленія, Судебная Палата находитъ, что по об-

виненію дворянина Э—а въ обольщеніи Е—вой торжественнымъ обѣщаніемъ на ней жениться нѣтъ никакихъ уликъ, кромѣ ея собственнаго о томъ показанія. Показаніе же ея, будучи разсмотрѣно само по себѣ, оказывается не заслуживающимъ уваженія, потому что дворянинъ Э—ъ, по ея собственнымъ словамъ, далъ ей обѣщаніе жениться уже послѣ того, какъ она согласилась имѣть съ нимъ любовную связь. Такимъ образомъ не видно, чтобы данное дворяниномъ Э—ъ обѣщаніе жениться было употреблено имъ какъ средство для обольщенія Е—вой, между тѣмъ обстоятельство это, по смыслу закона, служитъ однимъ изъ необходимыхъ условій для бытія приписываемаго дворянину Э—у преступленія, предусмотрѣннаго 1531 ст. Улож. о Наказ. Что же касается затѣмъ обвиненія того же дворянина Э—а въ прижитіи отъ крестьянки Е—вой младенца (994 ст. Улож. о Нак.), то къ преслѣдованію его въ семъ преступленіи также не усматривается достаточныхъ основаній, такъ какъ одни свидѣтели отозвались о семъ незнаніемъ, а другіе, что слышали объ этомъ только отъ самой Е—вой. Признавая за симъ произведенное по настоящему дѣлу предварительное слѣдствіе правильнымъ, безъ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ, Судебная Палата опредѣляетъ: дѣло это производствомъ прекратить (534 ст. Уст. Уг. Суд.), освободивъ неслужащаго дворянина Э—а отъ всякаго по оному преслѣдованія.

II.

Братъ не имѣетъ права начать дѣла объ изнасилованіи совершеннолѣтней сестры безъ особаго на то со стороны ея уполномочія, въ силу лишь одного примѣчанія къ 1532 ст. Улож. о Нак. Помѣщенное въ этомъ примѣчаніи выраженіе „обязанныхъ имѣть о ней попеченіе“ должно быть понимаемо относящимся не только къ постороннимъ лицамъ, но и къ родственникамъ, а посему не всѣ родственники имѣютъ право на вчинаніе дѣлъ объ изнасилованіи своихъ родственницъ.

1870 года декабря 2 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, въ распорядительномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента П. Г. Извольскаго, при товарищѣ Прокурора Палаты А. И. Постельниковѣ, слушала: 1) докладъ Члена Палаты Д. П. Тихомірова о существѣ переданнаго предварительнаго слѣдствія по дѣлу о крестьянинѣ Ф—вѣ, обвиняемомъ въ изнасилованіи крестьянки М. К—вой; 2) заключеніе товарища Прокурора Ярославскаго Ок-

ружнаго Суда Власенко; 3) заключеніе товарища Прокурора Палаты. Изъ дѣла видно: 1870 г. 28 іюня, крестьянинъ В. К—въ судебному слѣдователю подалъ на крестьянина Ф—ва жалобу, въ коей объяснилъ, что онъ изнасиловалъ родную его сестру М. К—ву, 29 лѣтъ. На возникшемъ вслѣдствіе сего предварительномъ слѣдствіи М. К—ва, подтвердившая жалобу брата своего, объяснила, что Ф—въ, ударивши ее нѣсколько разъ по лицу, повалилъ ее и изнасиловалъ, чему свидѣтельницами были прибѣжавшія на крикъ ея крестьянки Емельянова и Ефимова. Но лица эти ссылки на нихъ не подтвердили. Свидѣтельствовавшій К—ву врачъ никакихъ слѣдовъ побоевъ на ней не замѣтилъ. Обвиняемый крестьянинъ Ф—въ показалъ, что съ К—вой имѣлъ любовную связь съ ея согласія. Такимъ образомъ, въ виду ничѣмъ не подтвердившейся жалобы крестьянина К—ва взводимое на Ф—ва обвиненіе въ изнасилованіи сестры его М. К—вой, т-е. преступленіи, предусмотрѣнномъ 1525 ст. Улож. о Нак., по мнѣнію ярославскаго прокурорскаго надзора, за силою 518 ст. Уст. Угол. Суд., должно быть признано недоказаннымъ, а дѣло о семъ подлежащимъ прекращенію. Разсмотрѣвъ изложенныя обстоятельства, Судебная Палата находитъ необходимымъ остановиться предварительно на обсужденіи вопроса о томъ,—составляла ли жалоба крестьянина К—ва достаточный поводъ къ возбужденію преслѣдованія противу крестьянина Ф—ва, по обвиненію его въ изнасилованіи сестры его дѣвицы М. К—вой, имѣющей отъ роду 29 лѣтъ? По закону дѣла объ изнасилованіи начинаются не иначе, какъ по жалобѣ самой изнасилованной, или же ея родителей, родственниковъ, опекуновъ, или другихъ лицъ, по званію своему *обязанныхъ имѣть о ней попеченіе* (прим. къ 1532 ст. Ул. о Нак.). Такимъ образомъ законъ, опредѣляя кругъ лицъ, имѣющихъ право жалобы безъ особаго уполномочія на то потерпѣвшихъ,—поставляетъ необходимымъ условіемъ то обстоятельство, чтобы лица эти, по званію своему, обязаны были имѣть попеченіе объ этихъ потерпѣвшихъ. Отсюда видно, что родители и опекуны имѣютъ право жалобы за своихъ дѣтей и опекаемыхъ (I ч. X т. Зак. Гражд.). Что же касается до родственниковъ и другихъ лицъ, которымъ также законъ предоставляетъ подобное право, то подъ ними слѣдуетъ разумѣть вообще лицъ, имѣющихъ попеченіе о потерпѣвшемъ, или по природѣ, или по закону. Потерпѣвшими могутъ быть не только несовершеннолѣтніе, но и взрослые, лишенные возможности пользоваться своими правами (умалишенные, юродивые и т. п.). Въ этомъ случаѣ лицами, имѣющими попеченіе, могутъ быть наставники и родственники и т. п. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній, къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, ока-

зывается: 1) что предварительное слѣдствіе объ изнасилованіи крестьянки совершеннолѣтней дѣвицы М. К—вой началось не по заявленію самой изнасилованной, а по жалобѣ брата ея В. К—ва безъ особаго на то уполномочія съ ея стороны, и 2) что изъ дѣла не видно, чтобы принесшій жалобу В. К—въ былъ тѣмъ лицомъ, у котораго изнасилованная находилась на попеченіи и которое по закону имѣло право на принесеніе за нее жалобы (Уст. о Нак., нал. мир. суд. ст. 18 и Уст. Угол. Суд. ст. 43). Посему, разрѣшая отрицательно поставленный выше вопросъ, Судебная Палата опредѣляетъ: Признавъ настоящее дѣло не заключающимъ въ себѣ законнаго повода къ начатію предварительнаго слѣдствія (297 ст. Уст. Угол. Суд.), оное дальнѣйшимъ производствомъ прекратить, а крестьянина Ф—ва, привлеченнаго къ оному въ качествѣ обвиняемаго, отъ преслѣдованія освободить (534 ст. Уст. Уг. Суд.).

III

Находящееся въ 1 п. 1649 ст. Ул. о Нак. выраженіе „равный виновный“ *есть юридическій терминъ и употребленъ не въ смыслѣ 12 ст. Улож. о Нак., а лишь для обозначенія слуги, работника и проч., которые при наведенныхъ ими для кражи людяхъ всегда представляются главными виновными, потому-что ими нарушаются особенныя къ потерпѣвшему лицу отношенія, каковыхъ наведенные ими люди имѣть не могутъ.*

1871 года января 11-го дня, По Указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту въ распорядительномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента П. Г. Извольскаго, при товарищѣ Прокурора Палаты И. М. Остроглазовѣ, Слушала: 1) докладъ Члена Палаты Д. П. Тихомирова о существѣ переданнаго предварительнаго слѣдствія по дѣлу о кражѣ, со взломомъ, денегъ у крестьянина И. Котухова, 2) Обвинительный актъ Прокурора Калужскаго Окружнаго Суда Лангъ; 3) заключеніе товарища Прокурора Палаты. Изъ дѣла видно: крестьянинъ Иванъ Ивановъ Котуховъ заявилъ, что вечеромъ 8 сентября 1870 года у него изъ спальни, въ отсутствіи его изъ дому, украденъ сундучекъ съ деньгами 1340 р. сер., изъ коихъ тысяча рублей была кредитными бумажками, 20 руб. серебрянными рублями и 20 руб. Мальцевскими рублевыми бумажками, при чемъ замокъ у сундучка отпертъ подобраннымъ ключемъ, а сундучекъ, прикованный къ лавкѣ, былъ отломанъ, по предположенію Котухова, ломомъ, стоявшимъ въ

спальнѣ и похищеннымъ вмѣстѣ съ сундучкомъ. Подозрѣніе пало на крестьянина Д. М—ва и на брата его М—ва, жившаго у Котухова въ работникахъ. Основаніемъ къ сему подозрѣнію послужили слѣдующія обстоятельства: 1) вечеромъ 8 сентября жена Котухова, находясь въ кухнѣ, расположенной чрезъ сѣни отъ спальни, услышала въ спальнѣ какой-то стукъ, вслѣдствіе чего хотѣла встать и пойти посмотрѣть, что случилось, но И. М—въ, сказавъ ей, что это ей такъ показалось, силою удержалъ ее за столомъ, когда же отпустилъ и она усмотрѣла въ спальнѣ совершившуюся кражу, то похитителей уже тамъ не было; свидѣтелями этого были работницы: Фекла Гаврилова и Анисья Петрова; 2) крестьяне: Федоръ и Захаръ Васильевы сказали Котухову, что деньги его у Д. М—ва, который самъ имъ въ томъ признавался; 3) Д. М—въ при свидѣтеляхъ: Василіѣ Устиновѣ и Ильѣ Абрамовѣ согласился возвратить половину денегъ подъ условіемъ, что Котуховъ дастъ ему росписку не начинать дѣла, при чемъ И. М—ва уговаривалъ брата отдать деньги и какъ-нибудь сойтись; 4) сынъ Котухова Никаноръ Ивановъ ходилъ въ лѣсъ съ Даніиломъ Мартыновымъ, гдѣ получилъ отъ него 125 серебряныхъ рублей, 188 кредитными бумажками, послѣ чего Мартыновъ принесъ Котухову на домъ 292 р. сер.—Жена Котухова Александра Григорьева и сынъ его Никаноръ Ивановъ, подтверждая вполнѣ показаніе мужа, добавили: 1) что когда она обнаружила кражу и закричала, то И. М—въ сказалъ: „неголоси, тетушка, деньги цѣлы“; и 2) что вскорѣ послѣ кражи крестьянинъ Яковъ Михайловъ принесъ ему въ питейный домъ рублевую Мальцевскую бумажку, которую получилъ отъ Даніила Мартынова и что эта бумажка оказалась изъ числа покраденныхъ у отца. Соображая изложенное, оказывается, что крестьяне братья Д. и И. М—вы С—ны достаточно уличаются въ совершеніи приписываемыхъ имъ преступныхъ дѣяній.—Обсуждая за тѣмъ свойство сихъ дѣяній, Судебная Палата находитъ, что судившійся прежде за кражу Д. М—въ С—ъ, совершивъ похищеніе со взломомъ сундучка съ деньгами у крестьянина Котухова, долженъ быть преслѣдуемъ по 2 отд. 1647 и 1660 ст. Улож. о Нак.—При опредѣленіи же дѣянія жившаго у Котухова въ работникахъ И. М—ва С—а, Судебная Палата приняла на видъ: 1) что по 1 отдѣлу 1649 ст. Ул. о Нак. преслѣдуется только главный виновный; 2) что этимъ именемъ, на осн. 12 ст. Улож. о Нак., называются распоряжавшіеся дѣйствіями другихъ безъ предварительнаго съ ними на то соглашенія; и 3) что въ 1649 ст. Улож. о Нак. говорится о совершеніи домашней кражи нѣсколькими лицами по уговору, слѣдовательно, по предварительному соглашенію.—Изъ соображенія всего этого явствуетъ,

что выраженіе „*главный виновный*“ въ 1649 ст. употреблено не въ томъ смыслѣ, какой ему придается 12 статьею, а для обозначенія слуги, работника и проч., которые, несмотря на различную степень участія въ преступленіи, въ глазахъ закона всегда представляются главными виновниками потому-что, содѣйствуя какими-либо способами къ совершенію другими лицами преступленія, они во всякомъ случаѣ нарушаютъ тѣмъ самымъ особенныя отношенія какъ къ обокраденному хозяину, такъ и къ мѣсту, гдѣ совершено ими преступленіе. Вслѣдствіе сего Судебная Палата, руководствуясь 151 ст. Улож. о Нак. находитъ справедливымъ и согласнымъ съ точнымъ смысломъ закона признать дѣяніе И. М. С—а, согласившагося съ Д. С—мъ на кражу у своего хозяина, и принявшаго на себя роль не главнаго участника, а пособника, предусмотрѣннымъ 1 отд. 1649 ст. Ул. о Нак., посему Палата Опредѣляетъ: означенныхъ С—хъ предать суду, на основаніи 1647 и 1660 и 1649 ст. Ул. о Нак. Калужскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (201 ст. Уст. Уг. Суд.).

IV.

Растрата ввѣреннаго на сохраненіе по частному иску имущества преслѣдуется по 177 ст. Уст. о Наказ. налаг. мир. суд. и въ томъ случаѣ, если бы растрата эта сопровождалась поврежденіемъ наложенныхъ на имущество печатей Судебнаго Пристава.—Преслѣдованіе-же въ семъ случаѣ по 304 ст. Улож. о Нак. за поврежденіе печатей не можетъ имѣть мѣста.

1871 года января 27 дня, По дѣлу купца Мѣ—ва. Предсѣдательствовалъ Предсѣдатель Департамента П. Г. Извольскій, докладывалъ Членъ Палаты Д. П. Тихомировъ, заключеніе давалъ товарищъ Прокурора Палаты И. М. Остроглазовъ. „Обстоятельства настоящаго дѣла слѣдующія: 27 августа 1869 г., Судебнымъ Приставомъ Московскаго Окружнаго Суда, по исполнительному листу, выданному купцу Василію Лобанову, было описано имущество брата послѣдняго купца Семена Лобанова. Въ числѣ описаннаго имущества былъ боченокъ съ конопляннымъ масломъ, который по приложеніи къ нему печати Судебнаго Пристава, былъ отданъ на сохраненіе Коломенскому купцу М—ву. Впослѣдствіи братья Лобановы заключили между собою мировую сдѣлку, по которой описанное у Семена Лобанова имущество подлежало ему возвращенію обратно. Между тѣмъ при пріемѣ онаго, не оказалось упомянутаго выше боченка и 2) по отношенію Судебнаго Пристава возбуждено было Прокурорскимъ Надзоромъ, на основ. 304 ст. Ул. о Нак., предвари-

тельное слѣдствіе. На слѣдствіи М—въ объяснилъ, что отданный ему на храненіе боченокъ, онъ поставилъ въ лавку къ Василію Лобанову, который, при возвращеніи имущества, отсутствовалъ, а потому онъ, М—въ, и не могъ представить, въ то время, требуемаго боченка, но что впослѣдствіи онъ возвратилъ оный Семену Лобанову и получилъ въ томъ съ него представленную къ дѣлу росписку. Разсмотрѣвъ изложенныя обстоятельства, Судебная Палата находитъ, что Коломенскій купецъ М—въ, на основ. 304 ст. Ул. о Нак., обвиняется въ томъ, что у него не оказалось бывшаго на сохраненіи описаннаго и опечатаннаго Судебнымъ Приставомъ, за долги купца Лобанова, боченка съ конопляннымъ масломъ на сумму менѣе 300 руб.—Въ виду 523 и 529 ст. Уст. Уг. Суд., отъ опредѣленія свойства и характера приписываемаго М—ву дѣянія зависитъ принятіе или непринятіе Судебною Палатою къ своему разсмотрѣнію предложеннаго Прокурорскимъ Надзоромъ заключенія по настоящему дѣлу, смотря потому, относится ли оное къ преступленію, не подлежащему ни лишенію, ни ограниченію правъ состоянія, или оно имѣетъ предметомъ преступленіе болѣе важное. По гражданскимъ законамъ арестованное за долгъ имущество должно быть описано и къ хранилищамъ, а равно къ каждому предмету, не находящемуся въ означенныхъ помѣщеніяхъ, прилагается печать Судебнаго Пристава (980—999 ст. Уст. Граж. Суд.). Только по соблюденіи этихъ условій арестованное имущество отдается хранителю (1009 ст. Уст. Граж. Суд.), который за растрату такого имущества подлежитъ, на основ. 1017 ст. Уст. Граж. Суд., отвѣтственности, указанной въ 2272 ст. Улож. о Нак. изд. 1857 г. По этой статьѣ закона преслѣдовался виновный, который для растраты ввѣреннаго ему чужаго имущества распечатаетъ оное, т. е. сломаетъ приложенныя къ арестованному имуществу печати. Изъ сравнительнаго Указателя къ Уложенію о Наказаніяхъ, изд. 1866 г., видно, что приведенная выше 2272 ст. замѣнена нынѣ 177 ст. Уст. о Нак. нал. Мир. Суд. Такимъ образомъ растрата ввѣреннаго на сохраненіе имущества, независимо отъ того—будетъ ли оная сопровождаться распечатаніемъ наложенныхъ на немъ печатей—преслѣдуется по 177 ст. Уст. о Нак., 1681 и 1682 ст. Улож. о Нак., смотря по опредѣляющимъ подсудность обстоятельствамъ. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ настоящему дѣлу, Судебная Палата находитъ: 1) что преступное дѣяніе, въ коемъ обвиняется купецъ Николай М—въ, какъ это видно изъ находящейся въ 1017 ст. Уст. Граж. Суд., ссылки, всего ближе подходитъ подъ дѣяніе 177 ст. Уст. о Нак., 2) что примѣненіе къ данному случаю 304 ст. Улож. о Нак., послужившей поводомъ

къ возбужденію предварительнаго слѣдствія, представляется неправильнымъ. Неправильность эта видна какъ изъ изложенныхъ выше соображеній, такъ и изъ того: а) что въ указанной 304 ст. упоминается объ истребленіи приложенныхъ по распоряженію правительственныхъ мѣстъ и лицъ печатей, указывающихъ на принадлежность помѣщенныхъ такимъ образомъ предметовъ *казнѣ* или же временно обезпечивающихъ ихъ цѣлость; и б) что статья эта, слѣдовательно ни по буквальному смыслу, ни по разуму своему, не можетъ быть примѣнена къ дѣлу о растратѣ *частными* лицами находившагося у нихъ на сохраненіи по *частному же* иску боченка съ масломъ. Такой взглядъ (933 ст. Уст. Угол. Суд.) находитъ себѣ подтвержденіе и въ сенатскомъ рѣшеніи сбор. 1869 г. № 140. Посему Судебная Палата Опредѣляетъ: Дѣло это, имѣющее предметомъ своимъ дѣяніе, предусмотрѣнное 177 ст. Уст. о Нак. нал. Мир. Суд., признавъ подсуднымъ размотрѣнію Мировыхъ Учрежденій (33 ст. Уст. Угол. Суд.), передать при копіи съ сего опредѣленія Прокурору Палаты для направленія законнымъ порядкомъ (534 ст. Уст. Угол. Суд.).

V.

Если послѣ преданія суду окажется, что подсудимый совершилъ преступленіе въ припадкѣ умоизступленія, то сіе послѣднее обстоятельство не можетъ служить поводомъ къ представленію дѣла въ Судебную Палату по 549 ст. Уст. Угол. Судопр., такъ какъ оное не имѣетъ вліянія ни на подсудность, ни на порядокъ судопроизводства.

1871 года марта 10-го дня, По дѣлу о крестьянинѣ М—вѣ. Предсѣдательствовалъ Предсѣдатель П. Г. Извольскій, докладывалъ Членъ Палаты Д. П. Тихомировъ, заключеніе давалъ товарищъ Прокурора А. И. Постельниковъ. Изъ дѣла видно: Е. М—въ, по утвержденному Палатою 19 мая 1870 года, обвинительному акту, преданъ былъ суду, на основ. 1489, 1490 и 1492 ст. Улож. о Нак., по обвиненію его въ нанесеніи матери своей побоевъ, отъ коихъ послѣдовала ей смерть. На судебномъ слѣдствіи, происходившемъ по сему дѣлу въ Нижегородскомъ Окружномъ Судѣ, возбуждено было сомнѣніе въ умственныхъ способностяхъ подсудимаго, почему онъ, на осн. 355 ст. Уст. Угол. Суд., и былъ освидѣтельствованъ въ установленномъ порядкѣ. По освидѣтельствованіи врачи пришли къ такому заключенію, что М—овъ во время совершенія преступленія былъ въ припадкѣ умоизступленія, происходившемъ при очень низкомъ уровнѣ умственныхъ способностей, вслѣдствіе возбужденія мозга излишнимъ употребленіемъ вина. Вслѣдствіе

сего Нижегородскій Окружный Судъ представилъ это новое обстоятельство на усмотрѣніе Судебной Палаты. По закону (549 ст. Уст. Угол. Суд.). Судъ обязанъ представлять не о всякомъ новомъ обстоятельствѣ, а только о такомъ, которое имѣетъ вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла, т. е. которое измѣняетъ подсудность или порядокъ судопроизводства (рѣш. Кас. Деп. 1868 г. № 540). Разсматривая въ семъ отношеніи настоящее дѣло, Судебная Палата находитъ, что совершеніе М—вымъ приписываемаго ему преступленія въ припадкѣ умоизступленія не представляется обстоятельствомъ, могущимъ измѣнить или подсудность или порядокъ судопроизводства, такъ какъ разрѣшеніе вопросовъ о причинахъ невмѣняемости по означенному выше обстоятельству принадлежитъ не обвинительной власти Судебной Палаты, а Суду, постановляющему приговоръ. Для освобожденія отъ отвѣтственности лицъ, совершившихъ преступленіе въ припадкѣ умоизступленія, законъ требуетъ, чтобы припадокъ этотъ былъ *точно доказанъ* (96 ст. Улож. о Нак.). Эти послѣднія слова ясно указываютъ, что такое освобожденіе отъ отвѣтственности можетъ послѣдовать лишь по судебному приговору. Признавъ такимъ образомъ за Судомъ право разрѣшенія вопросовъ о невмѣняемости въ припадкѣ умоизступленія, законъ не предоставилъ этаго права Судебнымъ Палатамъ въ качествѣ обвинительнаго учрежденія, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, которые очевидны безъ повѣрки ихъ на Судѣ, т. е. когда они состоятъ или въ дѣтскомъ возрастѣ обвиняемыхъ, или въ признаніи ихъ безумными или сумасшедшими (рѣш. 1869 г. № 877). Къ такому же выводу слѣдуетъ придти и по соображеніи 353—355 ст. Уст. Угол. Суд. На основаніи этихъ статей судебное преслѣдованіе обвиняемаго можетъ быть прекращено Судебною Палатою лишь по причинѣ его сумасшествія или безумія, а не припадка умоизступленія. Слѣдовательно совершеніе М—вымъ преступленія въ припадкѣ умоизступленія, составляетъ такое обстоятельство, которое, будучи обнаружено во время судебнаго слѣдствія не только не имѣетъ никакого вліянія на дальнѣйшее направленіе дѣла, но даже не могло устранить и преданія М—ва суду въ томъ случаѣ, еслибы оное и было въ виду Палаты въ то время. Признавая затѣмъ, что послужившее поводомъ къ представленію Нижегородскаго Окружнаго Суда обстоятельство относительно М—ва не могло служить правильнымъ основаніемъ къ представленію дѣла о М—вѣ по 549 ст. Уст. Уг. Суд., Судебная Палата опредѣляетъ: оное оставить безъ послѣдствій, возвративъ въ Нижегородскій Окружный Судъ при указѣ подлинное дѣло о М—вѣ для дальнѣйшаго направленія, согласно прежде состоявшагося по оному опредѣленія Палаты.

VI.

Одновременное разсмотрѣніе всѣхъ упадающихъ на обвиняемаго преступленій въ одномъ судебномъ засѣданіи не вызывается безусловнымъ требованіемъ 205 ст. Уст. Угол. Суд., такъ какъ заключающееся въ оной правило о совокупности преступленій вполнѣ достигается точнымъ исполненіемъ 213 ст. того же Устава.

1871 года марта 10 дня, по Указу Его Императорскаго Величества Московская Судебная Палата, по уголовному Департаменту, въ распорядительномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента П. Г. Изволь-скаго, при Товарищѣ Прокурора Палаты А. И. Постельниковѣ, слушала: доложенное Членомъ Палаты Д. П. Тихомировымъ производство по дѣлу о мѣщанинѣ Иванѣ А—нѣ, вслѣдствіе предложенія прокурора Палаты. Изъ производства этого видно: опредѣленіемъ Судебной Палаты 11 января сего года по докладу Члена ея Д. П. Тихомирова утвержденъ былъ обвинительный актъ о преданіи суду мѣщанина И. А—на по обвиненію въ кражѣ со взломомъ, т.-е. преступленіи, предусмотрѣнномъ 1647 ст. Улож. о Наказ. По обращеніи опредѣленія сего, на основаніи 541 ст. Уст. Угол. Суд., къ исполненію, обнаружилось, что у судебнаго слѣдователя 2-го участка Бѣльскаго уѣзда возникло новое дѣло объ А—нѣ, по обвиненію его вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Г—вымъ въ грабежѣ. Вслѣдствіе сего прокуроръ Палаты предлагаетъ постановить новое опредѣленіе о пріостановленіи дѣла объ А—нѣ о кражѣ и о соединеніи онаго, на основаніи 205 ст. Уст. Уг. Суд. со вновь возникшимъ дѣломъ по обвиненію въ грабежѣ. При разрѣшеніи сего опредѣленія, Судебная Палата приняла на видъ, что заключающееся въ 205 ст. Уст. Уг. Суд. правило, что всѣ преступленія подсудимаго разсматриваются совокупно въ одномъ судѣ, коему подсудно важнѣйшее изъ нихъ, основано на томъ коренномъ правилѣ, что признанному виновнымъ въ нѣсколькихъ дотолѣ еще не наказанныхъ преступленіяхъ, должно быть назначено строжайшее изъ всѣхъ слѣдующихъ ему за эти преступленія наказаній (152 ст. Улож. о Нак.). Очевидно, что правило это, имѣющее цѣлью предупредить осужденіе одного и того же подсудимаго въ разныхъ судахъ или въ одномъ и томъ же судѣ по нѣсколькимъ преступленіямъ, всего удобнѣе достигается чрезъ одновременное разсмотрѣніе въ одномъ судѣ всѣхъ упадающихъ на него обвиненій. Но на практикѣ правило это не всегда можетъ быть исполнено, такъ какъ обвинительная власть въ лицѣ Судебной

Палаты и прокурорскаго надзора часто не бываетъ поставлена въ извѣстность о всѣхъ возбужденныхъ противу извѣстнаго подсудимаго преступленіяхъ. Вслѣствіе сего нерѣдко случается, что преданное суду обвиняемое лицо, въ то же время находится еще подъ слѣдствіемъ у судебнаго слѣдователя. Въ этихъ часто встрѣчающихся случаяхъ суду остается только постановить приговоръ, пріостановивъ его лишь въ исполненіи впредь до окончанія другаго о подсудимомъ дѣла, находящагося у подвѣдомаго имъ судебнаго слѣдователя для постановленія впослѣдствіи новаго приговора по правиламъ о совокупности, а обвинительной власти, на томъ же основаніи, составить другой актъ и предать суду обвиняемаго за послѣднее преступленіе, не бывшее въ виду ея при составленіи перваго акта. Приведенная выше 205 ст. Уст. Уг. Суд. не разрѣшаетъ всѣхъ возможныхъ на практикѣ случаевъ, а потому при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ (12 ст. Уст. Уг. Суд.) должны быть принимаемы въ соображеніе не только буква закона, но и разумъ его, а также большее или меньшее удобство его исполненія, обусловливаемаго свойствомъ дѣла и положеніемъ, въ которомъ оно находится. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что одно буквальное исполненіе 205 ст. Уст. Уг. Суд. можетъ причинить неудобства и затрудненія въ практикѣ. Такъ, по преданіи суду извѣстнаго лица, возникающія противу него другія обвиненія въ преступленіяхъ часто оказываются или неимѣющими ни какого значенія при совокупности разсмотрѣнія (152 ст. Улож. о Нак. и 515 ст. Уст. Угол. Суд.), или подлежащими прекращенію за недостаткомъ уликъ (518 ст. Уст. Уг. Суд.). Въ томъ и другомъ случаѣ пріостановленіе прежняго дѣла для разрѣшенія его по правиламъ 205 ст. Уст. Уг. Суд. представляется безполезнымъ. Поэтому нельзя не признать, что одновременное разрѣшеніе всѣхъ упадающихъ на подсудимаго обвиненій при преданіи его суду, не вызываются безусловнымъ требованіемъ 205 ст. Уст. Уг. Суд., такъ какъ постановленное въ оной правило о томъ, что признанному виновнымъ въ нѣсколькихъ преступленіяхъ должно быть назначаемо строжайшее изъ наказаній, совершенно достигается точнымъ исполненіемъ 213, а равно и 12 ст. Уст. Уг. Суд. Обращаясь затѣмъ къ разрѣшенію предложенія прокурора Палаты, Судебная Палата находитъ, что въ пріостановленіи дѣла объ А—нѣ о кражѣ, за которую онъ уже преданъ суду, и въ соединеніи онаго со вновь возникшимъ о томъ же подсудимомъ дѣломъ о грабежѣ, находящемся нынѣ въ производствѣ у слѣдователя, не представляется правильнаго основанія какъ въ виду изложенныхъ выше соображеній, такъ и по совершенному отсутствію свѣдѣній съ одной стороны о свойствѣ и ха-

рактерѣ совершеннаго А—мъ преступленія, названнаго слѣдователемъ грабежемъ, а съ другой—объ уликахъ, могущихъ служить достаточнымъ поводомъ къ возбужденію обвиненія. Признавая вслѣдствіе сего, что дѣло о совершенной кражѣ А—мъ, преданнымъ суду Судебною Палатою, должно получить особое направленіе, отдѣльное отъ дѣла о грабежѣ, Судебная Палата опредѣляетъ: увѣдомить о семъ прокурора Палаты на предложеніе его.

VII.

1135 ст. том. X. Зак. Гражд. ч. I имѣетъ силу лишь относительно непосредственныхъ наслѣдниковъ, а не для наслѣдниковъ по праву представленія.

1870 года сентября 23 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ, по VI отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Э. Н. Сумбула, въ составѣ Членовъ М. И. Коваленскаго и Н. Н. Загоскина, слушалъ дѣло по прошенію повѣреннаго купеческой жены Елизаветы Васильевны Муравлевой и вдовы купеческаго сына Марьи Васильевны Васильевой, Кандидата правъ Марконета, о признаніи за его довѣрительницами права на оставшееся по смерти купца Василья Николаевича Патрикѣева имѣніе, совмѣстно съ другими сонаслѣдниками: Ильею, Иваномъ, Павломъ и Николаемъ Васильевыми Патрикѣевыми. Обстоятельства дѣла: повѣренный Московской купеческой жены Елизаветы Васильевны Муравлевой и вдовы купеческаго сына Марьи Васильевны Васильевой, Кандидатъ Правъ Марконетъ, 13 мая 1870 г., предъявилъ въ Окружный Судъ искъ къ отвѣтчикамъ Московскимъ купцамъ, Ильѣ и Павлу Васильевичамъ Патрикѣевымъ, купеческому сыну Ивану Васильевичу Патрикѣеву и несостоятельному должнику Московскому купеческому сыну Николаю Васильевичу Патрикѣеву и въ исковомъ своемъ прошеніи объяснилъ, что въ ноябрѣ 1869 года Илья, Павелъ, Иванъ и Николай Васильевичи Патрикѣевы подали въ Московскій Окружный судъ прошеніе объ утвержденіи ихъ въ правахъ наслѣдства по праву представленія послѣ отца ихъ Василья Николаевича Патрикѣева къ части имущества, оставшагося послѣ смерти Николая Ивановича Патрикѣева, заключающееся въ слѣдующемъ: 1) въ домѣ, состоящемъ въ Москвѣ, Мясницкой части, 1 квартала, подъ № бывшимъ 105, а нынѣ 100, 2) въ каменной лавкѣ, Тверской части, 4 квартала, подъ № 354, 3) въ каменной лавкѣ, Городской части, 1 квартала, на новой площади подъ № 134, 4) въ каменной лавкѣ, 4 квартала, Тверской ча-

сти, въ Охотномъ ряду, подъ № бывшимъ 162, а нынѣ 322, 5) въ каменной лавкѣ, Тверской части, 4 квартала, въ Охотномъ ряду подъ № бывшимъ 141, а нынѣ 352, и въ половинѣ дома, находящагося въ Москвѣ, Тверской части, 4 квартала, № старый 340, новый 321. Затѣмъ въ февралѣ 1870 г. довѣрительницы его, Марконета, подали въ Окружный Судъ прошеніе объ утвержденіи ихъ въ правахъ наслѣдства въ указныхъ частяхъ къ тому же самому имуществу. По этимъ прошеніямъ 4 апрѣля 1870 г. Окружнымъ Судомъ было постановлено опредѣленіе о прекращеніи дѣла въ охранительномъ порядкѣ и о предоставленіи участвующимъ лицамъ начать его исковымъ порядкомъ. Въ настоящемъ случаѣ Иванъ, Илья, Павелъ и Николай Васильевичи Патрикѣевы наслѣдуютъ Николаю Ивановичу Патрикѣеву по праву представленія послѣ отца ихъ Василья Николаевича Патрикѣева, а потому Муравлева и Васильева, какъ родныя дочери Василья Николаевича, согласно 1130 и 1137 ст. X т. ч. I имѣютъ полное право на указныя части въ означенномъ наслѣдствѣ. Такъ какъ цѣнность всей означенной части недвижимаго имущества, оставшагося послѣ умершаго Николая Ивановича Патрикѣева, составляетъ 91,000 р., то 14-я часть этого имущества равняется 6,500 р., вслѣдствіе этого Муравлева и Васильева имѣютъ право получить 13,000 р., что и составляетъ цѣну настоящаго иска. Доказательствомъ родства Марьи Васильевны Васильевой служатъ ревизскія сказки, находящіяся при дѣлѣ Суда объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, а метрическое свидѣтельство Муравлевой представляется при этомъ прошеніи. На основаніи вышеизложеннаго и 1130, 1137 и 1241 ст. т. X ч. I и 609 ст. Уст. Гражд. Суд., повѣренный Марконетъ просилъ признать за его довѣрительницами права на указныя части въ означенномъ выше имуществѣ, а предварительно наложить запрещеніе на имущество соразмѣрно объявленной цѣнѣ иска. По этому исковому прошенію 27 мая 1870 г. Окружный Судъ постановилъ опредѣленіе: искъ Муравлевой и Васильевой, на основаніи 591 и 609 ст. Уст. Гражд. Суд. обезпечить наложеніемъ запрещенія на отыскиваемыя недвижимыя имѣнія. На исковое прошеніе повѣреннаго Муравлевой и Васильевой Конкурсное Управленіе по дѣламъ Московскаго купеческаго сына Николая Васильевича Патрикѣева представилъ Суду объясненіе, въ которомъ изложило, что искъ этотъ считаетъ неосновательнымъ и противнымъ существующимъ узаконеніямъ потому что приводимыя повѣреннымъ Марконетъ 1130 и 1137 ст. могли бы быть примѣнимы къ настоящему случаю, еслибы довѣрительницы его Елизавета и Марья Васильевы, урожденныя Патрикѣевы, получили наслѣдство послѣ отца своего умершаго Ва-

силья Патрикѣева, къ которому по 1130 ст. имѣютъ право какъ сыновья, такъ и дочери; а какъ въ настоящемъ случаѣ имѣніе осталось послѣ двоюроднаго брата ихъ, Николая Ивановича Патрикѣева, получившаго имѣніе въ наслѣдство послѣ отца своего Ивана Патрикѣева,—и какъ послѣ Николая Ивановича Патрикѣева не осталось наслѣдниковъ въ нисходящихъ линіяхъ, то право наслѣдства по 1134 ст. переходитъ въ боковыя линіи, и за смертію роднаго дяди его, Василья Патрикѣева къ двоюроднымъ братьямъ его означеннымъ Ильѣ, Павлу, Ивану и несостоятельному должнику Николаю Васильевичамъ Патрикѣевымъ, а не къ роднымъ сестрамъ ихъ Елизаветѣ и Маріѣ Васильевымъ, урожденнымъ Патрикѣевымъ, такъ какъ по ст. 1135 въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ обоего пола не имѣютъ права на наслѣдство. Объясняя о вышеизложенномъ Конкурсное Управленіе просило Окружный Судъ,—прошеніе повѣреннаго Марконета на основаніи изложеннаго оставить безъ уваженія. За непредставленіемъ другими отвѣтчиками объясненій въ установленный срокъ, повѣренный Марконетъ просилъ Окружный Судъ о назначеніи засѣданія для разрѣшенія дѣла, которое и было назначено на 23-е сентября 1870 года. Въ этомъ засѣданіи повѣренный истецъ объяснилъ, что такъ какъ отвѣтчики Патрикѣевы отрицаютъ право его довѣрительницъ на наслѣдство послѣ Николая Ивановича Патрикѣева на основаніи 1135 ст. I ч. X т. Св. Зак. Гр., то для разрѣшенія настоящаго спора необходимо прежде всего рѣшить вопросъ о томъ, можетъ ли быть примѣнима эта статья къ тому случаю, когда наслѣдство переходитъ къ наслѣдникамъ по праву представленія. Въ 1121 ст. I ч. X т. порядокъ наслѣдованія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „ближайшее право наслѣдованія имѣетъ линія нисходящая, въ недостаткѣ оной наслѣдство обращается или въ побочныя линіи, или въ опредѣленныхъ случаяхъ къ родителямъ и восходящимъ родственникамъ умершаго.“ Давши это общее опредѣленіе о порядкѣ наслѣдованія, наше законодательство переходитъ въ частности къ опредѣленію порядка наслѣдованія въ каждой изъ вышеупомянутыхъ линій, отводя при этомъ правиламъ для наслѣдованія въ каждой линіи отдѣльныя главы. Изъ разсмотрѣнія законовъ о наслѣдованіи въ нисходящей и боковыхъ линіяхъ видно, что всѣ эти правила примѣнимы только тогда, когда наслѣдство получается наслѣдниками непосредственно отъ наслѣдодателя. Поэтому ст. 1135, помѣщенная въ отдѣлѣ о наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ, относится только къ тѣмъ случаямъ, когда послѣ умершаго наслѣдодателя наслѣдство безъ всякаго посредства переходитъ къ его родственникамъ боковой линіи. Это очевидно и изъ 1137

ст., разъясняющей правила, изложенныя въ общихъ выраженіяхъ въ 1135 ст. Если понимать, что 1135 ст. относится и къ тѣмъ случаямъ, когда наслѣдство получается непосредственно, то тогда нужно было бы признать, что ст. 1137 совершенно излишняя и не имѣетъ никакого смысла. Такимъ образомъ 1135 ст., какъ относящаяся только къ тѣмъ случаямъ, когда сестры и братья наслѣдуютъ непосредственно отъ умершаго лица, не должна быть распространяема на наслѣдниковъ по праву представленія, по которому порядокъ наслѣдованія опредѣленъ въ общихъ положеніяхъ о наслѣдованіи по закону. Изъ этого видно, что выраженныя въ общихъ положеніяхъ правила о наслѣдованіи по праву представленія должны быть одинаково прилагаемы какъ къ нисходящей, такъ и къ боковымъ линіямъ. Согласно же 1123 и 1125 ст. т. X ч. I при наслѣдованіи по праву представленія наслѣдниками являются всѣ отъ умершаго наслѣдника нисходящіе. Здѣсь ничего не говорится о томъ, что при наслѣдованіи по праву представленія въ боковой линіи сестры были отстраняемы отъ наслѣдства; напротивъ и въ отдѣлѣ о порядкѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, какъ только идетъ рѣчь о наслѣдованіи по праву представленія, всегда встрѣчаются слѣдующія выраженія: „его или ея нисходящіе," „какъ въ нисходящей линіи." Отсюда ясно слѣдуетъ, что порядокъ наслѣдованія по праву представленія есть совершенно особенный порядокъ, для котораго и установлены особыя правила въ 1123 и 1125 ст., согласно которымъ наслѣдство по праву представленія получается всѣми нисходящими умершаго наслѣдника. На этихъ основаніяхъ повѣренный Марконетъ просилъ Судъ признать за его довѣрительницами, какъ дочерьми умершаго наслѣдника Василья Николаевича Патрикѣева, право на указныя части наслѣдства, оставшагося по смерти Николая Ивановича Патрикѣева. Повѣренный Павла и Ивана Васильевичей Патрикѣевыхъ, Присяжный Повѣренный Плевако, отвергая настоящій искъ, выразилъ, что 1135 ст. по его мнѣнію должна быть одинаково примѣняема въ боковыхъ линіяхъ, какъ при наслѣдованіи непосредственно отъ наслѣдодателя, такъ и по праву представленія. Этой статьи не противорѣчитъ и 1136 ст., въ которой говорится, что въ степень умершихъ вступаетъ ихъ потомство и наслѣдуетъ по праву представленія, ибо въ слѣдующей за нею 1137 ст., составляющей какъ бы продолженіе и поясненіе 1136 ст., явно выражено, что во всякомъ случаѣ—будетъ ли наслѣдованіе непосредственно отъ наслѣдодателя или по праву представленія—ближайшіе наслѣдники братья,—и лишь только за недостаткомъ ихъ являются наслѣдниками сестры. Такое мнѣніе подтверждается и самою исторіею этого вопроса. Изъ указовъ, цитированныхъ

подъ 1135, 1136 и 1137 ст. I ч. X т. видно, что прежде дочери никогда не пользовались наслѣдствомъ послѣ отца ихъ. Этого же мнѣнія всегда держалась и судебная практика, однообразно примѣнявшая къ тому и другому случаю 1135 ст. Такимъ образомъ и изъ буквальнаго смысла закона и изъ исторіи этаго вопроса и наконецъ изъ судебной практики прежнихъ судовъ очевидно, что въ данномъ случаѣ за истицами не должно быть признано право на отыскиваемыя ими указныя части наслѣдства. Повѣренный Ильи Патрикѣева, Коллежскій Секретарь Десницкій объяснилъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ повѣреннаго Плевако. Повѣренный Марконетъ, опровергая возраженія повѣреннаго Плевако, объяснилъ, что судебная практика прежняго времени рѣшала подобнаго рода вопросы далеко не одинаково: иногда она признавала права сестеръ, при наслѣдованіи по праву представленія, иногда отстраняла ихъ. Въ послѣднее же время практика положительно держится того мнѣнія, что сестра при братѣ, при наслѣдованіи по праву представленія, хотя бы въ боковой линіи. не можетъ быть отстранена отъ наслѣдства, на основаніи 1135 ст., и что эта статья не относится къ порядку наслѣдованія по праву представленія, какъ видно изъ рѣшенія Московскаго Окружнаго Суда о наслѣдствѣ Щербинина и изъ рѣшенія Правительствующаго Сената, по 7-му Департаменту, состоявшагося въ настоящемъ году по дѣлу о наслѣдствѣ Сагбатова. Что же касается до ссылки г. Плевако на новоуказныя статьи, то онѣ были отмѣнены указомъ 1714 г. и постановлено было рѣшать дѣла по уложенію. Между тѣмъ ни въ уложеніи, ни въ новоуказныхъ статьяхъ ничего не говорится о правѣ представленія, да и не могло быть сказано, ибо поколѣнный раздѣлъ, составляющій отличительную черту наслѣдованія по праву представленія вовсе не былъ извѣстенъ въ тогдашнее время, когда наслѣдство дѣлилось поголовно. Слѣдовательно институтъ о наслѣдованіи по праву представленія—есть институтъ позднѣйшаго времени, появившійся только въ сводѣ законовъ, а потому для разъясненія его нѣтъ основаній обращаться къ исторіи нашего законодательства, а должно руководствоваться буквальнымъ смысломъ 1125 ст. и другихъ, на основаніи которыхъ наслѣдниками являются всѣ отъ умершаго наслѣдника нисходящіе. Повѣренные отвѣтчиковъ остались при прежнихъ своихъ объясненіяхъ. По разсмотрѣніи настоящаго дѣла Окружный судъ находитъ, что истица Муравлева и Васильева основываютъ свое право на полученіи по праву представленія указныхъ частей изъ имѣнія Николая Ивановича Патрикѣева на 1130, 11036 и 1137 ст. т. X ч. I Св. Зак. Гр., а отвѣтчики Патрикѣевы доказываютъ, что на основаніи 1135 ст.

того же тома и части, истицы не имѣютъ никакого права на полученіе указныхъ частей изъ того имѣнія. Поэтому для разрѣшенія настоящаго дѣла Окружному Суду на основаніи 9 ст. Уст. Гражд. Суд. предстоитъ опредѣлить точное значеніе законовъ о порядкѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, заключающихся въ 1135, 1136 и 1137 ст. т. X ч. I Св. Зак. Гражд. въ связи съ общимъ смысломъ узаконеній о порядкѣ наслѣдованія по закону. Эти статьи изложены въ Сводѣ Законовъ въ слѣдующемъ видѣ: 1135 ст. „въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ обоего пола не имѣютъ правъ на наслѣдство;“ 1136 ст.—„линія боковая, ближайшая, исключаетъ дальнѣйшую. Если будетъ не одна, но многія равныя между собою, т. е. отъ одного родоначальника исходящія боковыя линіи, то наслѣдство поступаетъ въ оныя и дѣлится также, какъ и въ линіяхъ нисходящихъ, т.-е. ближайшая степень линіи исключаетъ дальнѣйшую; равныя степени дѣлятъ наслѣдство поголовно, а въ степень умершихъ вступаетъ ихъ потомство и наслѣдуетъ по праву представленія поколѣнно, хотя бы при томъ въ обоихъ случаяхъ наслѣдники и не носили имени или прозванія умершаго;“ 1137 ст.—„по сему ближайшее право къ наслѣдству въ боковыхъ линіяхъ имѣютъ братья и ихъ нисходящіе, въ недостаткѣ же оныхъ наслѣдуютъ сестры, какъ незамужнія такъ и замужнія съ ихъ нисходящими, когда и сихъ нѣтъ, то наслѣдуютъ родные дяди или тетки съ ихъ нисходящими и т. д. При совокупномъ разсмотрѣніи значенія этихъ статей и сравненія ихъ съ предшествующими статьями, излагающими общія положенія о порядкѣ наслѣдованія по закону (1121—1126 ст.) и порядокъ наслѣдованія въ линіи нисходящей (1127—1133) дѣлается очевиднымъ, что переходя отъ порядка наслѣдованія въ линіи нисходящей къ опредѣленію порядка наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, и имѣя въ виду, что относительно нисходящей линіи было объяснено (1128 ст.), что ближайшими наслѣдниками владѣльца состоятъ ближайшіе его родственники, его дѣти, причемъ сестры при братьяхъ, т.-е. дочери при живыхъ сыновьяхъ (ст. 1130), получаютъ указныя части, между тѣмъ какъ въ боковыхъ линіяхъ ближайшими родственниками наслѣдодателя являются его родные братья и сестры (204 и 205 ст. т. X ч. I); его дяди и тетки (206 ст.), братья и сестры его дѣда или бабки (207 ст.) и т. д., т.-е. тоже сестры при братьяхъ, но что эти сестры не имѣютъ при братьяхъ никакого права на наслѣдство,—законодатель нашелъ необходимымъ указать вопервыхъ на это существенное различіе наслѣдованія ближайшихъ родственниковъ въ боковыхъ линіяхъ отъ наслѣдованія ближайшихъ родственниковъ въ линіи нисходящей. Поэтому, объяснивъ въ

1134 ст., что если послѣ умершаго владѣльца не осталось нисходящихъ, то право наслѣдства переходитъ въ боковыя линіи, законодатель тотчасъ же и изложилъ въ 1135 ст., противопоставляя ее статьѣ 1130, что въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ обоего пола, не имѣютъ права на наслѣдство. Затѣмъ, излагая въ 1136 ст. подробности порядка наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, и имѣя въ виду, что за смертію непосредственныхъ наслѣдниковъ въ боковыхъ линіяхъ, братьевъ и сестеръ наслѣдодателя, его дядей и тетокъ и т. д. ближайшими родственниками наслѣдодателя могутъ являться и другія сестры при братьяхъ, а именно дочери и сыновья умершихъ непосредственныхъ наслѣдниковъ, законодатель разъяснилъ въ этой 1136 ст., что правило, изложенное въ 1135 ст. до этихъ сестеръ при братьяхъ, т.-е. дочерей при сыновьяхъ умершихъ непосредственныхъ наслѣдниковъ, нисколько не относится, указавъ, что потомство непосредственныхъ наслѣдниковъ наслѣдуетъ по *праву представленія*, какъ въ линіяхъ нисходящихъ, т.-е., что въ этомъ случаѣ сестры при братьяхъ получаютъ указныя части. А для того, чтобы устранить всякое въ этомъ недоразумѣніе для точнаго разъясненія взаимнаго отношенія узаконеній, изложенныхъ въ 1135 и 1136 ст., законодатель положительно исчислилъ въ слѣдующей 1137 ст. какія именно въ боковыхъ линіяхъ сестры не наслѣдуютъ при братьяхъ: сестры наслѣдодателя при братьяхъ его и ихъ нисходящихъ, тетки наслѣдодателя при дядяхъ его и ихъ нисходящихъ и т. д. т.-е. только сестры братьевъ, непосредственно наслѣдующихъ владѣльцу, а не дочери при сыновьяхъ умершихъ непосредственныхъ наслѣдниковъ, которыя, какъ нисходящія (1137 ст.) наслѣдуютъ по праву представленія. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ этомъ именно разъясненіи правъ сестеръ при братьяхъ наслѣдовать по праву представленія и заключается вся цѣль включенія въ Сводъ Законовъ Гражданскихъ означенной 1137 ст., такъ какъ она не можетъ имѣть ни какого другаго смысла; между тѣмъ какъ и самое начальное слово „по сему“ прямо указываетъ, что она признана необходимою для разъясненія 1135 ст., взятой въ совокупности съ 1136, и для указанія, *что 1135 ст. имѣетъ силу лишь относительно непосредственныхъ наслѣдниковъ въ боковыхъ линіяхъ, а не для наслѣдниковъ по праву представленія.* Эти послѣдніе должны выдѣлять сестрамъ указныя части, какъ въ нисходящей, такъ и въ боковыхъ линіяхъ, что вполнѣ доказываетъ какъ общій смыслъ статей, въ которыхъ изложены законы о наслѣдованіи по праву представленія, такъ и самое мѣсто, отведенное этимъ статьямъ въ главѣ II, книгѣ III Св. Зак. Гражд. о порядкѣ наслѣдо-

ванія по закону. Порядокъ наслѣдованія по праву представленія изложенъ въ 1123—1126 ст. въ первомъ отдѣленіи этой главы, заключающей въ себѣ общія положенія и предшествующимъ узаконеніямъ о порядкѣ наслѣдованія какъ въ нисходящей, такъ и въ боковыхъ линіяхъ. Слѣдовательно и самое мѣсто, занимаемое 1123—1126 ст. прямо указываетъ, что порядокъ наслѣдованія по праву представленія совершенно одинаковъ какъ для нисходящихъ, такъ и для боковыхъ линій, что вполнѣ подтверждаетъ 1124 ст., въ которой положительно указано, что только восходящіе родственники не имѣютъ правъ представленія. Относительно самаго порядка наслѣдованія по праву представленія въ 1123 ст. объяснено, что если при открытіи наслѣдства, лицо, ближайшее или равное другому по степени родства, не находится уже въ живыхъ, то мѣсто его занимаютъ и въ степень его вступаютъ его дѣти, а за смертію оныхъ внуки и другіе ихъ нисходящіе, по порядку степеней. Это называется правомъ представленія. А въ 1125 ст. сказано, что по праву представленія наслѣдство дѣлится не по числу лицъ, но по числу колѣнъ, т.-е. всѣ отъ умершаго наслѣдника, нисходящіе получаютъ вмѣстѣ ту самую часть, которую получилъ бы онъ самъ, еслибы въ живыхъ находился при открытіи наслѣдства. Изъ общаго смысла этихъ статей, имѣя въ виду и мѣсто ими занимаемое въ главѣ о порядкѣ наслѣдованія по закону, очевидно, что такъ какъ порядокъ наслѣдованія по праву представленія одинаковъ какъ для линіи нисходящей, такъ и для боковыхъ, и такъ какъ въ немъ опредѣляется право наслѣдниковъ нисходящихъ отъ умершаго непосредственнаго наслѣдника, то всѣ дальнѣйшія подробности этаго порядка наслѣдованія, по праву представленія, слѣдуетъ искать конечно въ узаконеніяхъ, относящихся до порядка наслѣдованія въ линіи нисходящей, а никакъ не въ узаконеніяхъ, относящихся до наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, въ которыхъ и не можетъ быть рѣчи о наслѣдованіи дѣтей послѣ умершихъ родителей, иначе какъ по праву представленія. Поэтому единственно возможный общій смыслъ узаконеній, относящихся до раздѣла наслѣдства между наслѣдниками по праву представленія, заключается въ томъ, что всѣ, какого бы ни было пола, наслѣдники по праву представленія,—дѣти, внуки и т. д., какъ въ линіи нисходящей, такъ и въ боковыхъ, должны дѣлить между собою всю часть наслѣдства, на которую умершій отецъ или мать ихъ имѣли право, какъ нисходящіе отъ умершаго непосредственно наслѣдника,—на основаніи законовъ о порядкѣ наслѣдованія въ линіи нисходящей, т.-е. что каждая дочь при живыхъ сыновьяхъ, сестра при братѣ, получаетъ отъ всего наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія четыр-

надцатую часть, а изъ движимаго восьмую часть (1130 ст.), а дѣти мужскаго пола, за выдѣломъ указныхъ частей дочерямъ, дѣлятъ наслѣдство поголовно (1128 ст.), когда же сыновей и ихъ нисходящихъ не останется, то и дочери дѣлятъ наслѣдство поголовно (1120, 1132 и 1136 ст.). Изъ этого совокупнаго разсмотрѣнія 1135, 1136 и 1137 ст. т. X ч. I Св. Зак. Гражд. и общаго смысла узаконеній о порядкѣ наслѣдованія по закону, очевидно слѣдуетъ, что исковое требованіе Муравлевой и Васильевой вполнѣ согласно съ законами, а объясненіе повѣренныхъ отвѣтчиковъ, будто правило, заключающееся въ 1135 ст. о томъ, что сестры не наслѣдуютъ при родныхъ братьяхъ, распространяется даже и на порядокъ наслѣдованія по праву представленія въ боковыхъ линіяхъ, противорѣчитъ какъ буквальному смыслу 1125, 1136 и 1137 ст. т. X ч. I Св. Зак. Гражд., такъ и общему духу узаконеній о порядкѣ наслѣдованія по закону. Еслибы такое объясненіе повѣренныхъ отвѣтчиковъ было правильно, то и самая 1137 ст., какъ разъясненіе въ этомъ смыслѣ 1135 и 1136 ст., была бы изложена въ слѣдующемъ видѣ: посему въ боковыхъ линіяхъ и по праву представленія сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ не имѣютъ право на наслѣдство. Ссылка же повѣренныхъ отвѣтчиковъ на историческое развитіе закона о наслѣдованіи сестеръ при братьяхъ, какъ несогласная съ буквальнымъ смысломъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ, не заслуживаетъ уваженія, точно также какъ и ссылка ихъ на судебную практику прежнихъ судовъ, въ возраженіи противъ которой повѣренный истецъ указалъ на новѣйшія рѣшенія: 7 Департамента Правительствующаго Сената по дѣлу Сагбатова и Московскаго Окружнаго Суда по дѣлу о наслѣдствѣ Щербинина. На основаніи изложенныхъ соображеній, и имѣя въ виду: 1) что представленные истицами, согласно 209 ст. т. X ч. I Св. Зак. и имѣющіеся въ дѣлѣ документы вполнѣ доказываютъ, что Елизавета Васильевна Муравлева и Марья Васильевна Васильева—законныя дочери умершаго наслѣдника Николая Ивановича Патрикѣева, дяди его Василья Николаевича Патрикѣева и родныя сестры отвѣтчиковъ Патрикѣевыхъ, и потому имѣютъ право на основаніи 1125, 1130, 1136 и 1137 ст. т. X ч. I на указныя части изъ имущества, оставшагося послѣ смерти Николая Ивановича Патрикѣева, 2) что на основаніи 1241 ст. т. X ч. I Св. Зак. Гражд. наслѣдники, не явившіеся въ полугодичный срокъ послѣ вызова, не теряютъ своего права на открытіе спора установленнымъ порядкомъ и въ опредѣленные сроки, и 3) что на основаніи 1209 ст. Уст. Гражд. Суд. истецъ, коему присуждено Судомъ недвижимое имѣніе, вводится по предъявленіи исполнительнаго листа во владѣніе этимъ имѣніемъ установленнымъ по-

рядкомъ, при чемъ имѣнію, если того потребуетъ истецъ, производится опись, Московскій Окружный Судъ опредѣлилъ: за купеческою женою Елизаветою Васильевною Муравлевою и Марьею Васильевною Васильевою на основаніи 209, 1123 1136, ст. т. X ч. I признать право на четырнадцатыя части изъ слѣдующаго имѣнія: дома въ Москвѣ, Мясницкой части, 1 квартала, № 100, четырехъ лавокъ въ Москвѣ, Тверской части, 4 квартала, №№ 354, 322, 352, и Городской части, 1 квартала, № 134 и половиною дома въ Москвѣ, Тверской части, 4 квартала, № 321, и передать тѣ части изъ владѣнія Ильи, Ивана, Павла и несостоятельнаго должника Николая Васильевичей Патрикѣевыхъ на основаніи 1209 ст. Уст. Гражд. Суд., возложивъ на отвѣтчиковъ Патрикѣевыхъ, согласно 868 ст. Уст. Гр. Суд. всѣ судебныя издержки. Это рѣшеніе предварительному исполненію не подлежитъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

(Читанная въ годичномъ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества, 17 февраля 1871 г.)

Нѣсколько замѣчательныхъ изданій вышло въ свѣтъ въ концѣ прошлаго 1870-го и въ началѣ наступившаго года. Къ числу такихъ изданій принадлежатъ:

1) Die Philosophie des Rechts, Фридриха Шталя. Гейдельбергъ, 1870 г., три тома, 4-е изданіе.

2) System des deutschen Privatrechts, Гербера. Jena, 1870 г., десятое исправленное изданіе.

3) Die preussischen Gesetzentwürfe über die Rechte an Grundvermögen, Берга. Jena, 1870 г., оттискъ его статьи, помѣщенной въ лѣтописи для догматики, изд. Игеринга и Унгера, при содѣйствіи Бера и Вундерлиха.

4) Die Gesetzgebung des Norddeutschen Bundes betreffend das Urheberrecht an Schriftwerken etc., Дамбаха. Берлинъ, 1870 г.

5) Die Abschaffung des privaten Grundeigenthums, Вагнера. Лейпцигъ, 1870 г.

6) Курсъ Гражданскаго Права, Побѣдоносцева, вторая часть; права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя. С.-Петербургъ, 1871 г.

7) Начала Уголовнаго Права, Будзинскаго. Варшава, 1870 г.

8) Lücken im Völkerrecht, Тренделенбурга. Лейпцигъ, 1870 г.

9) Das peinliche Rechtsverfahren im jüdischen Alterthume, D-r Fürst. Heidelberg, 1870.

1) *Философія права* Шталя отличается особенно доступностью своего языка, такъ сказать общенародностью изложенія до такой степени, что при посредствѣ Шталевой исторіи философіи всякому читателю становится возможнымъ проникнуть въ таинства философіи не токмо Канта, но и Шеллинга и Гегеля. „Пора наконецъ, говоритъ Шталь, и наукѣ подобно искусству

выйдти на свѣтъ и сдѣлаться доступною для общаго пониманія.“ „Слово не должно служить только сосудомъ для понятія, а должно стать его живымъ тѣломъ.“ Другая особенность Шталя состоитъ въ томъ, что онъ началъ съ изученія права и потомъ уже, постепенно ища все высшихъ и общнѣйшихъ основаній для права, дошелъ до философіи. Вся его ученая и литературная дѣятельность служитъ доказательствомъ тому его положенію, что немыслимо изученіе права безъ изученія философіи. Это—юристъ—философъ. Можетъ быть преимущественно доступностью своего изложенія, но хоть частію и своему особому философскому воззрѣнію обязанъ Фридр. Шталь тѣмъ успѣхомъ своего сочиненія, по которому оно имѣло четыре изданія, начиная съ 1829 года, слѣд. въ такое время, когда почти исключительно царили въ Европѣ, системы великихъ мастеровъ въ области философіи—системы Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Особенность философскаго воззрѣнія Шталя выражается въ его критикѣ естественнаго права и въ его противодѣйствіи той абстрактной и той спекулятивной философіи, которыя ставятъ своею исходною точкою личное, индивидуальное сознаніе и доходятъ наконецъ до отрицанія всякаго объекта и до формулы *я равно я*, Ich=Ich т. п. Шталь признаетъ истинной философіею права такъ-называемую *историческую* философію, historische philosophie по идеѣ школы Савиньи, Нибура, Эйхгорна. Право, справедливость и нравственность—суть данныя исторіи, или факты народной жизни, какъ бы, идеи Платона, какъ бы, объекты, существующіе внѣ и помимо нашего личнаго воззрѣнія, и не для чего придумывать „естественное состояніе,“ гдѣ нѣтъ ни общества, ни народа,—гдѣ bellum omnium contra omnes,—гдѣ будто человѣческій разумъ изъ себя творитъ міръ и право. Есть разумъ у человѣчества, есть разумъ у каждаго народа,—этого субъекта, творящаго право; а потому вѣра и мораль, съ началами права, подобно идеямъ истины и прекраснаго, съ языкомъ и чувствомъ изящнаго,—все это лежитъ въ духѣ народа и оттуда переходитъ въ его исторію, въ его науку, въ его искусство, въ его жизнь и въ его положительное право. „Прошедшее не есть только преходящее, transitirisch, но дѣятель, факторъ настоящаго, или дѣятельная причина настоящаго, immanente Ursache der Gegenwart,“ по выраженію Шталя.—Въ первомъ томѣ своего сочиненія Шталь излагаетъ „Исторію Философіи,“ съ Платона и Аристотеля до позднѣйшаго времени, во второмъ—„общія начала права и частное право,“ а въ третьемъ—„ученіе о государствѣ и начала государственнаго права.

2) *Система нѣмецкаго права* Гербера, впервые явившись 22 года предъ симъ, составила эпоху въ догматическомъ изложеніи

частнаго нѣмецкаго права. Съ того времени въ теченіи почти четверти столѣтія играетъ эта система весьма видную роль въ литературѣ нѣмецкаго права и сверхъ того не остается безъ вліянія на законодательство: такъ многія положенія Гербера давно перешли въ достояніе науки и законодательства.—Вотъ какой отзывъ встрѣчаемъ мы въ нѣмецкой литературѣ о сочиненіи Гербера. И нельзя не довѣриться отзыву, имѣя предъ собою изданіе „Системы." Для насъ—русскихъ это сочиненіе должно имѣть особенно то важное указаніе, что, если въ Германіи, принявшей римское право, цѣнятся заслуги писателей, воздѣлывающихъ національное право, то у насъ подобное вниманіе къ русскому праву должно быть потребностію настоятельною. Замѣтимъ при этомъ, что Герберъ не принадлежитъ къ числу чистыхъ, рьяныхъ или односторонникъ германистовъ, напротивъ онъ сохраняетъ полнѣйшее уваженіе, даже благоговѣніе къ римскому праву, такъ что Блунчли называетъ его просто романистомъ, который втискиваетъ нѣмецкое право въ школьныя понятія римскаго. И между тѣмъ вотъ какъ Герберъ выражается относительно своего нѣмецкаго права. „Не считаю нужнымъ, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, указывать особенно на то, что задачею своего труда поставляю отстаивать самостоятельность нашего нѣмецкаго права." Другими словами, эта задача разумѣется сама собою. „Въ бурѣ настоящаго времени многое можетъ исчезнуть изъ того, что въ моей книгѣ излагается, какъ существующее; но только будущее имѣетъ призваніе опредѣлить какіе институты нѣмецкаго права должны остаться въ жизни, а не сѣкира настоящаго, часто направленная противъ живыхъ отраслей организма. Ошибка думать, что столѣтнія учрежденія можно уничтожить однимъ почеркомъ пера; принципъ, лежащій въ основѣ этихъ учрежденій, все будетъ возникать не въ той, такъ въ другой формѣ, пока онъ будетъ питаться изъ своего естественнаго источника,—народнаго сознанія." „Далѣе, говоря о значеніи нѣмецкаго права, Герберъ утверждаетъ, что съ принятія римскаго права, стало господствовать въ Германіи заблужденіе, по которому думали достигнуть совершенства въ нѣмецкомъ правѣ простымъ принятіемъ иноземнаго. Это заблужденіе лежало въ непониманіи отношенія права къ народу и народности." „Не менѣе ошибочнымъ считаетъ Герберъ тотъ способъ построенія нѣмецкаго права, по которому иные хотѣли вывести его, какъ сумму, изъ разработки партикулярныхъ правъ Германіи. Съ одной стороны, нельзя ни одно партикулярное право объяснять изъ него самого, потому что этимъ прерывается связь частныхъ, мѣстныхъ учрежденій съ національностью; съ другой стороны, разработка партикулярныхъ правъ уничтожаетъ при-

знаніе научнаго значенія за правомъ нѣмецкаго народа.“ Еще далѣе, Герберъ называетъ право просто „продуктомъ народа.“ У римскаго права, которое есть также продуктъ своего народа и времени, Герберъ заимствуетъ для нѣмецкаго преимущественно систему, слѣд. общую идею права и ея распредѣленіе и обоснованіе. Поэтому, въ противоположность другимъ писателямъ, напр. тѣмъ, которые систему нѣмецкаго права строили на правахъ личности, или на личныхъ правахъ дворянъ, крестьянъ и т. д., Герберъ стоитъ на идеѣ частнаго права, съ его раздѣленіемъ на: 1, права на вещи, 2, права на дѣйствія и 3, права на лица, куда относитъ семейное право и наслѣдственное право. Кстати замѣтимъ, что *народъ* разсматривается здѣсь, какъ и должно, въ его исторической цѣлости и въ его органическомъ единствѣ, составляемомъ изъ областей и земствъ, изъ общинъ и семействъ какъ что-то данное, опредѣленное въ его вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ, началахъ, обычаяхъ, а не какъ сумма индивидуумовъ, или данное населеніе, не представляющее volonté générale Руссо, а только volonté de tous, а потому мятущееся, измѣнчивое и, естественно, не призванное къ изданію обязательныхъ для будущаго поколѣнія плебисцитовъ, хотя бы они основаны были на поголовной подачѣ голосовъ. Это—наши сходы, составляющіе приговоры, а не законы. Истинно-народное понятно каждому мыслящему уже изъ его семьи и общины. Въ такомъ понятіи о народѣ ничего мистическаго.

3) *Прусскіе законы* относительно *поземельнаго права* — такое заглавіе не шокируетъ нѣмецкихъ ученыхъ,—и Беръ, сотрудникъ Игеринга, Унгера и Вундерлиха, начинаетъ свое изложеніе почти прямо съ текста законовъ. Дѣло идетъ о гипотекахъ и гипотечныхъ книгахъ,—дѣло, которое должно произвести громадное вліяніе на все ученіе о собственности. Для доказательства, два—три примѣра и положенія изъ книги Бера. — I О пріобрѣтеніи собственности въ земельныхъ участкахъ.—§ 1. Собственность въ участкѣ пріобрѣтается, въ случаѣ добровольнаго отчужденія, исключительно внесеніемъ въ книгу. § 2. Внесеніе пріобрѣтающаго, какъ хозяина, совершается тѣмъ, что прежній хозяинъ внесенный соглашается на внесеніе, а вносимый пріобрѣтатель того требуетъ, или проситъ (beantragt). При этомъ не требуется представленія или документа объ отчужденіи, ни доказательства передачи. Внесенію по желанію хозяина, приравнивается внесеніе по судебному приговору.“ Нашъ переводъ конечно, не имѣетъ технической юридической формы, но за то онъ буквально точенъ и ясенъ. А вотъ нѣсколько положеній, которыя существенно вяжутся съ текстомъ закона и составляютъ необходимыя его послѣдствія. „Послѣднее фактическое осно-

ваніе всякаго вещнаго права,— des gesammten Sachenrechts находится во владѣніи. Два первоначальныхъ способа пріобрѣтенія собственности—завладѣніе и давность. — Это не случайно, или произвольно, а лежитъ въ природѣ вещей. Признавая право на вещи должно признать фактъ господства надъ вещью за основу для права надъ вещью.—Между тѣмъ природа владѣнія во многихъ отношеніяхъ неопредѣленна, особенно, если дѣло идетъ о самомъ цѣнномъ имуществѣ,—о землѣ. Здѣсь *осуществленіе владѣнія* совершенно невозможно въ примѣненіи къ участкамъ неотгороженнымъ,—zu offenen Grundstücken, — а потому и переходъ, владѣнія и передача,—traditio, невозможны,—unthunlich.— И это давно живетъ въ сознаніи нашего народа." Отсюда необходимо вытекаетъ положеніе закона, по которому внесеніе въ Grundbuch есть единственный способъ пріобрѣтенія собственности въ землѣ. Отсюда же слѣдуетъ, что *давность непримѣнима къ землѣ* той страны гдѣ, введены эти Grundbücher и внесеніе въ эти книги.— Довольно, кажется, чтобы понять различіе, закономъ и теоріею полагаемое между собственностью въ имуществахъ вообще и поземельнымъ правомъ и чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ признать разумное основаніе для независимости права на землю новыхъ народовъ отъ воззрѣній римскаго народа и отъ его права и даже его теоріи.

4) А вотъ предъ нашими глазами еще проэктъ закона о собственности литературной и музыкальной, разсмотрѣнный весьма подробно Дамбахомъ — о собственности, которая вовсе уже не относится къ вещи,—res, но вся ограничивается мыслями, идеями, чувствами, духовными явленіями духовной жизни человѣка. Купивши книгу,рукопись, нотную партитуру, картину, или статую, вы можете дѣлать съ этими предметами что вамъ угодно, продавать, отчуждать, завѣщавать, рубить, рѣзать, жечь, усвоя вполнѣ свободно и мысли и чувства и образы, въ нихъ выраженныя. Но чего вы не имѣете права дѣлать, не совершая закономъ запрѣщеннаго дѣянія,—это—присвоенія идей и мыслей съ тѣмъ, чтобы выдавать ихъ другимъ за собственныя, и особенно съ тѣмъ, чтобы размножать ихъ механически—перепискою и печатаніемъ или литографіею, для продажи и для распространенія. Очевидно, что право автора существенно состоитъ въ правѣ на его идеи и мысли и въ исключительной власти распространять ихъ въ извѣстной формѣ. Гдѣ найдете вы въ римскомъ правѣ вещномъ,— in jure rerum, отдѣлъ, который помогъ бы вамъ составить по немъ теорію правъ автора, писателя, художника? Очевидно, что ученіе о правѣ собственности у новыхъ народовъ должно быть нѣсколько иное, чѣмъ привычное, школьное ученіе, но, конечно, не то, которое высказано въ сентябрѣ 1869 г. на чет-

вертомъ конгрессѣ международнаго союза рабочихъ въ Базелѣ и противъ котораго совершенно основательно возстаетъ Вагнеръ въ упомянутой брошюрѣ, подобно громадному большинству юристовъ и политико-экономовъ и государственныхъ людей, да и всего мыслящаго люда, понимающаго цѣну цивилизаціи и потому защищающаго святое, великое начало личной собственности.

5) Слава Богу, у насъ брошюра Вагнера не можетъ имѣть практическаго значенія, по отсутствію ученій, противъ которыхъ она ратуетъ столь побѣдоносно, и я могъ бы пройдти молчаніемъ такое явленіе, еслибы авторъ, въ азартѣ своего преслѣдованія, не забѣжалъ далеко за цѣль и не ворвался въ русскіе предѣлы. Повѣритъ ли читатель, что Вагнеръ, повсюду истребляющій соціалистовъ и коммунистическія ученія, нашелъ ихъ въ русскихъ крестьянахъ и въ русскомъ общинномъ владѣніи? Недоразумѣніе печальное, вызвавшее Вагнера посвятить цѣлую треть брошюры осужденію общиннаго владѣнія въ Россіи. Какъ будто у насъ не признается принципъ личной собственности; какъ будто ему грозитъ опасностію общинное владѣніе; какъ будто общинное наше владѣніе имѣетъ значеніе общаго правила для поземельнаго владѣнія и не составляетъ только одного изъ разнообразныхъ видовъ собственности, начиная съ государственной, казенной, общественной, или принадлежащей разнымъ вѣдомствамъ и кончая собственностью общинъ, городовъ, селъ, обществъ и частныхъ лицъ!—Но таковы постоянно пріемы политико-экономовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и нашъ авторъ. Онъ смѣшиваетъ вопросъ о пользѣ съ вопросомъ о правѣ и считаетъ справедливымъ и сообразнымъ съ правомъ только то, что онъ признаетъ за полезное. Такъ какъ политическая экономія имѣетъ своимъ предметомъ пользу и пользу матеріальную и такъ какъ субъектомъ и факторомъ этого полезнаго она считаетъ, только физическое лицо, отдѣльное, отвлеченное,то для нея не существуетъ ни самостоятельнаго права семьи, съ ея весьма разумной практическою общностью имуществъ, съ ея наслѣдствомъ и фамильными институтами—родоваго имущества, майоратнаго и т. п., — ни самостоятельнаго *права общинъ*, съ ихъ учрежденіями—мостами, дорогами, храмами, школами, для которыхъ необходимы общинные капиталы и общинныя владѣнія,—ни самостоятельнаго права на землю даже народа. Все *для* отдѣльныхъ лицъ; но не все *при ихъ* исключительной работѣ. Что было бы съ этою работою, не обезпеченною общественнымъ трудомъ и общенароднымъ фондомъ,—землею и богатствомъ?—Тоже что съ языкомъ, еслибы каждому вновь раждающемуся пришлось самому его выдумывать. Печальныя

недоразумѣнія политико-экономовъ въ области права, конечно, подали поводъ и къ отрицанію поземельнаго личнаго права. Начиная, какъ то дѣлаютъ юристы-цивилисты, съ положенія, что владѣніе есть фактъ, проявляющійся въ произвольномъ захватѣ никому не принадлежащаго участка земли, политико-экономы, не обращающіе вниманія, на то, что право народа не исчерпывается гражданскими, частными законами и что есть право народа также на землю и что это право предшествуетъ всякому захвату, все-таки толкуютъ, что первый захватившій участокъ— совершилъ дѣяніе произвольное, незаконное, родъ воровства и грабежа по отношенію къ другимъ. Таково происхожденіе извѣстной теоріи, если такъ можно назвать заблужденіе, самое дѣтское, облеченное въ школьную формулу. Но пусть они начнутъ не съ физическаго движенія отдѣльныхъ лицъ, а съ историческаго дѣйствія народа, нѣкогда пріобрѣтшаго всю землю,— тогда убѣдятся, что завладѣніе извѣстнымъ, никому изъ отдѣльныхъ лицъ не принадлежащимъ участкомъ есть право завладѣвающаго, какъ члена народа, и что, если тутъ можно говорить о завладѣніи и владѣніи, какъ фактѣ, то въ особомъ, юридическомъ смыслѣ и по отношенію къ окружающимъ, также отдѣльнымъ лицамъ. Владѣніе есть и фактъ и право, защищаемое интердиктами, или полиціею, а потому могущее превратиться въ собственность, и никогда—въ преступленіе кражи или грабежа. Если владѣніе только фактъ, то немыслимо accessio possessionis и зачитаніе въ давность времени владѣнія, напр. завѣщателя, отца. Принимая къ сердцу явленія подобныхъ недоразумѣній, нельзя юристу не высказать общаго принципа, по которому въ христіанскихъ и вообще образованныхъ странахъ не полезное должно служить нормою для права, а справедливое должно быть закономъ для полезнаго, или короче: не то справедливо, что полезно, а то лишь истинно полезно, что справедливо. Вотъ настоящее отношеніе политической экономіи къ праву.

6) К. П. Побѣдоносцевъ, столько извѣстный образованной русской публикѣ и какъ юристъ-практикъ и какъ юристъ-писатель и преподаватель, что курсъ его, навѣрное у всѣхъ спеціалистовъ на столѣ и предъ глазами и всякій изъ нихъ успѣлъ познакомиться съ этимъ „Курсомъ“ и отдать справедливость, подобающую труду и начитанности автора. Да и не-умѣста здѣсь распространяться о подробностяхъ, столько впрочемъ интересныхъ, сочиненія Г. Побѣдоносцева. Мы позволимъ себѣ только общее воззрѣніе на построеніе, которое авторъ даетъ семейному праву въ своемъ „Курсѣ,“ что́ у него занимаетъ первыя страницы теперь изданной книги. „Свойство семейственныхъ отношеній таково, что эти отношенія, по существу, личныя, а по-

тому *не передаваемыя*,—составляютъ всегдашній основной элементъ общественныхъ, государственныхъ отношеній, — обнимаютъ собою всего человѣка, а потому суть *цѣльныя, постоянныя*, безсрочныя,—имѣютъ общественный характеръ, — возникаютъ независимо отъ личной воли."—Очевидно, что авторъ признаетъ семью однимъ изъ элементовъ общества и готовъ провозгласить семейное право составною частью общественнаго, а не гражданскаго права. При этомъ станетъ яснымъ до очевидности, что не семейное право должно формовать по образцу права на вещи, какъ въ Римѣ, а самое вещное право должно разсматривать, какъ подлежащее вліянію и видоизмѣненію со стороны семейнаго, откуда произойдетъ напр. ученіе о приданомъ и выдѣлѣ, о завѣщаніяхъ и наслѣдствѣ, — институты, которые въ чисто гражданскомъ правѣ неизвѣстны, и которые родятся только въ области семьи, подобно тому, какъ въ чисто гражданскомъ правѣ неизвѣстны общинное или общественное владѣнія, родящіяся только въ общинахъ и обществахъ. Таковы, кажется, простые выводы изъ приведенныхъ положеній „Курса." Но перевертываемъ далѣе двѣ—три страницы въ „Курсѣ", и находимъ, что авторъ называетъ бракъ не обществомъ, въ которое вступаютъ всею своею жизнію, или *всецѣло* мужъ и жена, какъ люди, а *союзомъ*, и говоритъ прямо: „бракъ, безъ сомнѣнія, заключается по договору," забывая, что договоромъ не могутъ быть установлены *постоянныя, безсрочныя, личныя, цѣльныя, общественныя* отношенія, служащія основою для общественныхъ, народныхъ и государственныхъ отношеній и не объясняя читателю, почему предполагаемый брачный договоръ можетъ имѣть мѣсто только между мущиной и женщиной,—почему онъ дозволенъ для молодыхъ людей даже раньше ихъ гражданскаго совершеннолѣтія, раньше 21-го года, и запрещенъ для полноправныхъ лицъ, переступившихъ 80-ти лѣтній возрастъ,—или почему этотъ договоръ считается неразрушимымъ, безъ суда и участія власти, и почему онъ долженъ стать обязательнымъ для потомка еще будущаго, и пр. и проч? Нѣтъ, если допустить договоръ для брака, то допустите договоръ для общинъ, для селъ и городовъ, для земствъ уѣздныхъ и губернскихъ, а наконецъ и для народа. Осмѣливаюсь при этомъ указать на свою статью въ XII № Юридическаго Вѣстника, 1870. — Столько извѣстный цѣлой Россіи авторъ „Курса" могъ бы скорѣе, всякаго другаго освободясь отъ принятыхъ школьныхъ преданій, проложить новый путь въ изученіи русскаго семейнаго права, согласно тѣмъ философскимъ, гуманнымъ воззрѣніямъ, которыхъ заявленіемъ онъ открылъ курсъ своего семейнаго права. Время требуетъ своего дѣятеля.

7) Къ числу не безотрадныхъ явленій въ нашей юридической

литературѣ должно причислить сочиненіе Г. Будзинскаго: „Начала Уголовнаго Права“, хотя дѣйствительно это—не начала права, въ смыслѣ принциповъ, а начальныя положенія, пожалуй, общія положенія, или общая часть уголовнаго права. Было бы слишкомъ большою роскошью въ наукѣ уголовнаго права, если-бы вся довольно объемистая книга Г. Будзинскаго содержала одни начала и притомъ изложенныя въ отдѣльныхъ, коротвихъ параграфахъ. Это—неточность въ оглавленіи, повторяемая впрочемъ и во Введеніи, гдѣ авторъ говоритъ, что онъ старается изложить въ своей книгѣ начала уголовнаго права, съ обращеніемъ особеннаго своего вниманія на ученіе о преступленіи, и съ примѣненіемъ къ дѣлу сравнительнаго метода, въ убѣжденіи, что наука расширяетъ свой горизонтъ, обращая вниманіе на положительныя законодательства, или кодексы разныхъ государствъ потому, какъ увѣряетъ авторъ, что нерѣдко кодексы разрѣшаютъ вопросы, не разработанные наукою. По нашему, тутъ опять неточность, и намъ странно какъ-то читать въ ученомъ трактатѣ заявленіе, будто положительное постановленіе какого бы то ни было кодекса можетъ разрѣшить вопросъ науки, которая сама подвергаетъ критикѣ и обсужденію или обоснованію всѣ положительные кодексы. Тутъ явно qui pro quo.— Въ статьѣ объ отношеніи уголовнаго права къ другимъ системамъ права, авторъ, не стѣсняясь относитъ уголовное право къ государственному, называя уголовное право просто составною частью государственнаго, потому что, говоритъ авторъ, уголовное право имѣетъ цѣлью охранить общественный порядокъ, и содержитъ въ себѣ правила, которыми государство должно руководствоваться при исполненіи своего права и своей обязанности налагать наказаніе. Но, если авторъ серьезно обращаетъ особенное свое вниманіе на преступленіе, которое совершается гражданами, частными людьми, то онъ скорѣе долженъ уголовное право отнести къ частному гражданскому, потому что преступники, по уголовной теоріи, имѣютъ несомнѣнное право на законное, справедливое наказаніе не свыше ихъ вины, не свыше мѣры и не безъ гарантій въ судѣ присяжныхъ противъ произвола судей. Самъ авторъ весьма справедливо учитъ въ статьѣ, озаглавленной: „Окончательные выводы“, что „основанія наказанія не должно искать внѣ преступленія, но въ немъ самомъ, въ его существѣ“. Что же такое преступленіе, по автору?—„Понятіе преступленія не можетъ быть построено философически. Оно коренится на положительномъ правѣ.“ Тутъ, очевидно, опять неточность. Во имя справедливости, наказаніе должно имѣть свое основаніе въ существѣ преступленія; но если понятіе преступленія будетъ въ произволѣ наказующаго, тогда уничтожается всякая мысль о справедливости. Вѣрно другое положеніе автора,

что „преступленіе есть явленіе историческое“, но къ сожалѣнію, авторъ не остановился на этомъ положеніи, весьма глубокомъ. Въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ, по различію ихъ образованности, разныя дѣянія частныхъ лицъ получаютъ предикатъ преступленій и преступно въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ только то, что въ народѣ признается преступнымъ. Тутъ произвола нѣтъ и отсюда законодатели Русской Правды, Судебниковъ и Уложенія заимствовали свои положенія о преступленіяхъ,равно какъ и свое право наказывать эти преступленія—то церковнымъ покаяніемъ, то правежемъ, то тюрьмою, то тѣлесно, то пенями, сообразно, опять, общему убѣжденію народа въ справедливости, или въ соотвѣтствіи наказанія съ поступкомъ. Если уголовное право не есть освященіе произвола, а дѣйствительное право,—оно должно искать для себя той исторической, народной почвы, какъ всякое право—частное, общественное, государственное.—Но, кажется, что нашъ авторъ именно не довольно знакомъ съ исторіею уголовнаго права, такъ что напр., говоря въ главѣ о наказаніяхъ, о смертной казни и о томъ, что со времени Беккаріа смертная казнь мало-по-малу уничтожается въ Европѣ, приводитъ историческія событія разныхъ европейскихъ государствъ, въ которыхъ смертная казнь уничтожена, начиная съ тосканскаго закона, 1786 г. и вовсе умалчиваетъ объ уничтоженіи смертной казни въ Россіи еще съ 1742 г.—Впрочемъ Юридическій Факультетъ Московскаго Университета уже произнесъ свой приговоръ надъ сочиненіемъ Г. Будзинскаго, признавъ автора достойнымъ степени доктора Уголовнаго Права.

Два слова въ видѣ добавленія. Издаваемые на разныхъ языкахъ въ Европѣ, да и наши уголовные процессы, напр. только что появившіеся „Процессы“ Г. Любавскаго. С.-Петербургъ, 1871 г. ясно свидѣтельствуютъ, что право уголовное не должно быть внѣ народнаго сознанія и частію государственнаго права, если не хочетъ вызывать странные, т. е. неожиданные для здраваго смысла ,оправдательные приговоры.

8) Было бы весьма интересно, еслибы Тренделенбургъ замѣтилъ пробѣлъ въ правахъ—уголовномъ,или гражданскомъ,столько полныхъ, но останавливаться на пробѣлахъ въ народномъ правѣ и при томъ по случаю войны нѣмецко-французской 1870 г., значитъ тоже, что сожалѣть о волосахъ, снявши головы. Въ народномъ правѣ не пробѣлы важны, а важна бездна или пропасть неопредѣленности и отсутствія положительнаго права; особенно во время войны. Брошюра Тренделенбурга начинаетъ съ проэкта вѣчнаго мира, Zum ewigen Frieden, Канта, и находитъ, что до сихъ поръ проэктъ не осуществленъ, хотя основанъ на философско-моральныхъ началахъ самаго высшаго достоинства. Особенно пострадало народное право въ послѣдней войнѣ 1870 г.

Затѣмъ отмѣчаетъ авторъ недостатки народнаго права, напр. отсутствіе судебной власти, равно какъ средствъ законнаго принужденія и т. д.—вещи, конечно, уже всѣмъ и давно извѣстныя. Любопытны не эти пробѣлы, а ихъ причина и основаніе. Соображая сказанное нами въ этихъ библіографическихъ замѣткахъ, нетрудно найти положеніе,по которому мы отрицаемъ естественное право для отдѣльныхъ лицъ, по непризнанію естественнаго состоянія Гоббеса и другихъ, для этихъ отдѣльныхъ лицъ. Въ природѣ дѣйствуетъ только законъ необходимости, какъ въ ветхомъ завѣтѣ, только законъ, безъ благодати; а тамъ, гдѣ законъ необходимость, тамъ нѣтъ свободы и нѣтъ ни понятій, ни началъ добра и зла, праваго и неправаго, ни вообще началъ и общихъ принциповъ. Все отдѣльно, индивидуально и оттуда, по Гоббесу, bellum omnium, а по нашему общая, всемірная свалка. Но въ свойствѣ человѣческихъ общихъ понятій и началъ лежитъ, что они общи, если не всѣмъ, то многимъ, или хоть нѣкоторымъ, а чрезъ то становятся достояніемъ общества и подъ защиту общества, начиная съ брачной четы, соединенной общими понятіями о вѣрѣ, морали, честномъ и безчестномъ. Въ семьѣ, эти понятія и начала стремятся распространиться и семья пропагандируетъ ихъ, посредствомъ воспитанія, какъ община посредствомъ своихъ учрежденій — храмовъ и молелень, школъ и училищъ, и своего общественнаго моленія. Еще болѣе силы пріобрѣтаютъ эти понятія и начала въ земствахъ, уѣздныхъ и областныхъ, и окончательно въ народѣ, котораго убѣжденія настоятельно воплощаются въ церкви и въ ея учрежденіяхъ и правѣ, — въ государствѣ и въ земствѣ, съ ихъ учрежденіями и правами, уже обязательными для отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ, всѣ общія понятія и начала восходятъ въ разныя сферы общества, и тамъ получаютъ свои гарантіи ненарушимости и исполненія. Отсюда въ каждомъ народѣ возможны и необходимы—и права и законы и судъ и расправа и законное принужденіе. Но каждый народъ равенъ всякому другому и всѣмъ другимъ, и ихъ отношенія установляются только по ихъ свободнымъ соглашеніямъ. Естественное состояніе тутъ и возможно и мыслимо и даже до времени необходимо, потому что народы не составляютъ общества, не имѣютъ необходимо общихъ началъ, ихъ связующихъ, а при отсутствіи общихъ началъ, и общества не могутъ имѣть ни законодателя, ни судьи, ни положительнаго права, ни законнаго принужденія. Война необходимость, и не о томъ должно хлопотать, чтобы войнъ не было, какъ невозможно хлопотать о томъ, чтобъ не было процессовъ, а о томъ, чтобы войны были ведомы по праву, съ соблюденіемъ человѣческихъ убѣжденій въ справедливомъ, добромъ, человѣколюбивомъ. Но это значитъ хлопотать, чтобы народы составили общество. До

такой степени правое общественно, народно, національно. Это—тоже, что языкъ народа. Это его физіономія, его личность.

9) Съ начала Среднихъ Вѣковъ, привыкли ссылаться на Библію, для доказательства разныхъ положеній въ правѣ. „И чего не должна была доказывать Библія? Какихъ нелѣпостей не защищали словами св. Писанія?“ Теперь опять ссылаются на Библію тѣ, кто требуетъ удержать смертную казнь, говоря будто Библія запрещаетъ отмѣну смертной казни. Но „Библія не содержитъ такого запрещенія; напротивъ, въ своемъ истинномъ пониманіи, въ связи со всѣми юридическими установленіями, относящимися къ уголовному процессу древняго іудейскаго народа, она явно осуждаетъ смертную казнь.“ Вотъ выводъ Раввина Фюрста изъ его изложенія, касательно состава суда, разсмотрѣнія уликъ и доказательствъ, приговора и его ревизіи, по древне-іудейскому процессу. — Нѣсколько примѣровъ, объясняющихъ основательность вывода.

Въ противоположность съ судомъ гражданскимъ, судъ уголовный составлялся изъ бо̀льшаго числа членовъ, а именно изъ 23, и притомъ ученыхъ, rechtsgelehrte Richter. Устраняются какъ родственники обвиняемаго, такъ и враги его и непріятели, равно какъ лица, не знающія языка страны, или не могущія знать жизнь человѣка вполнѣ, напр. холостые,—наконецъ, даже люди, пораженные какимъ-нибудь физическимъ уродствомъ, ибо, по закону, они часто возмущаются своимъ недостаткомъ, а потому не могутъ быть безпристрастными и спокойными судьями. Говоря о свидѣтеляхъ, законъ предписываетъ: 1, чтобы они точно отвѣтили на семь главныхъ вопросовъ, а именно: въ какую седмицу годовъ (Sabbatjahrperiode),—въ которомъ изъ годовъ этой седмицы,—въ какомъ мѣсяцѣ,—въ какой день мѣсяца и недѣли,—въ какомъ часу, и въ какомъ мѣстѣ совершилось преступленіе и 2, чтобы, въ случаѣ, если показанія свидѣтелей должны повести къ осужденію на смертную казнь, свидѣтели сами исполнили приговоръ суда. При сужденіи о дѣяніи, подлежащемъ такому приговору, участвуютъ, сверхъ 23 судей, еще столько же молодыхъ знатоковъ закона, которые также имѣютъ право голоса, но только для оправданія, и никогда для осужденія.—Наконецъ, законъ требуетъ ревизіи, или пересмотра смертнаго приговора всякій разъ, если хоть одинъ судья, или подсудимый, или даже частный посторонній человѣкъ заявитъ какое-либо обстоятельство, могущее измѣнить обвинительный приговоръ. Оправдательный приговоръ никогда не измѣняется. Для достиженія возможной провѣрки обвинительнаго приговора, судъ остается въ мѣстѣ засѣданія, готовый тотчасъ опять начать производство, даже въ то время, когда обвиненнаго ведутъ на мѣсто

казни. Поэтому у дверей суда все еще стоитъ одинъ приставъ суда, въ ожиданіи новыхъ заявленій, равно какъ для того же другой приставъ на лошади сопровождаетъ в едомаго на казнь, громогласно возвѣщая народу имя осужденнаго, вину его и имена обвинителей, и тѣмъ вызывая всякаго къ заявленію новыхъ обстоятельствъ въ дѣлѣ.—Изъ этой-то заботливости закона о жизни даже подсудимыхъ Раввинъ Фюрстъ дѣлаетъ свой оригинальный выводъ, привѣтствуемый Докт. Дитмаромъ, однимъ протестантскимъ богословомъ-пасторомъ, въ предисловіи къ брошюрѣ Фюрста.

Итакъ, одною ли религіозностію знаменитъ въ исторіи народъ іудейскій?—И, если преимущественно религіозностію, то не отразилась ли эта достойная особенность его на другихъ сторонахъ жизни и права?—И не стоитъ ли его личное право, не допускающее рабства, подобно уголовному процессу, вниманія и изученія?—И, наконецъ, какой народъ—свободный и живой, можетъ не имѣть своего права, и какой народъ можетъ, безъ крайняго униженія допустить у себя господство чужаго права? Конечно, для одинаковыхъ явленій въ жизни разныхъ народовъ могутъ и должны быть одинаковыя нормы, принципы и законы, какъ напр. распоряженія и положенія законовъ, относительно безопасности на чугунныхъ дорогахъ. Но, на бѣду, именно такихъ законовъ часто не имѣютъ даже образованныя государства запада, напр. Саксонія, бывшее королевство Ганноверъ, и т. д., и даже въ этихъ случаяхъ хотятъ довольствоваться правомъ римскаго народа и теоріею римскихъ юристовъ de locatione conductione operis de diligentia in eligendo и т. п. О чемъ можно читать любопытныя сообщенія въ брошюрѣ дрезденскаго адвоката Доктора Густава Лемана, отъ 1869 г., Körperverletzungen und Tödtungen auf deutschen Eisenbahnen, съ указаніемъ на недостаточность законныхъ способовъ для обезпеченія здоровья и жизни пассажировъ, ѣдущихъ по нѣмецкимъ чугуннымъ дорогамъ, и обязанныхъ, въ качествѣ истцовъ противъ компаніи, доказывать отрицательный фактъ, что компанія не имѣла diligentiam in eligendo.

Читателю предоставляемъ рѣшить вопросъ о томъ—случайность ли вызывала насъ, при каждомъ изъ упомянутыхъ сочиненій, поднимать взоры *горѣ*—къ обществу, къ народу, къ народности, для обоснованія того, или другаго права, или то было необходимое слѣдствіе принципа, по которому дѣйствительно всѣ права лицъ суть только эманація высшаго права, принадлежащаго народу и его духу, и служащаго основою какъ для исторической философіи Шталя, такъ и для исторической школы права?

Февраля 15 1871.

В. Лешковъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

119 Ст. Устав. Уголов. Судопр.

Учрежденіе мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ хотя, по свойству подчиняемыхъ имъ дѣлъ и условій, требуемыхъ закономъ для занятія должности мироваго судьи, имѣетъ особый характеръ, рѣзко отличающій его отъ общихъ судебныхъ учрежденій, тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ отправленія уголовнаго правосудія, цѣль этого мѣстнаго суда, ближе всего соприкасающагося съ обыденными явленіями народной жизни, состоитъ также въ достиженіи дѣйствительной истины въ каждомъ дѣлѣ, подлежащемъ его разсмотрѣнію. Законодатель, признавъ возможнымъ отмѣнить прежнія свои постановленія (Том. XV ч. 2 Зак. Уголовн. Судопр. стт. 306—316, 323, 329, 330—333, 336, 339, 340, 343 и 344—348), относительно обязательнаго толкованія силы доказательствъ и уликъ, предоставилъ судьямъ опредѣлять вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Разсматриваемая нами 119 Ст. Устав. Уголов. Судопр. есть только примѣненіе означеннаго общаго правила къ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ. Итакъ, личному убѣжденію Судьи, нынѣ данъ должный просторъ. Мировой институтъ уже успѣлъ заслужить себѣ народное довѣріе и уваженіе. Судебная практика этого простаго и доступнаго всѣмъ суда служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ его полезности. Но право судей руководствоваться при разрѣшеніи уголовныхъ дѣлъ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ возбудило во многихъ случаяхъ сомнѣніе относительно правильности примѣненія и толкованія 119 ст. Многимъ непонятно, какимъ образомъ одно и тоже дѣло, разрѣшенное ми-

ровымъ судьею и затѣмъ съѣздомъ мировыхъ судей, получаетъ разный исходъ и какимъ образомъ можетъ быть контролировано внутреннее убѣжденіе. Законъ, устранивъ обязательную силу теоріи судебныхъ доказательствъ, не имѣлъ въ виду этимъ отвергнуть научнаго значенія судебныхъ доказательствъ, такъ въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предсѣдателемъ суда объясняются общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ (803 Ст. Устав. Уголов. Судопр.). Многіе мировые судьи не получили юридическаго образованія; въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію обличеніе, обвиняемыхъ предоставлено потерпѣвшимъ отъ преступныхъ дѣйствій *частнымъ лицамъ*, а также полицейскимъ и другимъ административнымъ властямъ, въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, обвиняемый же хотя, по закону (ст. 90 Уст. Угол. Судопр.) и можетъ поручить защиту своихъ правъ повѣренному; но въ дѣйствительности, въ дѣлахъ маловажныхъ, и особенно люди бѣднаго состоянія не могутъ воспользоваться этимъ великимъ правомъ, по трудности пріисканія защитника. Итакъ, все судебное слѣдствіе, имѣющее задачею открыть истину, зависитъ не только отъ добросовѣстности и безпристрастія, но и отъ степени опытности и юридическаго образованія мироваго судьи. Въ такомъ положеніи, чтобы дѣятельность мироваго судьи соотвѣтствовала цѣлямъ правосудія, недостаточно ссылаться въ приговорѣ на 119 ст., какъ это случается иногда на практикѣ, но необходимо указаніе на тѣ обстоятельства дѣла, по которымъ судья пришелъ къ заключенію о дѣйствительности происшествія или дѣянія, признаваемаго преступнымъ, о наличности законныхъ признаковъ опредѣляющихъ свойство проступка или преступленія и объ отношеніи воли обвиняемаго къ преступному дѣянію. Уголовныя дѣла, восходящія до разсмотрѣнія мировымъ съѣздомъ, съ точки зрѣнія научной о силѣ судебныхъ доказательствъ, подлежатъ дѣйствительной провѣркѣ убѣжденія судьи, постановившаго приговоръ, потому что высшая инстанція вправѣ, съ своей стороны, принять въ соображеніе тѣ или другія основанія опыта и науки къ сужденію о силѣ доказательствъ. Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что судьи, руководствуясь, 119 ст., по одному и тому же дѣлу приходятъ къ разнымъ заключеніямъ. Законодатель не могъ избрать никакого способа, занимающаго средину между теоріею законныхъ доказательствъ и предоставленіемъ судьѣ судить дѣло по совѣсти и по внутреннему своему убѣжденію. Все, что можно было сдѣлать для ограниченія судейскаго произвола—сдѣлано. Установлены строгія формы судопроизводства, обезпечивающія и общество и права отдѣльныхъ лицъ и поставлено непремѣннымъ условіемъ, что-

бы основаніемъ убѣжденія судьи служила *совокупность обстоятельствъ дѣла*. Дальнѣйшее развитіе мировыхъ судебныхъ учрежденій зависитъ отъ выбора мировыхъ судей, отъ степени образованія и опытности ихъ; этому возможно содѣйствовать отчасти добросовѣстнымъ и основательнымъ контролемъ дѣятельности мировыхъ судебныхъ учрежденій — гласность суда служитъ для этого самымъ могущественнымъ средствомъ. Наша юридическая литература не должна быть равнодушною къ дѣлу суда, имѣющему ближайшее отношеніе къ народу и составляющему силу земства. Мы по мѣрѣ силъ нашихъ и познаній, станемъ трудиться для разъясненія вопросовъ, возникающихъ въ мировомъ судѣ и обращаемся ко всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ въ этомъ отношеніи не отказать въ содѣйствіи своемъ сообщеніемъ редакціи Юридическаго Вѣстника болѣе замѣчательныхъ случаевъ изъ судебной практики мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ.

II.

41 Ст. Учрежд. Судебн. Устан.

Участковый мировой судья избираетъ, съ согласія съѣзда мировыхъ судей, постоянное мѣсто пребыванія въ своемъ участкѣ, для разбирательства подвѣдомыхъ ему дѣлъ, *но просьбы онъ долженъ принимать вездѣ и во всякое время*, а въ необходимыхъ случаяхъ и разбирать дѣла на мѣстахъ, гдѣ оныя возникли. При такомъ ясномъ постановленіи приведеннаго узаконенія, кажется, мировымъ судьямъ ничего болѣе не оставалось какъ подчиниться волѣ законодателя. Но на дѣлѣ вышло другое. Желаніе Монарха утвердить *въ народѣ уваженіе къ закону*, безъ коего невозможно общественное благостояніе и *которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго*, на первыхъ же порахъ, приходитъ въ столкновеніе съ произволомъ тѣхъ же, кому вручено исполненіе законовъ. Нѣкоторые мировые судьи учреждаютъ у себя порядки, не соотвѣтствующіе ни цѣли, ни существу ихъ обязанностей. Забывая, что доступность мироваго суда составляетъ одно изъ главныхъ его достоинствъ, — отказываются отъ точнаго исполненія правила, изложеннаго въ вышеупомянутой статьѣ Учр. Суд. Устан. — Назначаютъ дни, въ которые ими просьбы и жалобы не принимаются. Такъ, недавно намъ пришлось провѣрить это и собственнымъ опытомъ. Между тѣмъ такой порядокъ вещей, не согласный съ закономъ, весьма часто невыгодно отражается на тѣхъ, кто имѣетъ необходимость въ судебной защитѣ мировыхъ учрежденій. Сроки на обжалованіе опредѣленій

и рѣшеній мировыхъ судей, въ особенности по дѣламъ уголовнымъ, кратки; съ пропущеніемъ сроковъ сопряжена потеря самаго права; обвиняемые и тяжущіеся для обжалованія опредѣленій и рѣшеній мировыхъ судей, большею частью, должны предварительно, до истеченія сроковъ, заручиться необходимыми справками, копіями, которыя не тотчасъ же выдаются мировыми судьями, и другими необходимыми для разъясненія дѣла доказательствами и наконецъ пріискать повѣреннаго, которому нерѣдко придется составлять жалобу наканунѣ срока. И вотъ повѣренный, положимъ въ Москвѣ, является къ одному изъ мировыхъ судей 1-го округа въ понедѣльникъ къ часамъ 10 утра. Отвѣтъ:—присутствія сегодня не будетъ, просьбъ не принимаютъ. Мировой судья долженъ быть въ съѣздѣ — повѣренный отправляется въ съѣздъ — но тамъ получаетъ отказъ въ принятіи жалобы, причемъ ему отказывается безъ надписи на жалобѣ. Легко представить положеніе жалобщика. Спрашивается чѣмъ можетъ быть оправдано подобное стѣсненіе правъ частнаго лица. Конечно не закономъ — установившимъ совершенно иное правило. Но если, по соображеніямъ недоступнымъ для обыкновенныхъ смертныхъ, для удобства мировыхъ судей и необходимо установленіе времени для пріема просьбъ и жалобъ, то почему же наконецъ не назначить онаго каждодневно въ опредѣленные только часы; кажется это не трудно было-бы — мы готовы допустить нѣкоторую уступку и не тревожить мировыхъ судей во всякій часъ дня; но исключать дни — это уже слишкомъ тяжело можетъ обойтись для людей нуждающихся въ судьѣ.

А. Фальковскій.

00083629
ЮФ СПбГУ